PG 3321
.B76 A85

1843

LIBRARY OF CONGRESS
00006064656

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

АРИСТОКРАТКА.

БЫЛЬ НЕДАВНИХЪ ВРЕМЕНЪ,

РАЗСКАЗАННАЯ

П. Брантомъ.

Она была прекрасна, какъ первое дуновеніе весны, какъ первый цвѣтъ весенней розы: такъ же легка и такъ же благоухающа....

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

PG3321
.B76A85
1843

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.— С. Петербургъ, Декабря 19 дня 1842 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

Въ типографіи А. Бородина и К°.

88-209628
P 34
12-09-88

I.

Пріятели случайно повстрѣчались
И затянули длинный разговоръ.
Не рѣшено, когда они разстались,
О чемъ шла рѣчь — про дѣло или вздоръ.

* * *

— Ты ли это? Я думалъ, что тебя нѣтъ уже на свѣтѣ.... Три года пропадалъ! Съ послѣдней встрѣчи нашей въ театрѣ.... помнишь?.... ты вдругъ исчезъ... Сколько я тебя ни отыскивалъ!.... Скажи, Бога ради, гдѣ ты такъ долго скрывался?

— Я не выѣзжалъ изъ Петербурга.

Такъ начался разговоръ между двумя пріятелями, повстрѣчавшимися на углу Большой Морской, у самаго Невскаго Проспекта. Первый былъ мужчина высокаго роста, смуглый, или, правильнѣе, брюнетъ, лѣтъ подъ тридцать, довольно видный, довольно пріятной наружности, въ модномъ фракѣ, съ бакенбардами, и даже съ усами: короче, по всѣмъ признакамъ,

отставной военный. Другой былъ гораздо помоложе, именно лѣтъ двадцати пяти, роста нѣсколько выше средняго — за то красавецъ, съ каштановыми волосами, съ блѣдно-розовымъ румянцемъ на щекахъ, наконецъ, съ самыми темными глазами, казавшимися еще темнѣе отъ густыхъ и длинныхъ рѣсницъ. Съ перваго взгляда ни что особенно не поражало ни въ чертахъ лица, ни въ выраженіи глазъ молодаго человѣка, но вглядѣвшись въ него внимательнѣе, нельзя было не замѣтить въ нихъ явственныхъ слѣдовъ глубокой и продолжительной печали, придававшей лицу его оттѣнокъ кроткой, мечтательной задумчивости. Не смотря на нѣжно розовыя щеки, на всѣ признаки едва минувшей юности, общее въ лицѣ молодаго человѣка, отзываясь, если можно такъ выразиться, неотступнымъ воспоминаніемъ какого-то тяжкаго лишенія и раннимъ опытомъ, рѣзко противорѣчило съ веселымъ, беззаботнымъ лицемъ брюнета, на которомъ, кажется, никогда не останавливалась долго ни какая мысль, не нарѣзывался даже отпечатокъ самаго мимолетнаго чувства или ощущенія.

— Не выѣзжалъ изъ Петербурга? повторилъ онъ. —Какъ же я не могъ отыскать тебя!.... Правда, мнѣ и въ голову не пришло справиться на прежней твоей квартирѣ: я все спрашивалъ у общихъ нашихъ знакомыхъ.... Скажи, однакожъ, гдѣ ты теперь живешь?

— У Смоленскаго кладбища.

— У Смоленскаго кладбища! Это что за фантазія?

— Въ продолженіе трехъ лѣтъ я схоронилъ отца, мать и сестру; теперь у меня нѣтъ никого больше родныхъ....

— А деньги есть?... или старики не схоронили тебѣ ровно ничего? прервалъ брюнетъ.

Молодой человѣкъ горько улыбнулся, какъ-бы го-

воря этой улыбкой: «Вотъ нашъ вѣкъ! Что думать о потерѣ родныхъ, если они оставили наслѣдство!»

— Ахъ, любезный, можно ли говорить о деньгахъ, когда человѣкъ не успѣлъ еще свыкнуться съ своимъ одиночествомъ въ мірѣ! прибавилъ онъ вслухъ.

— Фи, какое сентиментальничество! Не хочешь ли ты заплакать? У тебя же такіе слезливые глазки! Я вижу, братецъ, что ты все такая же *дѣвчонка*, какъ былъ въ пансіонѣ.... помнишь, у мосье.... чортъ возьми, какъ-бишь его звали? Представь себѣ: сдѣлался прегорькимъ пьяницей, чуть не валяется по улицамъ.

— Богъ съ нимъ.... До свиданія.... я спѣшу....

— Спѣшишь? Нѣтъ, братъ, отъ меня такъ скоро не отдѣлаешься! Постой, постой! Я просто не пущу тебя.... Столько лѣтъ не видались! Потолкуемъ!... Я знаю, ты чудакъ, за то добрый малый, преблагородная душа!... Дай-ка поглядѣть на тебя.... Фи! въ длиннополомъ сюртукѣ, на ватѣ, точно, будто пятдесятъ пять лѣтъ ему! Нынче, братъ, не носятъ такихъ сюртуковъ... Я, вотъ, какъ сдѣлался штафиркой, знаю всѣ моды.... Впрочемъ, я опять подалъ въ военную, въ кавалерію. Хочу, братъ, понаѣздничать! Я славно ѣзжу верхомъ. Что твой Міоратъ!

Молодой человѣкъ сдѣлалъ движеніе нетерпѣнія, протянулъ руку будущему кавалеристу, желая проститься съ нимъ, или, говоря яснѣе, отвязаться отъ него. Не тутъ-то было! Пріятель схватилъ его за руку, почти прижалъ къ воротамъ дома, подлѣ которыхъ они стояли, и продолжалъ:

— Да, братецъ, профинтился! Нельзя не служить: не хватаетъ пороху... Съ тремя тысячами годоваго въ столицѣ далеко не уѣдешь. Я, братъ, ротмистромъ поступаю, эскадронъ получу. Теперь прибавлено жалованья. Можно, братъ, служить и бѣднякамъ, а

съ тремя тысячами своего лихо заживу.... Впрочемъ еще, можетъ быть, и не пойду во фрунтовую. Хотѣлось бы, этакъ, братецъ, въ адьютанты, не выѣзжая изъ Петербурга.... Ну, а твои дѣлишки? Я опять таки спрошу у тебя, хоть ты и сердишься: признавайся-ка, сколько тебѣ оставили старики? Вѣдь отецъ твой, помнится, былъ вице-губернаторомъ....

— И какъ многіе вице-губернаторы, былъ честнымъ человѣкомъ. Кромѣ жалованья....

— Разсказывай, милый! Знаемъ мы.... А безгрѣшные-то?.. Ну, да, къ дѣлу, братецъ — по просту, безъ оговорокъ: сколько тебѣ оставилъ старикъ въ шкатулкѣ или въ иномъ тепломъ мѣстечкѣ? Это, братецъ, существенное, вещественное....

— У меня не больше твоего годоваго дохода.... небольшая деревня....

— И служишь?

— Нѣтъ.

— То есть, въ томъ пользы не находишь, какъ говоритъ Грибоѣдовъ. Преострый былъ писатель! Славная, братецъ, эта вещь — *Горе отъ ума*!

Злой сатирикъ-читатель въ правѣ подумать, что будущему кавалеристу, къ его счастію, конечно, нечего опасаться подобнаго горя. Между тѣмъ молодой человѣкъ отвѣчалъ:

— Напротивъ, если бъ я былъ и въ десятеро достаточнѣе, и тогда не чуждался бы службы. По мѣрѣ силъ своихъ и способностей быть полезнымъ обществу, отечеству — священная обязанность каждаго гражданина....

— Изъ печатнаго, братецъ, изъ печатнаго! Нельзя ли, любезнѣйшій, этакъ, попроще, разговорнымъ слогомъ, à la баронъ Брамбеусъ.... Вотъ, братецъ, тоже, что за острякъ! Я думаю, еще почище Грибоѣдова...

Что слово, то штука! Ужасно какъ люблю *литературную лѣтопись* «Библіотеки для Чтенія», особенно, этакъ, знаешь, послѣ обѣда, на диванѣ, съ трубкою! Просто, братецъ, прелесть.... хохочу, какъ сумасшедшій.... Чудо остритъ! (Кстати будетъ замѣтить здѣсь, что описываемый разговоръ происходилъ въ началѣ Октября 18** года: время и мѣсто, первыя условія всякаго повѣствованія.)

— Ты, вѣрно, также любишь *лѣтопись?* продолжалъ брюнетъ.

— Люблю иногда, но теперь я занятъ иною лѣтописью— Русскою Исторіею.

— Да, я и забылъ — вѣдь ты ученый, немножко, братецъ, педантъ, признайся!... Однакожъ, мы отдалились отъ предмета: скажи, отъ чего ты не служишь?

—Канцелярская служба мнѣ не по душѣ. Вотъ около года, какъ я вышелъ изъ **скаго Департамента, гдѣ былъ секретаремъ—невыносимая проза! Теперь намѣреваюсь продолжать службу по учебной части: ищу мѣста учителя Исторіи въ общественномъ заведеніи...

— Ну, что жъ, развѣ не сыскалъ еще—нѣтъ протекціи, рекомендацій?... А между тѣмъ что подѣлываешь? Ты, я помню, еще въ пансіонѣ мастеръ былъ писать стихи —эпиграммы на мосье.... Вотъ такъ на языкѣ и вертится.... И посланія къ его дочкѣ.... Ужасно, какъ подурнѣла и постарѣла! А вѣдь была прехорошенькая, когда еще въ панталончикахъ ходила!..

Молодой человѣкъ сдѣлалъ новое движеніе нетерпѣнія и хотѣлъ уйдти, но пансіонскій товарищъ опять схватилъ его за руку; на этотъ разъ, однакожъ, первый успѣлъ освободиться и сказалъ:

— Извини меня, я долженъ оставить тебя. Меня ожидаетъ одинъ изъ моихъ учениковъ. —Я даю уроки въ частныхъ домахъ.

— Чудесно! Хочешь я тебя буду рекомендовать? У меня, братецъ, есть связи; я знакомъ кой-гдѣ, принятъ въ лучшихъ домахъ. Ты вѣдь знаешь, тетка моя баронесса ***, а она двоюродная сестра графа *** и племянница князя ***! Все, правда, покойники, царство имъ небесное!... Славная, братъ, старуха тетка моя; жаль – скупа только! Умру, говоритъ, все тебѣ останется, а теперь, кромѣ трехъ тысячь постоянныхъ ежегодно, гроша не выпросишь у нея. Между тѣмъ свою особу наряжаетъ, чортъ знаетъ какъ: не только по послѣдней модѣ, сама выдумываетъ моды! Впрочемъ, на кавалерійскую экипировку обѣщала дать пять тысячь.—Служи, говоритъ, ты кутила; покамѣстъ не перебѣсился, тебѣ нельзя давать лишняго.... А что, вѣдь старуха права, какъ ты думаешь?

— Можетъ быть, но до свиданія! Я не могу медлить ни минуты болѣе—меня ждутъ. Если хочешь, заходи ко мнѣ, вотъ мой адресъ.

Молодой человѣкъ вручилъ ему карточку, на одной сторонѣ которой напечатано было имя, на другой означеніе мѣста жительства скромнаго кандидата въ профессоры Исторіи.

— Непремѣнно буду у тебя! отвѣчалъ кандидатъ въ Мюраты, пряча билетикъ въ карманъ жилета. – Сегодня вечеромъ, я у тетки; у ней обыкновенно собираются по субботамъ. Непремѣнно поговорю съ нею на счетъ твоихъ уроковъ – славныхъ учениковъ получишь!

— Благодарю, но не хлопочи слишкомъ.

Пансіонскіе товарищи разстались наконецъ, разойдясь въ разныя стороны. Молодой человѣкъ, перейдя Невскій Проспектъ, прошелъ въ Малую Милльонную; племянникъ баронессы *** повернулъ діагональю

на солнечную сторону Невскаго Проспекта, гдѣ, по обыкновенію, разгуливала толпа франтовъ, въ очкахъ или съ лорнетами, съ модными тросточками, въ сюртучкахъ выше колѣнъ и съ колѣнками въ обтяжку. Нашъ франтъ былъ во фракѣ, потому что спѣшилъ къ обѣду въ одинъ изъ лучшихъ домовъ, гдѣ, по словамъ его, былъ вхожъ. Счастливый путь и добраго апетита!

Конечно, по одной встрѣчѣ съ человѣкомъ трудно не ошибиться въ нѣкоторыхъ частностяхъ и даже въ главномъ очеркѣ цѣлаго, однакожъ читатель легко можетъ заключить, много ли было общаго между двумя знакомцами, кромѣ пансіонскаго товарищества? Но, приступая къ разрѣшенію сего великаго вопроса, да не осудитъ онъ слишкомъ строго будущаго кавалериста, да не назоветъ его глупцомъ, или по крайней мѣрѣ, ограниченнымъ человѣкомъ. Правда, онъ былъ ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что обыкновенно называется пустымъ человѣкомъ, но у него было чистое, доброе сердце, добрыя наклонности и ни капли злобы ни противъ кого и ни въ какомъ случаѣ, а это чего нибудь да стоитъ. Могутъ замѣтить, что сердце у пустыхъ людей всегда почти доброе, что глупцы неспособны творить зла, потому что оно требуетъ средствъ ума и разумной воли, какъ всякая творящая сила, говоря языкомъ нѣкоторыхъ Русскихъ мыслителей. Не входя въ дальнѣйшее разбирательство такого положенія и не давая еще ему полнаго авторитета, мы сказали бы здѣсь въ пользу племянника баронессы * * *, что онъ былъ не только добрый, но и благородный малый, еслибы насъ не останавливала мысль, что истинное, возвышенное благородство требуетъ глубокаго внутренняго самоубѣжденія, сознательности, безъ чего человѣкъ ограниченнаго ума, при всей добротѣ своей, можетъ ино-

гда сдѣлать неумышленную подлость. Все же такого сорта человѣкъ терпимѣе въ обществѣ, нежели умный подлецъ, который, понимая что дѣлаетъ, не затрудняется отважиться на низость, на зло ближнему, готовъ оклеветать, опозорить его, изъ видовъ своекорыстія или побужденій другой личной пользы. Самый высокій умъ, не соединенный съ душою равно высокою, не согрѣтый теплотою любящаго сердца, безъ внутренняго, горячаго призыва къ добру—явленіе, уподобляющееся растенію съ вида величественному и прекрасному, но одно прикосновеніе къ которому уже заразительно, какъ дыханіе язвы, какъ дуновеніе вѣтра, вливающаго въ грудь зародышъ скорой смерти или смертельной болѣзни. Печальная замѣтка въ нравственной исторіи человѣчества! — замѣтка впрочемъ не новая, и только къ слову здѣсь повторяемая. И такъ, да не осудитъ строго читатель будущаго кавалериста, одного изъ тѣхъ людей, которые пороху не выдумаютъ, но и не сдѣлаютъ изъ него дурнаго употребленія, если только изъ пороха бываетъ когда либо хорошее употребленіе, начиная съ пистолета, бьющаго воробьевъ для прихотливаго соуса, до пистолета, рѣшающаго дѣло, такъ называемой, чести. Что касается до другаго пансіонскаго товарища, читатель ознакомится съ нимъ короче въ продолженіе нижеслѣдующаго разсказа. Здѣсь замѣтимъ только, что обоихъ знакомцевъ, равно какъ и прочихъ дѣйствующихъ лицъ начинающейся повѣсти, мы не намѣрены окрестить собственными именами, заимствуя ихъ изъ общаго словаря романистовъ и повѣстчиковъ Русскихъ. Валеріаны, Владиміры, Ипполиты, Аполлоны, Надежды, Софіи, Ольги, Алины такъ давно знакомы и такъ, вѣроятно, прискучили слуху вашему.... Андреи, Никаноры, Демьяны, Прасковьи, Мат-

рены, Степаниды.... оставимъ ихъ на поживу нашимъ милымъ гумористамъ, которые пишутъ такія забавныя, остроумныя каррикатуры, издѣваясь не великодушно и безсмысленно надъ тѣмъ, чему въ мудромъ порядкѣ нравственнаго различія назначена своя необходимая роль, конечно, не завидная, своя ступень, конечно, не высокая и не совсѣмъ чистая—но кто жъ бьетъ лежачаго? Отъ чего на этихъ именно бѣдныхъ недорослей, вѣчныхъ, непроизвольныхъ дѣтей человѣчества, должно изливать желчь ума и сатиры, предназначенной преимущественно бичевать предразсудки и пороки людей не незначительныхъ по ролѣ, разыгрываемой ими въ обществѣ, не невѣждъ и глупцовъ обыкновенныхъ, дюжинами дюжинъ встрѣчаемыхъ, но людей съ вѣсомъ и внѣшняго и внутренняго значенія?...

—

II.

Послѣднихъ юношескихъ лѣтъ,
Послѣдней жизни молодой,
Ея обычной чередой,
Ужъ угасалъ заглохшій цвѣтъ—
И гасли вмѣстѣ съ нимъ желанья,
И стынулъ жаркій пылъ крови,
И въ мысль смѣнялися мечтанья,
И въ призракъ грезы о любви....
Давно ль онъ жадными очами
Смотрѣлъ на женскую красу,
Любилъ уста слагать съ устами,
Лобзать и локонъ и косу?...
Но въ пору мужества вступая,
Онъ сердца чувствами дряхлѣлъ;

Разочарованно вздыхая
Съ днемъ каждымъ гасъ и холодѣлъ....
Ни что въ сей жизни не манило
Его подъ свой непрочный кровъ;
Ни что душѣ не говорило—
Ни власть, ни слава, ни любовь.
Онъ не жилъ въ молодые годы
Ни для людей, ни для природы.
Давно и синій сводъ небесъ
И солнца яркое сіянье,
И міръ весь, полный столь чудесъ,
И все прекрасное созданье,
И нѣжный изумрудъ полей,
И тѣнь лѣсовъ, и ихъ привѣтный
Пѣвецъ-мечтатель соловей —
Въ душѣ молчали безотвѣтной.
Благоуханіе цвѣтовъ
Ужъ до него не доходило,
И какъ красивая могила,
Дышало запахомъ гробовъ;
И самый голосъ юной дѣвы,
Ея волшебные напѣвы,
Звучали тщетно въ мертвый слухъ.
Такъ все убилъ скорбящій духъ!...
Онъ жилъ лишь для одной науки,
Лишь въ ней отраду находилъ,
И сердца медленныя муки
Бальзамомъ истины лечилъ.

* * *

(*Изъ неизданной поэмы.*)

Близъ Смоленскаго кладбища, лѣтъ пять тому, былъ, да и теперь, вѣроятно, существуетъ еще небольшой, но чистенькій и красивый деревянный домикъ, въ одинъ ярусъ, съ мезониномъ. Въ мезонинѣ, состоявшемъ изъ двухъ комнатъ, жилъ знакомый уже намъ молодой человѣкъ. Первая комната, опрятно, но безъ всякихъ претензій убранная, служила гостиною, другая спальнею и кабинетомъ вмѣстѣ. Въ ней посрединѣ стоялъ большой дубовый столъ, покрытый старымъ, истертымъ, испачканнымъ зеленымъ сукномъ, заваленный рукописными тетрадями и пе-

чатными книгами. Тутъ были томы Исторіи государства Россійскаго, къ сожалѣнію, не оконченной за смертію исторіографа; еще два-три отечественныя сочиненія дѣеописательнаго содержанія, Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Нибуръ, Мишо... всѣхъ не перечтешь и все такія громкія, вѣсовыя имена, передъ которыми блѣднѣетъ и въ прахъ разсыпается какой нибудь, и безъ того уже блѣдный повѣствователь — историкъ частнаго людскаго быта, изучитель души и сердца человѣческаго, убогій, робкій сказочникъ... Подлѣ стола низенькій стулъ съ высокою спинкою; у окна старинное Вольтеровское кресло, съ изодранною кой-гдѣ кожею и просвѣтомъ вылѣзающей шерсти. Противъ окна, у стѣны, огромный шкафъ, также дубовый, съ цѣльными стеклянными полудверцами, наполненный книгами всѣхъ возможныхъ форматовъ, въ разнокалиберныхъ переплетахъ, большею частію не въ новѣйшемъ вкусѣ; только одна верхняя полка, словно новое поколѣніе, одѣлась будто по модному. Затѣйливыя золотыя буквы на корешкахъ красивыхъ переплетовъ гласятъ: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Крыловъ, Озеровъ, Батюшковъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Пушкинъ, перворазрядные представители Русскаго слова; еще пять-шесть новѣйшихъ писателей нашихъ, не называемыхъ здѣсь, столько же изъ уваженія къ скромности ихъ, сколько изъ опасенія раздражить самолюбіе тѣхъ, которые, по свойственной роду человѣческому благородной слабости, тамъ или здѣсь хотѣли бы попасть на верхнюю полку.... Вольтеръ, Руссо, г-жа Сталь, Ламартинъ, Гюго.... Но авторъ не библіотекарь упомянутаго дубоваго шкафа.... Короче сказать, все, что классическая древность, времена рыцарской поэзіи, наконецъ XVIII столѣтіе и близящійся къ половинѣ своей нашъ

блистательный вѣкъ произвели примѣчательнѣйшаго, усвоено было объемистому шкафу, частію въ подлинникахъ, частію въ переводахъ. Окончательное образованіе молодой человѣкъ нашъ получилъ въ университетѣ; потомъ нѣсколько лѣтъ посвятилъ внимательному чтенію и изученію образцовыхъ писателей, и вотъ почему между нимъ и его пансіонскимъ товарищемъ, который учился зѣло немногому, читатель, можетъ быть, замѣтилъ съ первой встрѣчи нѣкоторую разницу, не говоря уже о той разницѣ, что положила между ними прихотливая мать природа. Племянникъ баронессы*** изъ пансіона поступилъ въ юнкерскую школу, откуда, не оказавъ тамъ излишнихъ успѣховъ въ наукахъ, выпущенъ былъ въ армію, сражался въ Персіи и Турціи, хотя впрочемъ военная исторія не упоминаетъ особо объ его подвигахъ, вѣроятно, по причинѣ крайней ихъ частности ... или, быть можетъ, зависть и интрига, заграждающія путь на всякомъ поприщѣ, утаили его заслуги. Наша собственная исторія требуетъ сказать только, что въ то время, когда баронессинъ племянникъ тщетно искалъ себѣ лавровъ подъ стѣнами Эривани и на вершинахъ Балканскихъ,—гдѣ, если авторъ смѣетъ понадѣяться на свои географическія свѣдѣнія, лавры, кажется, и не растутъ,—въ то время пансіонскій его товарищъ, уединенно, но тѣмъ болѣе горячо и усердно приносилъ обильныя жертвы въ тихомъ храмѣ наукъ, отъ дѣтства стремясь къ познанію всего высокаго и изящнаго, что сотворило и творитъ человѣчество, съ того таинственнаго дня, когда сама природа творить перестала, завѣщавъ творчество духовное своему лучшему созданію. Возвращаясь къ оставленному на минуту описанію рабочей комнаты нашего отшельника, укажемъ на три портрета, украшавшіе стѣну, противоположную письменному столу. То были портреты старика, старушки, съ

почтенными благородными лицами, правда, какъ все старое, не слишкомъ современными, немного смѣшно-оригинальными: но развѣ не смѣшнѣе нѣкоторые живые портреты лицъ, окаймленныхъ, точно нѣкое новое животное, модною бородкою, напоминающею знаменитый отвѣтъ молодаго Испанца Сиксту V, что «достоинство не въ бородѣ»? Между двумя портретами, которыхъ подлинники принадлежали къ поколѣнію нашихъ отцовъ, находился портретъ прелестной дѣвушки лѣтъ девятнадцати. Что старики были уже въ могилѣ и существовали только въ вѣрныхъ изображеніяхъ на полотнѣ, это такъ просто, такъ естественно, что и говорить нечего: роковая, неизбѣжная катастрофа смерти, совершающаяся съ человѣкомъ, отжившимъ свой урочный срокъ на землѣ, не замѣчается уже нами, по своей обыкновенности и ежедневности, по крайней мѣрѣ, не производитъ уже сильнаго впечатлѣнія. Но портретъ дѣвушки, также существующей въ одномъ только произведеніи художника, портретъ дѣвушки, едва расцвѣтшей и уже исчезнувшей съ лица земли!.. Что жъ? — скажетъ иной провозвѣстникъ судьбы женской, начитавшійся Бальзака или Евгенія Сю, развѣ ей лучше было бы, если бъ она, оставшись въ живыхъ, попала въ супруги тирану, эгоисту, или просто какому нибудь негодяю?—Да! статься можетъ, и въ самомъ дѣлѣ ей суждены были страданія подъ невѣжественною мужнею властью пошлаго франтика съ заморскою бородкою или доморощеннаго откупщика во дворянствѣ...Но будто чернаго больше въ мірѣ нежели бѣлаго, хорошаго меньше нежели дурнаго, будто въ жизни нѣтъ ни свѣтлыхъ дней, ни прочныхъ радостей?.. И вмѣсто бородатаго франтика или толстаго откупщика, прекрасная дѣвушка не могла повстрѣчать на пути сей жизни юношу столь же прекрас-

наго и благороднаго, какъ сама она, и сдѣлавшись его подругою, не могла быть счастливой долго, долго? А она умерла, не вкусивъ, можетъ быть, ни одной изъ сладостей бытія, предназначенныхъ женщинѣ. За чѣмъ же она умерла такъ рано, кому мѣшала она на землѣ? Вопросы, невольно представляющіеся при взглядѣ на улыбающійся портретъ дѣвушки, которой живыя уста давно уже сомкнуты улыбкою безвременной смерти.

«И вотъ все, что отъ тебя осталось, милая сестра!» часто повторялъ въ самомъ себѣ одинокій жилецъ рѣдко оглашавшагося другимъ голосомъ кабинета въ мезонинѣ домика близъ Смоленскаго кладбища, когда, сидя за своимъ письменнымъ столомъ и на минуту оставляя работу, онъ грустно смотрѣлъ на портретъ за годъ передъ тѣмъ умершей сестры...Но, можетъ быть, читатель желаетъ знать нѣсколько подробнѣе его предшествующую біографію? Она проста и не многосложна: въ нѣсколькихъ словахъ разскажемъ здѣсь всю исторію его, до событія, послужившаго поводомъ предлагаемой повѣсти...

Въ 18 * * отецъ его служилъ вице-губернаторомъ въ * * *, городѣ, гдѣ не было большихъ средствъ воспитать дѣтей. Ихъ было всего двое. Сынъ, герой нашей повѣсти, если смѣемъ его назвать столь великолѣпно, отправленъ былъ въ одинъ изъ лучшихъ Петербургскихъ пансіоновъ; дочь, во-вниманіе долговременной и полезной службы отца, принята была въ Екатерининскій Институтъ. Быстро протекло время ученія. Выдержавъ предварительный экзаменъ, юноша поступилъ наконецъ въ университетъ, оказалъ тамъ отличнѣйшіе успѣхи, особенно по части Словесности и Исторіи, и по истеченіи извѣстнаго срока, съ степенью кандидата, выпущенъ былъ

изъ университета, почти въ одно время съ сестрою, окончившею воспитаніе въ институтѣ. Въ то время, отецъ его, бывшій уже въ преклонныхъ лѣтахъ, вышелъ въ чистую отставку, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и полнымъ пенсіономъ, и переселился въ Петербургъ, гдѣ сынъ поступилъ уже на службу и гдѣ, казалось старику, скорѣе можно выдать замужъ дочь, къ слову говоря, очень пригожую. Сначала все шло прекрасно. Отставной вице-губернаторъ и его почтенная супруга довольно весело, сколько позволяло ихъ ограниченное состояніе, поживали въ Петербургѣ, любуясь дѣтьми, лелѣявшими закатные дни стариковъ. Вдругъ, откуда ни взявшись, на вечернее небо ихъ набѣжало налетное черное облако. То былъ впрочемъ очень свѣтлый джентельменъ, въ палевыхъ перчаткахъ, молодчикъ знатной и богатой фамиліи. Ему приглянулась вице-губернаторская дочь гдѣ-то на гуляньи; вскорѣ онъ нашелъ случай познакомиться въ домѣ, вполнѣ влюбился въ нее и наконецъ удостоилъ чести предложить ей свою джентельменскую руку, которая въ слѣдствіе того скоро украсилась обручальнымъ кольцомъ, безъ предварительнаго согласія и даже вѣдома родителей джентельмена, находившихся въ отсутствіи. Узнавъ о намѣреніи возлюбленнаго сына, они, по какимъ-то причинамъ свѣтскаго разсчета, можетъ быть, имѣя въ виду другую партію, воспротивились предположенному браку, и дѣло разстроилось. Но оно такъ огорчило старика вице-губернатора, и безъ того уже дряхлаго и немощнаго, что черезъ два мѣсяца его не стало, а черезъ годъ послѣдовала за нимъ и вѣрная спутница его жизни, вице-губернаторша, не успѣвъ даже выхлопотать себѣ пенсіона. Оплакавъ кончину родителей, двое сиротъ поселились вблизи послѣдняго земна-

го ихъ жилища, почти ежедневно навѣщали общую ихъ могилу, и возвратясь домой находили отраду во взаимномъ братскомъ утѣшеніи. Но не надолго суждена была имъ и эта послѣдняя отрада. Осенью 18**, легкая по видимому простуда уложила въ постель бѣдную дѣвушку (можетъ быть, тосковавшую и о потерѣ жениха); незначительная сначала болѣзнь мало по малу приняла неожиданный оборотъ, превратилась наконецъ въ нервную горячку, и не смотря на всѣ пособія искусства, молодой человѣкъ нашъ вскорѣ лишился и остальнаго кровнаго друга своего. Съ возможною твердостью перенесъ онъ новую, жестокую утрату; но могъ ли не считать себя, не быть дѣйствительно несчастнымъ, въ продолженіе короткаго времени схоронивъ отца, мать, сестру, составлявшихъ все его семейство? И можно ли остаться равнодушнымъ, увидѣвъ себя вдругъ оторваннымъ отъ всѣхъ узъ семейныхъ? Только нѣкоторые умники нашего положительнаго времени, умники жалкіе, недоучившіеся питомцы лживыхъ мудрствованій, только эти гордые, восторженные личнымъ бытіемъ своимъ разумники, да эгоисты обыкновенные, съ душою мало расположенною любить внѣ себя, не роняютъ искренной слезы на прахъ родныхъ, и еще прежде нежели онъ сдѣлается прахомъ, уже не помнятъ объ утратѣ ихъ. Не смѣя явно обнаруживать своего равнодушія, понимающіе, что свѣтъ, хотя и самъ развращенный, не проститъ гласнаго признанія въ отчужденіи отъ вѣчныхъ, священнѣйшихъ законовъ нравственной природы, они надѣваютъ маску и сквозь покровъ ея лукаво улыбаются взаимному обману. Похороны отца, матери, не говоря уже почтеннаго дядюшки или почтенной тетушки, оставляющихъ богатое наслѣдство, событія, втайнѣ давно жданныя ими, заставляютъ ихъ одна-

кожъ облечься въ самый грузный трауръ, и съ потуплеными очами, мрачно и медленно, слѣдовать за вожделѣннымъ гробомъ.

Къ глубокой скорби нашего молодаго человѣка о потерѣ родныхъ присоединились еще враждующія обстоятельства, тѣ мѣлкія и пошлыя условія или отношенія ежедневной жизни, тѣ маленькія неудовольствія, которыя порою досаждаютъ пуще большихъ, настоящихъ несчастій, особенно, если человѣкъ, на бѣду его, надѣленъ душою чувствительною, сердцемъ, близко къ себѣ принимающимъ всякое поползновеніе добрыхъ людей противъ его спокойствія. Умный, съ дарованіями, отлично образованный, онъ кинутъ былъ судьбою въ какой-то департаментъ, гдѣ не только не оцѣнены были его достоинства и трудолюбіе, но даже служили ему во вредъ, возбудивъ недоброжелательство товарищей и нерасположеніе самого начальника, который не терпѣлъ слишкомъ грамотныхъ чиновниковъ, по сочувствію и внутреннему сродству оказывая покровительство посредственности и бездарности. Конечно, такіе начальники нынѣ очень рѣдки: но гдѣ же страна, гдѣ Утопія всякаго и всяческаго совершенства? Вообще видя, что служба собственно гражданская, или канцелярская, не гармонируетъ съ его наклонностями и не обѣщаетъ ему ничего, молодой человѣкъ рѣшился предупредить явную немилость начальника, и вышелъ въ отставку, съ тѣмъ, чтобы искать пищи своей дѣятельности на поприщѣ, которое болѣе могло бы удовлетворять его задушевнымъ влеченіямъ.

Въ терпѣливомъ ожиданіи, пока случай откроетъ ему желаемое мѣсто учителя Исторіи въ общественномъ заведеніи, или иное мѣсто, соотвѣтственное его способностямъ и познаніямъ, молодой человѣкъ

не отказался отъ предложенныхъ ему, также случайно, частныхъ уроковъ, тѣмъ болѣе, что посредствомъ ихъ онъ могъ пріобрѣсть необходимый навыкъ и опытность для преподаванія обширнѣйшаго. Одаренный, какъ намъ уже извѣстно, прекрасною наружностью, онъ могъ бы имѣть успѣхъ въ свѣтѣ, гдѣ всякая наружность играетъ важную ролю: но нѣсколько встрѣчъ съ свѣтскими людьми, и особенно съ свѣтскими женщинами, почему-то не расположили его къ успѣхамъ такого рода. Кроткій, благородный, съ самыми чистыми и возвышенными правилами чести, онъ сильно ощутилъ непріятность соприкосновенія съ тѣмъ, что рѣзко противорѣчило его понятіямъ о назначеніи жизни и человѣка. Сначала онъ сблизился было съ нѣкоторыми молодыми людьми, вообразилъ ихъ даже своими друзьями, но скоро умѣли они отлично доказать ему свою дружбу, превосходно отплатили ему за услуги и преданность имъ, поселивъ въ немъ даже излишнюю недовѣрчивость ко всѣмъ и каждому, кто снова пожелалъ бы покуситься на дружбу, на сближеніе съ нимъ. Что касается до женщинъ, то одна кокетка, къ которой впрочемъ и не питалъ онъ никогда ничего общаго съ истинною любовью, обманула его, чуть ли не на седьмой день; другая, также не болѣе пріобрѣтшая взаимности, хотѣла сдѣлать его орудіемъ или отводомъ какой-то давней запутанной интриги; третья... словомъ, всѣ онѣ такъ мило вели себя, что бѣдный юноша радъ радехонекъ еще былъ, довольно дешево отдѣлавшись отъ нихъ. Но съ той поры далъ онъ себѣ обѣтъ избѣгать и друзей и подругъ: они и онѣ оставлены имъ были навсегда.

Послѣдовавшее за тѣмъ совершенное уединеніе, жизнь, исключительно и нераздѣльно посвященная наукѣ, не утихающая скорбь о потерѣ родителей и

особенно сестры, которая была искреннимъ другомъ его съ самаго ранняго дѣтства, повѣренною думъ и мечтаній его юности, наконецъ какая-то увѣренность, родъ предчувствія, обманчиваго или нѣтъ, что въ цѣлой дальнѣйшей жизни его не видать ему болѣе дней свѣтлыхъ и радостныхъ, что онъ бѣдовикъ, обреченный однимъ лишеніямъ и неудачамъ — все это произвело въ характерѣ молодаго человѣка какую-то дикость и нелюбовь къ обществу, даже нѣкоторую раздражительность при всякомъ соприкосновеніи съ нимъ. Быть можетъ, въ первые годы юности, тамъ, на университетской скамейкѣ, онъ мечталъ и о славѣ и о блистательномъ жребіи, какъ обыкновенно мечтаютъ пылкіе юноши; но скоро, ставъ лицемъ къ лицу съ холодною житейскою существенностью, онъ не могъ равнодушно перенесть ея еще болѣе холоднаго и суроваго приговора, ея леденящаго неучастія, и скрывъ въ глубинѣ сильной, глубоко чувствующей души первыя неудачи, изъ гордости, или изъ благоразумнаго разсчета, не хотѣлъ пускаться опрометчиво на новыя неудачи, ждалъ судьбы съ мрачнымъ спокойствіемъ, или вовсе уже не ждалъ ее. Одинокій, сирота въ мірѣ, онъ по возможности чуждался всѣхъ отношеній общественныхъ. Не знаю, хорошо ли поступалъ онъ, знаю только, какъ дошло о томъ до меня преданіе, ему часто было такъ грустно, такъ тяжело, какъ бываетъ грустно и тяжело человѣку, рано разочарованному въ своихъ вѣрованіяхъ и надеждахъ, и что еще хуже, живущему почти безъ надеждъ и желаній, вдругъ потерявшему все, что любилъ, не любящему болѣе ничего живаго, не ищущему, въ замѣнъ потерь своихъ, ни какихъ благъ, не видящему ихъ ни вблизи ни вдали, ни съ той ни съ этой стороны.

Надъ головою его не разразилось, правда, ни одно-

го изъ тѣхъ великихъ бѣдствій, тѣхъ злополучій, или несчастій, которыя исполняютъ жизнь невыносимымъ страданіемъ, подъ тяжестью которыхъ сокрушается самая твердая воля, самое желѣзное терпѣніе. Но развѣ мрачные осенніе дни, непогода съ мелкимъ дождемъ и обычною грязью, не несноснѣе, не тоскливѣе сильной временной бури, грозы съ молніями и громомъ, на минуту облекающими горизонтъ въ неприступныя, громадныя тучи, и потомъ разъясняющими его и освѣжающими природу легкимъ и благовоннымъ дуновеніемъ?

Мрачно и тихо было въ душѣ нашего отшельника. Была ли то тишь безпослѣдственная, перемежающаяся обычными движеніями барометра, указывающими, не рѣдкія въ природѣ и жизни, то ведро, то ненастье, не выходящія за предѣлы ежедневныхъ явленій — или была то тишь, предшествующая бурѣ, или, быть можетъ, за пустынею печальныхъ дней должны были послѣдовать дни красные, освѣщенные полнымъ сіяніемъ привѣтливаго солнца, среди яснаго голубаго неба? О томъ-то именно и хотимъ мы разсказать вамъ длинную повѣсть.

—

III.

За чѣмъ бѣжишь людей и свѣта?
Въ твои ли молодыя лѣта
Забыть всю радость жизни сей:
Вино и женщинъ и друзей,
Театры, балы, маскерады
И.... всѣ не перечтешь отрады!

(*Изъ той же поэмы.*)

* * *

На другой день послѣ описанной въ первой главѣ встрѣчи съ пансіонскимъ товарищемъ, молодой чело-

вѣкъ нашъ, часу въ десятомъ утра, прилежно занятъ уже былъ своею обыкновенною работою. Передъ нимъ на столѣ лежала толстая тетрадь, заключавшая въ себѣ начало обширнаго историческаго труда, предпринятаго имъ вскорѣ послѣ выпуска изъ университета. Иногда, какъ всѣ труженики науки или искусства, онъ заглядывалъ въ разбросанныя по столу книги, дѣлалъ изъ нихъ какія-то выписки, а порою, казалось, совершенно оставлялъ работу, клалъ перо и задумывался, Богъ вѣсть о чемъ. Блуждала ли мысль его въ извилинахъ любимаго труда, или невольно впадала въ какія нибудь личныя воспоминанія, ни мало къ послѣднему не относившіяся? Въ ту минуту, когда входимъ мы съ читателемъ въ уединенный кабинетъ молодаго человѣка, онъ смотрѣлъ на портретъ сестры, съ тѣмъ печальнымъ выраженіемъ взора, которое скорѣе можетъ быть передано кистью нежели перомъ... При нынѣшнемъ процвѣтаніи художествъ, хорошо бы ввести въ моду украшать страницы повѣстей или романовъ политипажными изображеніями дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторыхъ сценъ разсказа: поэтъ и художникъ пособляли бы другъ другу. Въ ожиданіи, покамѣстъ роскошное нововведеніе сдѣлается общимъ, — предоставляемъ воображенію читателя угадывать то, чего чувствуемъ себя не въ силахъ передать на бумагѣ.

Неизвѣстно, какъ долго продолжалось бы созерцаніе молодаго человѣка, и скоро ли онъ опять принялся бы за работу, если бы вдругъ не раздался сильный звонокъ у дверей его прихожей и черезъ минуту не явился передъ нимъ племянникъ баронессы ***.

— Что за чудакъ! Куда онъ забрался!... Ну, нечего сказать, любезнѣйшій: ты живешь далеко отъ всякой жизни, за то близко къ смерти! Я въ здѣшнихъ мѣ-

стахъ не былъ съ тѣхъ поръ, какъ заказывалъ памятникъ покойнику отцу... впрочемъ, разумѣется, покойнику, потому что живымъ не ставятъ памятниковъ... Насилу отыскалъ тебя!.. Ну, здорово, дружище!... Видишь, что значитъ старый пріятель, школьный товарищъ? Не отложилъ въ долгій ящикъ своего посѣщенія... Фу, какъ усталъ!... У моего извощика въ Кадетской линіи колесо свалилось и я прибрелъ сюда пѣшкомъ... Да, что жъ ты молчишь, и какая у тебя постная физіономія?

Молодой человѣкъ пожалъ протянутую ему руку и хотѣлъ что-то отвѣчать, но будущій кавалеристъ осѣдлалъ уже коня своего и цѣлый потокъ словъ лился изъ устъ его нескончаемою рѣчью.

— Послушай, любезнѣйшій, говорилъ онъ, смерть дѣло житейское... Ну, конечно, жаль, когда умираетъ отецъ, мать, сестра — да у кого жъ они не умирали? Удивляюсь тебѣ: малый ты умный, ученый, Исторію знаешь не по нашему, а не можешь понять простой исторіи, *что все рожденно подъ луною—во гробъ нисходитъ чередою*... Вотъ тебѣ и экспромтъ! Скажи братецъ, въ какой мудрой книгѣ вычиталъ ты, что надобно безконечно грустить о смерти родныхъ? У тебя лице будто сей часъ съ похоронъ... Фи! какъ тебѣ не стыдно? Будь мужчиной!—И знаешь что я посовѣтую тебѣ: прежде всего оставь глупую квартиру на краю вселенной, на берегу Стикса, въ компаніи съ мертвецами! Потомъ пустись по прежнему въ свѣтъ, заведи себѣ пріятелей—я первый, если позволишь, къ твоимъ услугамъ! Право, братецъ, въ свѣтѣ пропасть разсѣянія и веселья. Танцы, балы, театръ, а иногда, братъ, этакъ, гдѣ нибудь въ уголку, *на право и на лѣво*... Кстати, вотъ я вчера, на примѣръ, обѣдалъ у Голышевыхъ. Послѣ обѣда хозяинъ, такая

душа, пригласилъ мужчинъ къ себѣ въ кабинетъ; сперва тары, да бары, а тамъ раскрыли зеленый столъ, и Переверткинъ—помнишь, носилъ высокій галстухъ?—заложилъ малую-толику... Менѣе нежели въ полчаса, я сорвалъ до копѣйки. За то сегодня у меня бумажникъ биткомъ набитъ, полнехонекъ, и я пріѣхалъ звать тебя покутить вмѣстѣ... Ну, душа, не откажи, поѣдемъ? Молчишь, значитъ согласенъ!... Завтракаемъ мы у Вольфа, обѣдаемъ у Кулона, мороженое ѣдимъ у Рѣзанова... потомъ въ театръ; изъ театра, смотря по расположенію, куда вздумается... и посмотри какъ намъ будетъ весело! Я нынче въ Михайловскій не ѣзжу: то ли дѣло Александринскій. Тамъ Сосницкій, Дюръ, Асенкова... Вотъ отличается-то! Просто, братецъ, всѣхъ съ ума сводитъ. Въ нѣсколькихъ пьесахъ я видалъ ее разъ по десяти, напримѣръ, въ Гусарской стоянкѣ.... .

— Въ Гусарской стоянкѣ?

— Ну, да... Э, братецъ, я вижу ты совершенный невѣжда по всѣмъ частямъ, кромѣ своей Исторіи — не знаешь даже и заглавія лучшихъ водевилей!—Ты, братецъ, видно, и аффишекъ не читаешь?

— Аффишекъ я не читаю.

— Сожалѣю о тебѣ!... Ахъ! если бы ты зналъ, какъ хороша Асенкова въ Гусарской стоянкѣ. Она играетъ юнкера *Лелева*. Просто, братецъ, прелесть, очарованіе!... А какъ поетъ куплеты!... Я многіе знаю наизустъ... Хочешь пропою тебѣ нѣсколько? У меня порядочный голосъ — хоть въ актеры..... А вотъ кстати и гитара... Фу! въ какомъ у него все безпорядкѣ Двухъ струнъ нѣтъ... Ну, да все равно...

И весельчакъ, кое-какъ настроивъ гитару, запѣлъ довольно пріятнымъ голосомъ слѣдующій куплетъ изъ водевиля, которымъ такъ восхищался:

Какъ улучшился человѣкъ!
А все взаимная услуга.
Какъ мило всѣ проводятъ вѣкъ,
Искусно проводя другъ друга!
Мнѣ кажется, куда умно
Забрать всѣхъ въ руки одному бы...
А что жь? Быть можетъ, ужъ давно
И на меня здѣсь точатъ зубы.

— Я не понимаю послѣдняго стиха—замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Вотъ то-то же и есть, потому что не знаешь пьесы. А здѣсь въ послѣднемъ-то стихѣ и вся штука! Видишь ли въ чемъ дѣло: *и на меня здѣсь точатъ зубы*—поетъ Асенкова. Партеръ просто бѣсится, когда она поетъ этотъ куплетъ—и какъ поетъ! Просто, братецъ, волшебство, чародѣйство! Надобно видѣть, слышать Асенкову; иначе ты, и другой, братецъ, педантъ на твоемъ мѣстѣ—ничего не поймете!... Старики, братецъ, приходятъ въ восторгъ!.. Ну, что ты такъ насмѣшливо улыбаешься?... Нѣтъ, любезнѣйшій — Исторія, согласенъ, дѣло почтенное; только нельзя же, братецъ, цѣлый вѣкъ жить въ прошедшемъ—надобно наслаждаться, особенно въ наши лѣта, и настоящимъ, которое также въ свою очередь будетъ прошедшимъ—исторіей... ну, хоть и не политическою, не государственною — исторіей нравовъ, положимъ... Видишь, ученый мужъ, и я подъ часъ философствую, мѣшаю дѣло съ бездѣльемъ!... А ты, братецъ, просто чудакъ, нелюдимъ, мизантропъ.—Тебя надобно бы вывести на сцену въ какомъ нибудь водевилѣ, осмѣять порядкомъ... Право, оставь свою затворническую жизнь! Что въ ней? Никуда она не ведетъ! И такому красавцу сидѣть въ заперти съ одними книгами! Да, я на твоемъ мѣстѣ десять интрижекъ въ одинъ мѣсяцъ затѣялъ бы! Всему, братецъ, есть

время: и любви, и картамъ, и занятію. Эй, послушайся меня: живи по нашему, прибѣгни къ разсѣянію: не то, вспомянешь меня, зачахнешь съ тоски и отправишься въ слѣдъ твоимъ почтеннымъ родителямъ—отсюда же недалеко! Умрешь, говорю тебѣ, самъ умрешь... Конечно, мнѣ будетъ жаль пріятеля, потому что я всегда любилъ и люблю тебя... Ну, погрущу дня два, три—а тамъ, не взыщи, братъ—въ Александринскій, хлопать Асенковой. — Мы ее вызываемъ иногда пять разъ сряду. Педанты, которымъ это кажется не въ тонѣ, гримасы строютъ, шикаютъ: да за нее девять десятыхъ, а сила солому ломитъ!—Повторяю, тебѣ нужно разсѣяніе, другая жизнь—театръ, общество, женщины, и даже, ужъ если изъ двухъ золъ выбирать меньшее — женитьба! Она вновь привяжетъ тебя къ жизни; у тебя опять будетъ семейство, и свое собственное, жена, дѣти. Ты еще можешь быть счастливъ. О, въ наши ли годы отказываться отъ счастія, отъ всѣхъ радостей, и хоронить себя заживо въ могильной трущобѣ!... Послушайся-ка меня, мой милый! Ей-Богу, я говорю любя тебя, душа моя!

Нашъ затворникъ давно уже слушалъ своего пансіонскаго товарища болѣе нежели со вниманіемъ. Прежде всего, глубоко тронуло его участіе, принимаемое въ немъ старымъ пріятелемъ классной скамейки, который подъ наружностью вѣтренника, безсознательно, скрывалъ въ сердцѣ своемъ прекрасныя свойства истинной пріязни (и вотъ почему, въ началѣ разсказа нашего, мы просили читателя не спѣшить приговоромъ своимъ племяннику баронессы). Потомъ, онъ не могъ не почувствовать нѣкоторой, хотя и невольно высказанной истины его словъ, не видѣть необходимости измѣнить нѣсколько образъ своей пустынической жизни, начинавшей уже оказывать неблаго-

пріятное вліяніе на самое здоровье его. Съ характеромъ отъ природы склоннымъ къ задумчивости и строгому размышленію, онъ, правда, не скучалъ ни своими учеными занятіями, ни своими учениками, но въ двадцать пять лѣтъ душа и сердце чувствуютъ иныя потребности, и тотъ, кто совершенно чуждается удовлетворенія ихъ, поступаетъ противъ законовъ природы. Впрочемъ такіе люди рѣдки; больше, несравненно больше несущихся во всю прыть ко всевозможнымъ наслажденіямъ жизнью, чтобы не сказать слишкомъ неумѣренно наслаждающихся ею. Нашъ бѣдный учитель послѣ смерти сестры вообразилъ себѣ, что все уже на бѣломъ свѣтѣ погибло для него, что онъ сирота въ мірѣ, что никакое счастіе уже не суждено ему, и хотя видѣлъ, что одна наука, какъ ни была бы она занимательна и разнообразна, не можетъ питать всего существованія, однакожъ до минуты, здѣсь описываемой, и не думалъ онъ искать другой пищи. — Ты правъ, сказалъ онъ гостю своему послѣ нѣкотораго молчанія. — Я готовъ послѣдовать отчасти твоему совѣту: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ будетъ веселѣе въ свѣтѣ.

— Не можетъ быть, а непремѣнно! Начни съ того, что оставь эту кладбищенскую келлью, и оставь какъ можно скорѣе...

Молодой человѣкъ задумался. — Ему не хотѣлось вдругъ разстаться съ своимъ печальнымъ жилищемъ, къ которому онъ сдѣлалъ уже привычку. Человѣческая природа, при всѣхъ ея недостаткахъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, очень мудро устроена. Человѣкъ привыкаетъ ко всему, даже къ тюрьмѣ, и по словамъ Байрона, вздыхаетъ по ней, неожиданно получая свободу.

— Ну, что жъ? спросилъ племянникъ баронессы, видя, что пріятель его углубился въ область думы.

— Я полагалъ бы остаться здѣсь до весны. Будущее лѣто намѣреваюсь провести въ деревнѣ—отвѣчалъ онъ, не совсѣмъ впрочемъ согласно съ дѣйствительными своими намѣреніями, и желая только найдти какой нибудь предлогъ не переселяться изъ своего уединеннаго мезонина.

— Вздоръ! Ты пять разъ успѣешь умереть здѣсь до весны, и притомъ не самъ ли ты вчера говорилъ мнѣ, что ищешь учительскаго мѣста въ казенномъ заведеніи. Какъ же тебѣ уѣзжать изъ Петербурга, если ты, положимъ, получишь мѣсто?

— Хорошо, если получу; да и въ такомъ случаѣ, во время каникулъ...

— Каникулы! Это мнѣ, братецъ, напоминаетъ *былое*, помнишь—у мосье...? Ну, да къ чорту его — возвратимся къ нашему предмету. Мнѣ очень хочется—я такъ люблю тебя душа моя,—чтобы ты какъ можно скорѣе бросилъ это могильное захолустье... Здѣсь даже пахнетъ трупами... Чудо! Счастливая мысль! Знаешь ли что? Если тебя затрудняетъ пріисканіе новой квартиры—переберись на время ко мнѣ: я живу почти въ самомъ центрѣ города.... Намъ, повѣрь, не будетъ ни тѣсно, ни скучно. А что касается до твоей поѣздки въ деревню, она совершенно лишнее. При сей окказіи, я пропою тебѣ еще куплетъ изъ Гусарской стоянки...

Какъ монотонна жизнь въ деревнѣ!
Ложишься днемъ, встаешь чуть свѣтъ;
Толкнешься къ Аннѣ Алексѣевнѣ...
Она заглянетъ въ кабинетъ...
Читаешь книги, да какія!
Что если бы въ такой глуши

Не гончія, да не борзыя?
Вѣдь не чѣмъ бы отвесть души,

— А ты, братецъ, не охотникъ: для тебя и этой отрады нѣтъ въ деревнѣ... Ну, рѣшено, переселяешься ко мнѣ?

— Что будешь дѣлать съ тобою!—отвѣчалъ нелюдимъ нашъ, съ улыбкой, въ которой не было уже прежней горечи и унынія, но которая однакожъ отзывалась еще какимъ-то принужденіемъ и неискренностью.

— Сегодня же?

— Помилуй! Къ чему такая поспѣшность?

— Ну, вотъ опять философія! А почему, напримѣръ, дѣлать то завтра, или послѣ завтра, или черезъ недѣлю, что можно сдѣлать сегодня, сейчасъ?

— Сейчасъ? — повторилъ смѣясь отшельникъ нашъ: — какъ это возможно?

— Именно сей часъ, и тутъ не только нѣтъ ничего невозможнаго, но дѣло очень простое и обыкновенное.

Въ эту минуту вошелъ слуга нашего молодаго человѣка, уже очень не молодой, лѣтъ около пятидесяти, выростившій своего барина, съ дѣтскихъ лѣтъ находившійся при немъ неотлучно, преданный ему, какъ отцу, и любившій его, какъ сына;—словомъ, пестунъ, дядька его, или какъ вамъ угодно, но во всякомъ случаѣ—честный и умный по своему старикъ, иногда впрочемъ любившій подгулять: да кто безъ слабостей, — къ тому жъ не въ томъ и дѣло.

— Ба! старый знакомый!—вскричалъ племянникъ баронессы: — Ѳедотъ Ѳедотычъ! какъ изволите пребывать въ своемъ здоровьи?

— Живется, не какъ хочется, а какъ можется, ваше высокоблагородіе. Благодарствуйте, что не забыли

старика—отвѣчалъ Ѳедотъ, единственная въ нашей повѣсти особа, которую рѣшаемся назвать по имени.

— А вотъ я совѣтую твоему барину перебраться на новоселье!

— Давно бы пора — сказалъ Ѳедотъ, обмахивая метелкой пыль съ книгъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ.

— Видишь: и Ѳедотъ тоже говоритъ! Ну, по рукамъ, да и за дѣло! Дай ему бѣленькую на перевозку мебели, вещей и всего твоего хозяйства. Къ вечеру все будетъ устроено въ моей квартирѣ, какъ нельзя лучше.

Учитель волею и неволею, разыгрывавшій ролю послушнаго ученика, согласился наконецъ на предложеніе своего пансіонскаго товарища и совершенно предоставилъ себя въ его распоряженіе.

Ѳедотъ несказанно обрадовался перемѣнѣ жительства, уже давно непріятнаго ему по двумъ причинамъ. Во первыхъ, что за кладъ жить подлѣ кладбища, вблизи котораго притомъ не было веселаго кабака, а во вторыхъ, его, какъ вѣрнаго слугу, крушила безотвязная кручина барина, питаемая ежедневными посѣщеніями трехъ родныхъ могилъ, находившихся за одною оградою. Видя добраго господина постоянно молчаливымъ и печальнымъ, Ѳедотъ и самъ грустилъ о покойныхъ вице-губернаторѣ и вице-губернаторшѣ, о не наглядной барышнѣ, грустилъ, какъ груститъ старая собака, пережившая ласкавшихъ и кормившихъ ее долгое время людей.

Не медля ни минуты, Ѳедотъ, съ нетерпѣливостью молодости, принялся за приведеніе въ исполненіе проекта баринова пріятеля, который, смотря на его хлопоты, восклицалъ:

— Вотъ люблю! Это по моему! Чудесно, Ѳедотъ!

Да! ты, братецъ, не бывалъ ли въ Суворовскихъ походахъ? Снаряжаешься по военному! Молодецъ Ѳедотъ! На-ка тебѣ красненькую на водку, выпей за мое здоровье! Впрочемъ, не надобно—я и безъ того чертовски здоровъ!..

И тому подобное.

А нашъ молодой человѣкъ между тѣмъ молчалъ и медленно расхаживалъ по комнатѣ. По временамъ тихій, удерживаемый вздохъ вырывался изъ его груди, и на глазахъ, какъ будто навертывались слезы. По всему видно было, что ему большаго труда, большой жертвы стоила внезапная рѣшимость. Наконецъ, онъ подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ висѣли портреты, бережно взялъ ихъ и завернулъ въ сукно, снятое со стола. Будущій кавалеристъ также примолкъ на минуту и внимательно смотрѣлъ на своего пансіонскаго товарища съ какимъ-то чувствомъ, подобное которому не легко подозрѣвается въ людяхъ его характера. Замѣтивъ однакожъ, что пріятель сталъ что-то очень задумчивъ и печаленъ, онъ снова обратился къ своимъ шуткамъ и балагурству.

— Кажется, братецъ, ты не охотно оставляешь твою тюрьму. Правда, мѣсяцъ въ началѣ, а ты, вѣрно, впередъ заплатилъ за квартиру: чай, рублей пятнадцать даромъ пропадетъ! Въ самомъ дѣлѣ, ужь не остаться ли тебѣ здѣсь до перваго числа слѣдующаго мѣсяца?

Педагогъ невольно улыбнулся словамъ пріятеля, а тотъ продолжалъ:

— Знаешь ли, душечка моя, ты очень похожъ на овечку. Вся эта идиллическая нѣжность и плаксивость ни къ чорту не годятся въ девятнадцатомъ столѣтіи. Нынче, братецъ, люди живутъ положительно, вещественно, больше головой, нежели сердцемъ, и

даже больше руками или ногами, нежели головой. Подобнаго тебѣ человѣка не легко встрѣтить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Все занято проектами, постройками, капитальною частію. Цивилизація, братецъ, да и только! Я вотъ читаю иногда наши журналы, понабрался оттуда современныхъ идей, философствую мимоходомъ—въ иной часъ и мнѣ приходятъ въ голову кой-какія мысли, задаю себѣ премудреные вопросы, и мнѣ иногда кажется, что мы ужь чортъ знаетъ по каковски живемъ: душу и сердце спрятали въ пятки, да такъ и укатываемъ ими мостовую, или катаемся по желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Царское или въ Павловскъ, а оттуда обратно въ Петербургъ. А за чѣмъ? Такъ, совсемъ безъ цѣли, far niente, pour passer le temps, или Цыгановъ послушать, пообѣдать въ воксалѣ, заплатя въ три дорога. Удобствъ, механики и паровъ точно бездна, да что жъ толку?.. Люди совсѣмъ не лучше стали съ тѣхъ поръ, какъ умудрились чуть не летать по водѣ и сушѣ. Подлецовъ развелось столько, что ихъ уже и не называютъ подлецами, а просто смышлеными, дѣльными людьми, людьми серьёзными, не мечтателями. Даже нынче не влюбляются вовсе! Что, говорятъ, любовь? — вздоръ, мечта! Дѣва, луна, кудри, говорятъ, все эти бредни, пустое фантазерство! Да вѣдь такая же мечта и домъ, и вагоны, и пароходъ и вся жизнь наша! Не понимаю впрочемъ, изъ чего имъ вздумалось луну и дѣву называть мечтою? Какая мечта, что осязаемо, видимо, что существуетъ, и развѣ люди создали сами что нибудь лучше луны и дѣвы?.. Куда имъ!..

— Ты правъ, нынѣшніе умники и острословы хотятъ перехитрить природу, и разумѣется, завираются — сказалъ нашъ мечтатель, защитникъ жизни созерцательной.—Унижать мечту, духовную, внутреннюю

жизнь человѣка! продолжалъ онъ—какъ это нелѣпо и безумно! Точно такъ же, какъ нынче начинаетъ входить въ моду многое старинное: мебель, убранство комнатъ, архитектурное во вкусѣ возрожденія, такъ, повѣрь мнѣ, со временемъ и самъ человѣкъ возвратится къ вѣрованіямъ, теперь имъ осмѣваемымъ и забытымъ. Состояніе холодности чувствъ и равнодушія не можетъ долго продолжаться, какъ противное природѣ и высокой цѣли созданія. Даже въ наше время, отличающееся мертвящимъ отсутствіемъ жизненной теплоты, есть много людей, не идущихъ по жалкому направленію вѣка, сохранившихъ, наперекоръ ему, чистоту и патріархальность души, людей, живущихъ горячимъ сердцемъ, которое страдаетъ не только само за себя, но и за сердца другихъ, охладѣвшія къ добру...

— Прекрасно, однакожъ съ ошибкой. Страдать за другихъ, за какихъ нибудь скотовъ—нѣтъ! это черезъ чуръ великодушно. Всему, братецъ, есть мѣра, и мечтѣ, и дѣвѣ, и лунѣ. Вотъ ты, на примѣръ, безъ мѣры загрустился и зарылся въ книгахъ...

Проказникъ опять схватилъ гитару и запѣлъ изъ любимаго водевиля:

Нѣтъ Латинь, — Господь съ тобой!
На дипломъ не протестую:
Молодъ я, хорошъ собой,
Изряднехонько танцую.
Нравлюсь многимъ я, къ тому жъ
Вѣдь и мнѣ пора влюбиться?
Такъ подумайте, чему жъ
Буду я еще учиться?

Онъ нѣсколько разъ повторилъ двѣ послѣднія строки, соглашая пѣніе свое съ самыми отчаянными аккордами гитары, какъ вдругъ водевильная музыка прервана была иною музыкою. Приближалась военная

похоронная процессія. Будущій кавалеристъ бросилъ гитару на полъ, и подбѣжалъ къ окошку. Скоро передъ нимъ раздались медленные, жалобные звуки марша, провожающаго воиновъ въ могилу. Мечтатель нашъ также подошелъ къ окну, и нѣсколько минутъ слушали они унылую музыку, которая показалась имъ еще болѣе унылою послѣ веселаго водевильнаго куплета съ безпорядочнымъ акомпаниментомъ гитары. Потомъ, когда процессія повернула за уголъ улицы, когда трогательные отголоски погребальнаго марша, ослабѣвая по мѣрѣ отдаленія, смолкли наконецъ совершенно, и спустя какую нибудь полу-четверть часа, послѣ кратковременной тишины, ни чѣмъ не нарушенной, грянули троекратно ружейные выстрѣлы, послѣдняя почесть усопшему воину, друзья отошли отъ окна, какъ-то странно взглянули другъ на друга, Богъ знаетъ отъ чего крѣпко пожали другъ другу руки, и долго не могли выговорить ни слова. Обыкновенно веселое и беззаботное лице баронессина племянника казалось тогда серьезнѣе и печальнѣе лица его товарища, можетъ быть потому, что выраженіе мгновенной грусти всегда разительнѣе выказывается въ наружности человѣка, по видимому, неспособнаго къ ней. Не продолжителенъ однакожъ былъ слѣдъ случайной печали, случайнаго впечатлѣнія въ чертахъ лица нашего забавника. Не прошло и двадцати минутъ, какъ онъ, нѣсколько впрочемъ принужденно, возвратился въ свою обыкновенную сферу.

— Не должно оставаться здѣсь ни одной минуты болѣе! Здѣсь, пожалуй, схоронятъ насъ заживо... Какая тоска жить въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ кладбищемъ! Удивляюсь, какъ ты еще не умеръ до сихъ поръ!

— Я привыкъ къ подобнымъ явленіямъ. Каждое

утро повторяются они здѣсь, съ нѣсколько различными варіаціями. Ежедневно десятка два покойниковъ проѣзжаютъ мимо моихъ оконъ. Военные похороны рѣже, но и они никогда не производили на меня такого сильнаго впечатлѣнія, какъ теперь...

— Поспѣшимъ убраться подальше отъ сильныхъ впечатлѣній. Ѳедотъ, кажется, приводитъ къ концу свои сборы...

Въ самомъ дѣлѣ, Ѳедотъ такъ быстро распорядился, что въ половинѣ двѣнадцатаго часа явились уже носильщики и ломовые извощики, для передвиженія домашняго скарба нашего молодаго человѣка въ квартиру баронессина племянника. Хозяйство холостаго, не богатаго притомъ человѣка—безъ излишнихъ затѣй, а потому не удивительно, что черезъ часъ мезонинъ уединеннаго домика, къ крайнему удивленію и прискорбію хозяевъ его, совершенно опустѣлъ, а чрезъ два часа пансіонскіе товарищи сидѣли уже въ одной изъ столовыхъ комнатъ гостинницы Кулона.—Слѣдуетъ присовокупить однакожъ, что все это со стороны нашего героя сдѣлалось какъ-то машинально. Въ дѣлахъ внѣшнихъ, въ мелочахъ жизни, въ ея животныхъ потребахъ, онъ терпѣлъ и любилъ иногда постороннее посредничество, избавлявшее его самого отъ излишняго труда: въ настоящемъ же случаѣ тѣмъ охотнѣе, что видѣлъ безкорыстное участіе къ себѣ стараго пансіонскаго товарища. За то его внутреннія убѣжденія, жизнь его души и сердца, никогда не подлежали и не подчинялись чуждому вліянію. — День былъ воскресный. Свободный отъ уроковъ, молодой педагогъ нашъ отдался совершенно во власть пріятеля, который таскалъ его туда и сюда, и наконецъ вечеромъ потащилъ въ Алексан-

дринскій театръ, посмотрѣть артистку, восхищавшую молодежь.

Противъ ожиданія баронессина племянника и къ великому его изумленію, восхитительная артистка не произвела на его товарища сильнаго впечатлѣнія, чего впрочемъ не должно относить къ недостатку вкуса со стороны нашего героя. Ему нравилось до того времени нѣсколько женщинъ, но ни одной не любилъ онъ еще въ глубокомъ, истинномъ значеніи слова *любить*. Мечтатель, онъ, вѣроятно, составилъ себѣ идеалъ, не соотвѣтствовавшій общему вкусу, или *просто*, употребляя одно изъ любимыхъ словъ племянника баронессы, еще не повстрѣчалась ему женщина, встрѣчающаяся на пути жизни каждаго изъ насъ, та, о которой говоримъ себѣ: «Вотъ она!» Иногда *она* промелькнетъ передъ нами, какъ не для насъ сужденная, исполнивъ нѣсколько дней жизни блаженствомъ или страданіемъ; иногда дѣлается подругою нашей жизни; иногда... Но это длинная исторія, изъ множества самыхъ разнообразныхъ случаевъ сложенная — не будемъ исчислять всѣхъ ихъ. — Здѣсь довольно и одного.

Не раздѣляя энтузіазма молодежи, выходившей изъ себя при появленіи на подмостки сцены фаворитки партера, педагогъ нашъ не могъ однакожь не отдать полной справедливости ея таланту и искуству. Ему даже понравились забавные водевили, въ которыхъ она играла; онъ улыбался остроумному и смѣшному, игривому и затѣйливому, но въ сердце его не ударилъ ни одинъ звукъ оркестрнаго смычка, даже ни одинъ звукъ милаго голоса красивой артистки, когда она пѣла свои куплеты: то и другое скользило только по поверхности его слуха, по поверхности его ощущеній. Онъ вышелъ изъ театра почти такъ же равнодушный

ко всему, такъ же задумчивый и печальный, какъ въ ту минуту, когда вошелъ въ него и робко занялъ свое кресло подлѣ одного изъ бенуаровъ — любимое мѣсто тѣхъ, кто жалѣетъ и свои и чужія ноги, подвергающіяся большимъ неудобствамъ въ тѣсныхъ рядахъ партера.

Послѣ театра пансіонскіе товарищи вмѣстѣ отправились въ квартиру баронессина племянника, и герой нашъ увидѣлъ себя на новосельи. Заботливый Ѳедотъ уже успѣлъ устроить въ одной изъ комнатъ, не слишкомъ впрочемъ многосложной квартиры баронессина племянника, кабинетъ для своего барина, согласно всѣмъ его привычкамъ, извѣстнымъ старому слугѣ до малѣйшей подробности. Три дорогіе портрета заняли свое обычное мѣсто, противъ письменнаго стола, поставленнаго по срединѣ комнаты, перпендикулярно къ окнамъ, такъ, чтобы свѣтъ падалъ съ лѣвой стороны; дубовый шкафъ съ книгами помѣстился вправо, заслонивъ собою добрую половину стѣны; наконецъ, у одного изъ оконъ важно утвердилось Вольтеровское кресло. Коротко сказать: молодому человѣку нашему на минуту показалось, будто онъ все еще въ своемъ мезонинѣ близъ Смоленскаго кладбища. Сказавъ усердное спасибо старому Ѳедоту и поблагодаривъ пріятеля за дружбу и радушіе, онъ хотѣлъ уже предаться успокоенію, какъ вдругъ товарищъ его, ударивъ себя по лбу, вскричалъ:

— Ахъ, я оселъ! Забылъ, совершенно забылъ! А вѣдь за тѣмъ собственно и пріѣзжалъ я къ тебѣ сегодня утромъ! Совсѣмъ изъ головы вонъ! Экая голова!

И онъ еще разъ ударилъ себя по лбу.

— Что такое? спросилъ педагогъ.

— Какъ же, братецъ! Завтра тебѣ въ двѣнадцать часовъ утра предстоитъ свиданіе...

— Мнѣ свиданіе?

— Ну, да! Вѣдь не на вѣтеръ же я пускаю слова! Помнишь, третьяго дня, когда мы встрѣтились съ тобой у Невскаго Проспекта, я обѣщалъ поговорить съ теткой на счетъ твоихъ уроковъ. Ну, я и поговорилъ, и успѣхъ, братецъ, есть, да еще какой успѣхъ! Тетка отлично отрекомендовала тебя графу * * *. Тутъ племянникъ баронессы произнесъ имя вельможи, которое мы замѣнили звѣздочками.

— Графъ * * *? повторилъ молодой человѣкъ и перемѣнился въ лицѣ. Графъ ***? повторилъ онъ еще разъ.

— Развѣ ты знаешь его?

— Да, я слыхалъ... Мнѣ знакомо это имя... У графа три сына; старшій, которому теперь должно быть лѣтъ двадцать семь, кажется, за границей?

— Именно... Но скажи мнѣ, отъ чего ты перемѣнился въ лицѣ? Отъ чего у тебя голосъ, какъ будто дрожитъ?

— Такъ... ничего... имя графа напомнило мнѣ одно происшествіе... Благодарю тебя за участіе... Между тѣмъ, скажу откровенно, мнѣ не хотѣлось бы быть учителемъ въ знатномъ домѣ...

— О, графъ препочтенный человѣкъ, настоящій вельможа, и я совѣтую тебѣ не пренебрегать случаемъ сдѣлаться ему извѣстнымъ — онъ играетъ не незначительную ролю въ свѣтѣ, и можетъ открыть тебѣ дорогу...

— Другъ мой! ты знаешь, что я не ищу ничего,— ничего не добиваюсь—знаешь такъ же, какъ я дурно созданъ! Я не люблю никому быть одолженнымъ. По мнѣ лучше всю жизнь провести въ тихой

безвѣстности, нежели быть обязаннымъ *дорогою* покровительству кого бы то ни было. Еще скажу тебѣ, что я скоро намѣренъ совсѣмъ оставить преподаваніе въ частныхъ домахъ, такъ за чѣмъ же мнѣ искать учительскаго мѣста въ домѣ графа?

— Да развѣ ты ищешь? Напротивъ, тебя ищутъ! Когда тетка назвала твое имя, графъ, какъ будто вспомнилъ что-то, задумался на минуту и сказалъ: да, я слышалъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ... Видишь ли: ему, вѣроятно, и прежде говорили о тебѣ, какъ о хорошемъ преподавателѣ...

— Ты ошибаешься. Имя мое, можетъ быть, и знакомо графу, но только по другой причинѣ, и ты сдѣлаешь мнѣ большое одолженіе, если не будешь спрашивать объ ней.

— Хоть я и любопытенъ, какъ Валдайская барышня, однакожъ готовъ исполнить твою просьбу, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь ты исполнилъ мою: не окомпрометируй, пожалуста, баронессы, а меня не поставь въ дураки — поѣзжай завтра къ графу! Отъ тебя будетъ зависѣть найдти какой нибудь предлогъ отказаться, хотя впрочемъ не за чѣмъ бы и отказываться...

— Мое правило: никогда и ни въ какомъ случаѣ не выходить изъ своего круга. Знаешь ли, что такое въ понятіи вельможи его домашній докторъ, учитель, и тому подобное?... Утромъ ты ораторствовалъ о цивилизаціи нашего вѣка: но съ пароходами и паровозами онъ не принесъ еще той полноты просвѣщенія, которая должна нѣкогда сокрушить закоренѣлые предразсудки и жалкія понятія людей о достоинствѣ того или другаго званія, того или другаго рода занятій. Какъ почтенна, велика, важна обязанность наставника, а между тѣмъ многіе ли

отличаютъ учителя Исторіи, Словесности, или другой науки отъ танцмейстера и берейтора? Въ среднемъ кругу другое дѣло: здѣсь учителя уважаютъ, обращаются къ нему съ благороднымъ довѣріемъ, не указываютъ ему, какую систему преподаванія долженъ онъ избрать себѣ въ руководство — здѣсь онъ самъ хозяинъ своего предмета, самъ руководитель ввѣряемаго ему дитяти, не подчиненный стѣснительной зависимости со стороны родителей, гувернеровъ или гувернантокъ, не рѣдко большихъ невѣждъ и своедумокъ. Здѣсь чаще смотрятъ на учителя, какъ на благодѣтеля ребенка, считаютъ себя даже обязанными ему, а тамъ, куда угодно тебѣ призывать меня, онъ иногда немногимъ выше дворецкаго или управителя; тамъ, на оборотъ, сплошь его считаютъ обязаннымъ, одолженнымъ за честь быть наставникомъ молоденькаго графчика; самое присутствіе его тамъ, нѣкоторымъ образомъ, уже вмѣняется ему въ милость, въ благодѣяніе. Чту породу и громкое имя, пріобрѣтенное заслугами предковъ, но охотно уволилъ бы себя отъ счастія дышать воздухомъ аристократической залы: полагаю, что онъ долженъ быть душенъ для нашего брата бѣдняка — у меня же такая слабая грудь...

— Философъ ты, братецъ, и философія твоя—не взыщи, устарѣлая! Ты смотришь на вещи слишкомъ ужъ внимательно, преувеличенно. Одолженіе тутъ взаимное. Графъ ищетъ свѣдущаго и даровитаго учителя Исторіи, а ты вѣдь не прочь потолковать о Навуходоносорѣ и Вавилонской башнѣ, да потомъ десятокъ другой нумерныхъ карточекъ обмѣнять на полновѣсный пучекъ ассигнацій? Стало, вы обяжете другъ друга, и дѣло съ концемъ!

— Но если графъ ищетъ свѣдущаго, опытнаго на-

ставника, то въ столицѣ ихъ не мало, гораздо болѣе меня извѣстныхъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что его сіятельство, какъ человѣкъ умный, хочетъ сдѣлать независимый выборъ. Онъ долго говорилъ съ тетушкой вообще о домашнихъ учителяхъ, и замѣтилъ, между прочимъ, что слишкомъ извѣстные, модные преподаватели менѣе полезны; что большею частію вся цѣнность ихъ состоитъ въ цѣнѣ урока, а нѣкоторые изъ нихъ столько берутъ за одинъ часъ вытверженной болтовни, сколько иному труженику, работающему въ молчанку, не добыть въ недѣлю, и даже иногда въ цѣлый мѣсяцъ. Короче сказать, графъ не любитъ записныхъ билетчиковъ, которые во время лекціи безпрестанно смотрятъ на часы, и лишь ударила срочная минута — за шляпу и тягу, мало заботясь о томъ, что и какъ успѣли вдолбить въ голову своего ученика. Графъ говорилъ, что всегда избираетъ въ наставники своимъ дѣтямъ истинныхъ любителей науки, занимающихся ею по страсти, а не изъ разсчета, словомъ, такихъ какъ ты — я вѣдь тебя, братецъ, давно знаю, и мы съ тетушкою такъ расписали тебя графу, что его сіятельство нетерпѣливо желаетъ съ тобою познакомиться. И повѣрь мнѣ, не будешь раскаяваться: графъ премилый, прелюбезный человѣкъ!

Долго еще племянникъ баронессы продолжалъ убѣждать своего товарища явиться на другой день къ графу, долго съ своей стороны чудакъ нашъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи, наконецъ однакожъ согласился, хотя и съ видимою неохотою. Во время спора ихъ, по говорящему, живому лицу молодаго человѣка пробѣгали различныя мысли и чувствованія, обнаруживавшія сильную внутреннюю борьбу. Самолю-

бивый и гордый, онъ не хотѣлъ вдругъ сдѣлать уступки въ нарушеніе своихъ правилъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его, казалось, мучило какое-то воспоминаніе; казалось, онъ почему-то особенно чуждался встрѣчи съ графомъ, и если племяннику баронессы удалось напослѣдокъ уломать своенравнаго педагога, это должно примисать ни чему иному, какъ нежеланію его сдѣлать непріятное школьному собрату, который въ описываемый день такъ много доказалъ ему свою чистосердечную преданность, и заставилъ его перемѣнить мнѣніе о себѣ, прежде не совсѣмъ располагавшее къ нему нашего причудника.

По заключеніи спора вожделѣннымъ результатомъ, товарищи разошлись въ свои комнаты, и утомленные довольно дѣятельно проведеннымъ днемъ, скоро очутились въ фантастической бесѣдѣ съ ночными грезами и видѣніями, или говоря безъ фигуръ—заснули крѣпкимъ сномъ.

Читатель, конечно, позволитъ и автору воспользоваться отдохновеніемъ послѣ трехъ порядочно длинныхъ главъ, служившихъ впрочемъ только необходимымъ вступленіемъ въ его повѣсть, которая ex officio начинается съ нижеслѣдующей главы. Да ниспошлетъ Аполлонъ читателю терпѣнія болѣе, нежели сколько ниспослалъ онъ автору вдохновенія и искусства.

—

IV.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты!

Пушкинъ.

Домъ графа *** находился близъ... Педагогу нашему, отправившемуся на другой день къ графу, должно было проходить мимо Лѣтняго сада. Чувствуя нѣкоторое волненіе, столь обыкновенное въ человѣкѣ, готовящемся увидѣть себя съ глаза на глазъ съ другимъ человѣкомъ, по рожденію, богатству и значенію въ свѣтѣ, вѣроятно, не считающимъ себя просто за человѣка, а чѣмъ то выше, хотя природа, кажется, не надѣлила его ни тремя глазами, ни лишнимъ носомъ, ни даже, можетъ быть, лишнею унціею мозга, герой нашъ рѣшился войдти въ садъ, и минутною прогулкою тамъ утишить нѣсколько неровное біеніе пульса. Въ предыдущей главѣ было уже сказано, что какое-то обстоятельство дѣлало встрѣчу его съ графомъ особенно затруднительною. Безъ всякаго сомнѣнія, авторъ долженъ будетъ, въ своемъ мѣстѣ, объяснить въ чемъ именно состояло это обстоятельство, если проницательный читатель уже не угадываетъ его отчасти.

Садъ былъ почти пустъ. Октябрская природа немногихъ манила въ его правильныя, не поэтическія аллеи, начинавшія лишаться единственной ихъ приманки—густоты зелени. На большей половинѣ деревьевъ листья уже опали; пожелтѣлые, съежившіеся, какъ морщинистое лицо старушки, они валялись по всему пространству обширнаго сада, кой-гдѣ развѣваемые осеннимъ вѣтеркомъ, блуждающіе съ мѣста на

мѣсто, въ ожиданіи пока метла работника, собравъ ихъ въ одну кучу, не вымететъ за предѣлы сада. (Не такъ ли цѣлыя поколѣнія людей сметаются съ лица земли силою всесокрушающаго времени, и новыя поколѣнія, попирающія ногами вѣковыя могилы предковъ, давно уже сровненныя съ поверхностью земли, ждетъ не та ли участь?)—Впрочемъ Невское солнышко свѣтило довольно привѣтно, грѣя, но не паля, какъ обыкновенно осенью, и нашъ молодой человѣкъ находилъ, что тогда въ саду было лучше, нежели лѣтомъ. Онъ пошелъ медленно по главной аллеѣ, не встрѣчая ни кого, кромѣ инвалида, надзирающаго за садомъ, да двухъ собакъ, бѣжавшихъ одна за другой. Подходя къ круглой площадкѣ аллеи, уставленной бѣлыми мраморными статуями, безмолвно напоминающими баснословныя времена древняго міра, онъ услышалъ дѣтскіе голоса, вдругъ оживившіе пустынную тишину сада, тишину тѣмъ болѣе поразительную, что за предѣлами его раздавались шумъ и гамъ многолюднаго, вѣчно-движущагося города. Выйдя на площадку, онъ увидѣлъ тамъ, сидѣвшихъ на скамейкѣ, даму и трехъ дѣвочекъ. Въ ту самую минуту, какъ онъ вышелъ на площадку, двѣ меньшія дѣвушки, одна лѣтъ девяти, другая годомъ или двумя постарше, быстро, какъ дѣти, поднялись, или лучше сказать, спрыгнули съ мѣстъ своихъ и побѣжали въ аллею, которая, пересѣкая площадку, ведетъ къ павильону. За ними встала и дама, довольно плотная, довольно уже пожилая и довольно не красивая, со всѣми признаками гувернантки. Она не замедлила обнаружить не только свое званіе, но и націю, закричавъ съ присвистомъ что-то въ слѣдъ малюткамъ, такимъ голосомъ и на такомъ діалектѣ, которые лучше всякаго аттестата говорятъ: «Я одна изъ дщерей гордаго Альбіона, приплывшая на берега Невы ради благаго воспитанія юныхъ

ея дщерей.—Я научу ихъ языку Мильтона, Шекспира и Байрона, и что еще важнѣе, научу, какъ надобно ходить, кланяться, держать себя съ граціей и изяществомъ!»—Между тѣмъ, пока гувернантка ворчала что-то на своихъ рѣзвыхъ питомицъ, тщетно стараясь догнать ихъ своими Британскими ножками, давно уже утратившими впрочемъ право на это уменьшительное, равно какъ и вся особа ея утратила собственную грацію, если когда либо таковую имѣла,—третья дѣвушка, лѣтъ четырнадцати или пятнадцати, все еще оставалась на скамейкѣ и машинально чертила на пескѣ кончикомъ своего зонтика. Любитель всего необыкновеннаго, всего заключающаго въ себѣ нѣчто особенное, хоть это особенное не каждый умѣетъ замѣчать съ перваго взгляда, молодой человѣкъ нашъ невольно заинтересовался ею: именно съ перваго взгляда она показалась ему одною изъ дѣвушекъ, не всякій день встрѣчаемыхъ. Онъ сѣлъ на противоположной скамейкѣ, въ другомъ углу площадки и сталъ всматриваться въ черты лица ея, заслоненныя нѣсколько шляпкою и опустившимся съ нея вуалемъ. Наконецъ, дѣвушка окончила свои іероглифы на пескѣ, подняла головку свою, оглянулась вокругъ, и какъ будто удивилась, что осталась здѣсь одна. Въ ту же минуту взоръ ея случайно упалъ на противоположную скамейку и она увидѣла молодаго человѣка, пристально смотрѣвшаго на нее. По старинному обыкновенію прекраснаго пола, дѣвушка тотчасъ потупила глаза свои, и блѣдныя, говоря мимоходомъ, щечки ея вдругъ зардѣлись цвѣтомъ нѣжной алой розы. Она быстро встала съ мѣста, и еще быстрѣе прошла мимо нашего мечтателя, бросивъ на него однакожъ украдкою бѣглый взглядъ, обнаружившій пару яркихъ огненныхъ звѣздочекъ, или говоря простымъ языкомъ прозы, пару прекрасныхъ

глазъ неопредѣленнаго цвѣта, не совсемъ темныхъ и не совсемъ голубыхъ. Особенно показалось замѣчательнымъ нашему молодому человѣку, что взглядъ, брошенный на него незнакомою дѣвушкою, не смотря на всю свою бѣглость и мгновенность, былъ взглядъ долгій, глубокій, многозначительный, чудно выразительный—нигдѣ и никогда еще не встрѣчалъ онъ подобнаго взгляда. За всѣмъ тѣмъ дѣвушка далеко не была красавицею, въ обыкновенномъ смыслѣ. Того, однакожь, кто назвалъ бы ее просто хорошенькою, пригожею, милою, или какъ нибудь иначе въ этомъ родѣ, того самого слѣдовало бы назвать Гунномъ, Вандаломъ, Аланомъ, Свевомъ, словомъ — именемъ одного изъ тѣхъ варваровъ, которые нѣкогда нахлынули на Римскую Имперію. Такихъ лицъ, какое было у дѣвушки, описывать нельзя: ихъ надобно видѣть, а видѣть трудно, потому что ихъ мало. Но если, не признавая этой причины, любопытная читательница, можетъ быть ревнующая ко всему, что существуетъ въ ея полѣ необыкновенно прекраснаго, спроситъ у автора: да скажите, м. г., что у нея было за лице, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ его?— онъ по неволѣ долженъ будетъ отвѣчать слѣдующее: лице болѣе продолговатое нежели круглое, не столько бѣлое, сколько прозрачное; носъ не совсѣмъ правильный, немножко вздернувшійся къ верху, но отмѣнно хорошо расположенный; лобъ высокій, блѣдный, какъ все лицо и такой же бархатный, какъ оно; темные, почти совершенно черные волосы, выказывались изъ-подъ шляпки и ни мало не закрывая лба, наискось спускались къ вискамъ; локоновъ не было: они нужны лицамъ обыкновеннымъ, и никогда не должны скрывать профиля лицъ, подобныхъ описываемому, каждая черта которыхъ тѣмъ болѣе прелестна, чѣмъ болѣе открыта; губы не боль-

шія и не маленькія, не розовыя и не блѣдныя, а нѣчто среднее между розовымъ и блѣднымъ, нѣчто такъ и манящее поцѣлуй вѣчно пребывающею на нихъ улыбкою, но улыбкою не смѣющеюся безсмысленно, не радостною, но и не грустною—улыбкою мысли, чувства, улыбкою души нѣжной и возвышенной. Наконецъ, общее въ лицѣ выражало умъ и проницательность, сколько того и другаго можетъ имѣть дѣвушка лѣтъ четырнадцати или пятнадцати: трудно было опредѣлить, сколько именно было ей между этими двумя межевыми годами. Для дополненія портрета скажемъ, что ростъ ея былъ средній. Дѣвушки ея возраста бываютъ и выше и ниже; станъ ея не отличался ни гибкостью, ни особенною стройностью: она даже держала себя нѣсколько не ровно, не прямо. Строгій взоръ педанта—цѣнителя красоты женской могъ бы и еще отыскать въ ней нѣкоторыя несовершенства, но сколько ихъ ни было бы, все, и самые недостатки, такъ были хороши въ ней, такъ все въ ней нравилось, что для нее не существовало отрицательной критики. Во всякомъ случаѣ, критика, осуждая ее, вмѣстѣ съ тѣмъ принуждена была бы, противъ воли, удивляться ей, и кончила бы свое безтолковое, нелѣпое осужденіе самою звучною, самою полною октавою похвалы, восторга, увлеченія.

Но за чѣмъ такъ долго описывать дѣвушку, случайно встрѣченную въ саду героемъ нашимъ, промелькнувшую передъ нимъ, какъ нѣкое видѣніе, и быстро, какъ призракъ, исчезнувшую въ дали той аллеи, куда за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ убѣжали двѣ малютки, вѣроятно, сестры ея. Возвратимся къ бѣдному учителю нашему. Долго сидѣлъ онъ на своей скамейкѣ, все еще слѣдя глазами по направленію шаговъ прелестной незнакомки и совершенно забывъ о

предстоящемъ ему свиданіи. Наконецъ, онъ очнулся, всталъ и медленно побрелъ къ знаменитой рѣшеткѣ сада. Тамъ онъ увидѣлъ отъѣзжавшую коляску, въ которой сидѣли тѣ же дѣвушки и та же пожилая дама гувернантка. Вспомнивъ, что его ожидаетъ одинъ изъ сильныхъ земли, не любящихъ ждать, молодой человѣкъ поспѣшно вышелъ изъ сада, взялъ первыя попавшіяся дрожки, и лѣнивый наемный возница медленно потащилъ его по тряской мостовой, между тѣмъ, какъ коляска давно уже скрылась изъ вида.

—

V.

«Въ жизни каждаго человѣка много случается романическаго.»

— Очень естественно: жизнь родилась прежде романа, а романъ родился изъ жизни.

Изъ обыкновеннаго разговора.

— Не принимаетъ.

Такъ отвѣчалъ разукрашенный швейцаръ вельможескаго дома нашему молодому человѣку, отворяя ему двери, выложенныя бронзою.

— Очень радъ,—подумалъ про себя молодой человѣкъ.

— Ужъ конечно въ другой разъ не поклонюсь дверямъ его сіятельства, какъ теперь, по милости моего пріятеля! Да и глупъ я былъ, что послушался вѣтренника и пустослова!

— Скажи, любезный, своему господину, — примолвилъ онъ въ слухъ, обращаясь къ швейцару, что былъ...

Тутъ онъ назвалъ себя.

— Извините, милостивый государь, — отвѣчалъ швейцаръ, сдѣлавшись вдругъ необыкновенно учтивымъ:

графъ велѣлъ всѣмъ отказывать въ ожиданіи васъ. Еще вчера мнѣ приказано... Не угодно ли вамъ пожаловать на верхъ: тамъ камердинеръ доложитъ его сіятельству.

Окончивъ свое обязательное объясненіе, швейцаръ отвѣсилъ педагогу два пренизкихъ поклона, чего никакъ нельзя было ожидать отъ него, судя по первому его слову, произнесенному, если не грубо, то со всею важностью слуги знатнаго барина... Правда, къ большимъ господамъ ежедневно покушается залѣзть толпа попрошаекъ, наглостью и безстыдствомъ своимъ выводящихъ изъ терпѣнія самаго кроткаго стража боярскихъ дверей, но въ томъ-то и дѣло, чтобы умѣть выбрать въ швейцары слугу, который былъ бы способенъ по наружности отличать попрошайку отъ порядочнаго человѣка.

Разсчитывая математически, — можно сказать, что столько именно времени, сколько потрачено нами на сіе, не излишнее впрочемъ разсужденіе, потребно было молодому человѣку взойдти на парадную лѣстницу вельможи и предстать въ его пріемной. Тамъ встрѣченъ онъ былъ камердинеромъ, который тотчасъ отправился доложить объ немъ его сіятельству. Однакожъ, проходитъ нѣсколько минутъ, а его сіятельства нѣтъ какъ нѣтъ. Уже педагогъ нашъ начинаетъ терять терпѣніе, и не соображая, что это будетъ очень невѣжливо и неприлично, готовится къ обратному пути, но въ то самое мгновеніе, когда онъ намѣревался исполнить свое необдуманное рѣшеніе, двери отворяются и входитъ юноша, лѣтъ семнадцати, сынъ графа, очень лестно привѣтствуетъ молодаго учителя, и отъ имени отца проситъ его пожаловать въ кабинетъ графа. Учитель повинуется, слѣдуетъ за юношею черезъ длинный рядъ великолѣпно убранныхъ комнатъ,

и вотъ наконецъ видитъ передъ собою высокаго старика, лѣтъ около шестидесяти, въ темно-голубомъ шелковомъ халатѣ, съ полусѣдыми волосами, и съ лицемъ оффиціальнаго выраженія, лицемъ, которое, по видимому улыбается только въ праздничные и табельные дни, но тѣмъ не менѣе съ лицемъ почтеннымъ, даже умнымъ, хотя и неподвижнымъ, т. е., не открывающимъ на поверхности своей происходящаго въ глубинѣ души, предполагая, что тамъ происходитъ что нибудь. Прибавьте къ тому важность взгляда и вообще всей физіогноміи, сознаніе своего достоинства и сана, и вы получите главныя черты для портрета графа ***.

При входѣ учителя онъ привсталъ съ своего дивана, передъ которымъ стоялъ небольшой круглый столикъ; учтиво, съ извѣстнаго рода улыбкой, отвѣчалъ на низкій поклонъ молодаго человѣка, и тотчасъ вновь сѣлъ, указавъ ему медленно рукою на сосѣдній стулъ.

Бѣднякъ нашъ помѣстился на указанномъ ему стулѣ и ожидалъ словъ графа, который между тѣмъ съ разстановкою нюхалъ табакъ изъ эмалированной золотой табакерки.

— Баронесса *** говорила мнѣ объ васъ, какъ объ отличномъ знатокѣ отечественной Исторіи,—началъ наконецъ графъ, вдоволь понюхавъ своего Французскаго табаку, и свертывая методически неразлучный спутникъ его, носовой платокъ.—Молодой человѣкъ почтительно поклонился, считая излишнимъ прибѣгать къ истертымъ выраженіямъ мнимой скромности. Вельможа продолжалъ, дѣлая въ то же время внимательный осмотръ нашему педагогу.

— Но я полагалъ найдти въ васъ человѣка пожилаго: вы вѣрно еще и не женаты?

— Да, я не женатъ, графъ — отвѣчалъ педагогъ.

Графъ положилъ второй палецъ лѣвой руки вдоль носа и принялъ строгій видъ размышляющаго человѣка, словно находился въ затрудненіи и предлагалъ себѣ мысленно вопросъ: взять или не взять въ учители нашего красавца? Такъ, по крайней мѣрѣ, педагогъ растолковалъ себѣ движенія графа.

Вся кровь бросилась при такой мысли въ голову бѣдному учителю и пятнами выступила на лицѣ его.

— Графъ! сказалъ онъ съ достоинствомъ, сохраняя впрочемъ въ выраженіи голоса и пріемахъ всевозможную почтительность: рекомендація баронессы нимало не обязываетъ ваше сіятельство къ противовольному выбору, и если молодость моя кажется вамъ непорукою въ моихъ познаніяхъ, я охотно готовъ уступить мѣсто свое другому, болѣе меня опытному наставнику. Позвольте также объяснить вамъ, графъ, что баронесса приняла во мнѣ участіе только по засвидѣтельствованію племянника своего, который дѣйствовалъ въ семъ случаѣ безъ всякаго со стороны моей искательства, и даже, осмѣлюсь прибавить, не удостовѣрясь въ моемъ желаніи. Вчера онъ сообщилъ мнѣ благосклонное предложеніе вашего сіятельства, съ назначеніемъ дня и часа, когда я долженъ явиться къ вамъ... Но такъ какъ, по видимому, первое впечатлѣніе послужило не въ пользу мою.....

— О, вы совершенно ошибаетесь, — прервалъ графъ съ необыкновенною ласковостью, походившею даже на нѣкотораго рода умиленіе: противъ васъ не было никакого не выгоднаго впечатлѣнія, и не могло быть, потому что вы обладаете одною изъ тѣхъ, сколько прекрасныхъ, столько же и благородныхъ наружностей, которыя располагаютъ къ себѣ съ перваго взгляда (педагогъ поклонился). Я могъ на минуту затруд-

ниться, потому что въ извѣстныхъ случаяхъ лѣта учителя должны быть принимаемы въ соображеніе. Но нѣтъ правила безъ изъятія, и я прошу васъ покорнѣйше принять на себя трудъ, основательно и подробно познакомить съ Русской Исторіей...

Тутъ графъ остановился на секунду и сказалъ по Англійски нѣсколько словъ сыну своему, который тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Педагогъ нашъ, не зная Англійскаго языка и полагая, что именно этого юношу онъ долженъ познакомить основательно и подробно съ Русской Исторіей, не постигалъ, за чѣмъ графъ выслалъ его изъ кабинета.

— У меня три сына и три дочери, продолжалъ вельможа, вновь обратясь къ нашему молодому человѣку, съ какимъ-то особеннымъ видомъ довѣрія и короткости, которыми, вѣроятно, желалъ загладить нѣсколько непріятное молодому человѣку начало разговора. — Старшій давно уже на службѣ по министерству иностранныхъ дѣлъ... Теперь онъ путешествуетъ.... Второй, тотъ самый, что сей часъ былъ здѣсь, скоро поступитъ въ университетъ..... Для мальчиковъ я предпочитаю окончательное образованіе въ общественныхъ заведеніяхъ... Младшій....

При послѣднемъ словѣ герой нашъ пояснилъ себѣ мысленно, что второй сынъ графа посланъ былъ позвать младшаго: но въ ту самую минуту, или, лучше сказать, въ то самое мгновеніе, когда графъ готовился договорить слова свои, отворилась небольшая дверь, находившаяся въ глубинѣ кабинета, и въ комнату вошла дѣвушка лѣтъ пятнадцати.

Кровь опять бросилась въ голову нашего бѣдняка, опять выступила на лицѣ багровыми пятнами, но уже отъ другой причины, или отъ другихъ причинъ. Дѣвушка такъ же какъ будто смутилась нѣсколько, взгля-

нувъ на молодаго человѣка, но тотчасъ оправившись, подошла къ отцу и поцѣловала ему руку.

— Вотъ старшая дочь моя, сказалъ графъ педагогу — рекомендую вамъ, продолжалъ онъ съ улыбкою, ни мало впрочемъ не нарушавшею важности его физіогноміи: это профессоръ! По Англійски, по Нѣмецки, по Италіянски, она знаетъ такъ же, какъ по Французски — я не говорю: какъ по Русски; *въ нашемъ кругу* (онъ произнесъ эти два слова съ особеннымъ удареніемъ) Французскій языкъ болѣе господствующій нежели Русскій... О, она у меня профессоръ, не только въ знаніи языковъ, но и въ другихъ предметахъ. Менѣе всего извѣстны ей отечественная литература и Исторія: до сихъ поръ тому и другому училась она поверхностно, слегка, но тѣмъ не должно ограничиться, потому что Русская графиня *должна* знать Исторію и литературу своего отечества. Не всякой женщинѣ суждено самой подвизаться на поприщѣ Исторіи, или литературы, но каждая обязана знать въ чемъ состоятъ эти поприща; только истинно-образованная женщина можетъ быть достойною супругою и матерью, способною понимать и раздѣлять общественное положеніе мужа, способною, въ свою очередь, воспитать дѣтей и дать ихъ наклонностямъ надлежащее направленіе....

Манускриптъ, изъ котораго заимствуемъ мы матеріялы для нашей повѣсти, не дѣлаетъ ни малѣйшихъ поясненій въ разсужденіе того, говорилъ ли все это графъ по независимому убѣжденію, вычиталъ ли изъ какой книги или просто повторялъ слышанное отъ кого либо другаго: въ манускриптѣ значится только, что онъ долго еще, съ возрастающимъ краснорѣчіемъ, разсуждалъ о системѣ воспитанія и образованія дѣвушекъ, отъ чего впрочемъ нисколько не измѣня-

лась неподвижность его лица, и наконецъ заключилъ длинную рѣчь свою слѣдующими словами:

— Вотъ по чему я хочу, чтобы дочь моя знала, между прочимъ, въ совершенствѣ Русскую литературу и Русскую Исторію. Для преподаванія первой пригласилъ я * * *. Позволите ли надѣяться, что вторую вполнѣ узнаетъ она отъ васъ?

И именно такъ было сказано: *первой* и *вторую*. Графъ былъ отличный стилистъ, не любилъ излишнихъ повтореній, замѣнялъ существительныя и собственныя имена всевозможными прилагательными, числительными, въ особенности мѣстоименіями, за исключеніемъ однакожь опальныхъ въ то время *сихъ* и *оныхъ*, которыхъ не любилъ даже въ дѣловыхъ бумагахъ. Просимъ однакожъ многотерпѣливаго читателя припомнить, что это было въ 18** году. Въ девятнадцатомъ столѣтіи просвѣщеніе въ одинъ годъ подвигается вѣковыми успѣхами, и 1843-й годъ торжественно возвращаетъ *симъ* и *онымъ* законное мѣсто ихъ, тамъ, гдѣ оно принадлежитъ имъ по праву и необходимости, ибо въ языкѣ нѣтъ лишнихъ словъ, и нѣтъ слова, которое, будучи употреблено на своемъ мѣстѣ, не было бы прекрасно. Богатый, свободный языкъ Русскій не терпитъ ограниченій и мелкихъ условностей. Подобно быстрому потоку, онъ прорываетъ всякую плотину, всякое препятствіе, на пути встрѣчаемое, и не останавливаясь течетъ, въ своеобразныхъ оборотахъ, по полямъ и доламъ, чрезъ лѣса и холмы, то подымаясь въ высь, какъ фантастическая мысль поэта, то съ шумомъ и клокотомъ водопада низвергаясь въ глубину. Но не таковъ былъ языкъ Русскій въ устахъ графа: здѣсь онъ уподоблялся, напримѣръ, рѣкѣ Невѣ, которая правильно, спокойно и однообразно течетъ въ гранитныхъ берегахъ своихъ; языкъ графа былъ ро-

венъ, строенъ, ни чѣмъ не возмутимъ, не подверженъ никакому волненію. Казалось, слова произносились автоматомъ, и когда онъ заключилъ ихъ вопросомъ: позволите ли надѣяться, что Русскую Исторію узнаетъ дочь моя отъ васъ? ни въ лицѣ, ни въ голосѣ его не означилось ничего вопросительнаго, и не дожидаясь отвѣта отъ того, къ кому адресованъ былъ вопросъ, онъ прибавилъ, обращаясь къ дочери: вотъ твой новый учитель....

Педагогъ и юная аристократка (да позволено намъ будетъ называть ее такимъ звучнымъ нарицательнымъ) поклонились другъ другу, не смотря другъ на друга, что съ одной стороны, конечно, должно приписать обыкновенной застѣнчивости и смущенію молодыхъ дѣвушекъ при встрѣчѣ съ молодыми людьми, съ другой нелюдимости и дикости нашего педагога — если, при тщательнѣйшемъ изслѣдованіи, не окажется въ настоящемъ случаѣ какой либо иной причины. Но вотъ обстоятельство: отъ чего педагогъ нашъ, въ началѣ свиданія съ графомъ обнаружившій такую гордость, теперь и не думалъ отказываться отъ чести быть учителемъ его дочери—напротивъ, согласился безмолвно, и по видимому можно было заключить, что согласіе его послѣдовало не только безъ всякаго принужденія, но даже съ удовольствіемъ.

Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, сказанныхъ дочери, графъ сдѣлалъ ей знакъ удалиться, и когда она оставила отца наединѣ съ будущимъ ея наставникомъ, графъ сказалъ ему, стараясь придать какъ можно болѣе мягкости и выраженія ровному, беззвучному своему голосу.

— Теперь вы, конечно, оправдаете давишній вопросъ мой: женаты ли вы? Ваша молодость, прекрасная наружность, и званіе учителя пятнадцатилѣт-

ней дѣвушки не должны ли были на минуту затруднить меня? Но, сколько опытность моя и знаніе людей позволяютъ мнѣ судить объ нихъ при первой встрѣчѣ, я вижу въ васъ человѣка достойнаго всякой довѣренности.....

Педагогъ низко поклонился, и съ своей стороны сказалъ что-то лестное графу, что-то даже похожее на ласкательство.

Какъ? Гордый плебей нашъ рѣшается льстить, заискиваетъ уже благосклонность вельможи, кланяется ниже обыкновеннаго? Что сталось съ нимъ? Онъ какъ будто боится, чтобы графъ не измѣнилъ рѣшимости ввѣрить его историческимъ познаніямъ дочь свою, какъ будто боится потерять выгодное мѣсто... Непостижима природа человѣческая въ своихъ безпрестанныхъ противорѣчіяхъ! шутя, или даже не шутя воскликнешь здѣсь.

— И такъ, намъ остается только условиться на счетъ дней и часовъ преподаванія?... Впрочемъ, объ этомъ надобно поговорить предварительно съ гувернанткой.... Я увѣдомлю васъ завтра.... Въ разсужденіи курса вашей лекціи... но стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ.... Вы предоставите мнѣ оцѣнить трудъ вашъ.

Педагогъ еще разъ поклонился, ни слова не отвѣчая на вопросъ, который въ подобныхъ случаяхъ всегда приводилъ его въ краску и сильное замѣшательство, потому что онъ сдѣлался учителемъ въ частныхъ домахъ совсѣмъ не для того, чтобы умножить вещественные способы своего существованія, а для того, чтобы практикой приготовить себя къ каѳедрѣ. По скромному и уединенному роду его жизни, ему слишкомъ было достаточно дохода, получаемаго съ небольшаго помѣстья, и въ то время, когда

мы начали повѣсть свою, онъ готовъ уже былъ совершенно отказаться отъ преподаванія въ частныхъ домахъ, непріятнаго по разнымъ причинамъ, какъ вдругъ неожиданная встрѣча съ пансіонскимъ товарищемъ волею и неволею измѣнила его рѣшеніе, сдѣлавъ его учителемъ не ученика, а ученицы.

Видя, что послѣ остальныхъ словъ графа визитъ его долженъ кончиться, молодой человѣкъ нашъ поднялся было съ мѣста и уже хотѣлъ откланяться его сіятельству, но вельможа удержалъ его, и около часа еще пробесѣдовавъ съ нимъ, совершенно убѣдился въ обширномъ образованіи и отличныхъ способностяхъ нашего педагога. Искусно наведя разговоръ на отечественную Исторію и закинувъ незамѣтно нѣсколько экзаменаторскихъ вопросовъ, графъ удостовѣрился, что будущій учитель его дочери необыкновенно силенъ въ своемъ предметѣ. Результатъ испытанія, казалось, произвелъ на графа весьма благопріятное дѣйствіе. Физіогномія его, до того мрачноватая, нѣсколько прояснилась. Очевидно, что его сіятельство первоначально не совсѣмъ доволенъ былъ, найдя въ нашемъ учителѣ не только молодаго человѣка, но и красавца. Первымъ движеніемъ его въ началѣ свиданія съ педагогомъ была мысль — изобрѣсть какой нибудь предлогъ кончить дѣло ничѣмъ, но ходатайство баронессы, которую онъ очень уважалъ, и нежеланіе поступить противъ свѣтскихъ условій приличія, не менѣе имъ уважаемыхъ, поставили его въ затрудненіе прямо отказать педагогу; теперь, когда онъ убѣдился несомнѣнно въ его способностяхъ и познаніяхъ, когда благородный видъ и рѣчи педагога удалили всякое опасеніе относительно возможности какихъ либо послѣдствій дѣлаемаго ему довѣрія, графъ, по видимому, совершенно

успокоился и разстался съ молодымъ человѣкомъ самымъ благосклоннымъ образомъ, даже проводилъ до дверей своего аристократическаго кабинета, и что еще важнѣе, откланяваясь, подалъ ему свою аристократическую руку.

Педагогъ нашъ возвратился домой около четырехъ часовъ по полудни. Товарищъ давно уже ждалъ его съ обѣдомъ, и лишь онъ вошелъ въ комнату, тотчасъ предложилъ ему слѣдующій короткій и ясный вопросъ:

— Ну, что?

Въ отвѣтъ на эти два слова послѣдовало длинное повѣствованіе утреннихъ похожденій нашего героя, начавшееся встрѣчею его въ Лѣтнемъ Саду съ незнакомою дѣвушкою, продолженное подробнымъ описаніемъ посѣщенія графа, и наконецъ заключенное патетическимъ восклицаніемъ: «Представь себѣ: дѣвушка, которую я видѣлъ въ Лѣтнемъ саду, и дочь графа — одно и то же лице!... Могъ ли я думать, что встрѣчусь съ нею опять въ тоже утро, и еще болѣе, что она будетъ моей ученицей?...

— На ловца звѣрь бѣжитъ — сказалъ племянникъ баронессы... Мечтатель, идеализеръ, какъ чтобы съ тобой не случалось иногда кой-чего романическаго!

— Вотъ что! продолжалъ онъ, помолчавъ нѣсколько. Такъ у тебя будетъ не ученикъ, а ученица! Я полагалъ, что графъ хлопочетъ объ учителѣ на счетъ сыновей. Ну, теперь я не удивляюсь, что ты не отказался отъ чести быть ментором въ домѣ графа. Словомъ, какъ бы выразиться понѣжнѣе, — ты препорядочный плутъ.... Смотри, братъ, однакожъ не слишкомъ во время уроковъ заглядывайся на свою ученицу — у нее такіе чертовскіе глазенки!.. Смазли-

вая дѣвчонка, нечего сказать!.. Между тѣмъ, насъ ожидаетъ Каремъ, то есть, мой поваръ Петрушка, или говоря, братецъ, по просту, — пора обѣдать.

— Эй, малый! водки!!

—

VI.

Онъ все забылъ... Ему не спится,
А на минуту лишь заснетъ,
Ему какой-то образъ снится
И давитъ грудь и сердце жжетъ.

* * *

На другой день, согласно обѣщанію графа, педагогъ нашъ получилъ отъ его сіятельства записку, съ увѣдомленіемъ, что уроки назначаются два раза въ недѣлю, именно по понедѣльникамъ и пятницамъ, отъ 6 до 8 часовъ вечера. Графъ находилъ, что одного часа недостаточно. Вотъ подлинныя его выраженія. «Часовой урокъ болѣе модный, нежели полезный урокъ; нѣсколько минутъ проходитъ обыкновенно въ приготовленіи къ лекціи, въ необходимомъ маленькомъ разговорѣ между учителемъ и ученикомъ, и то же самое повторяется передъ окончаніемъ лекціи. Словомъ, ученье продолжается собственно не болѣе получаса или сорока минутъ, а что можно успѣть въ такой промежутокъ времени?» Графъ заключалъ свою записку изъявленіемъ желанія, чтобы уроки начались съ перваго понедѣльника и весь курсъ оконченъ былъ въ продолженіе восьми мѣсяцовъ, т. е., къ началу слѣдующаго лѣта или до переѣзда графа на дачу; въ буду-

щую осень предполагалось представленіе молодой графини ко Двору.

Записка графа получена была во вторникъ, слѣдовательно, до открытія уроковъ оставалась почти цѣлая недѣля — она показалась вѣкомъ нашему педагогу. Никогда еще женихъ съ такимъ нетерпѣніемъ не ожидалъ вожделѣннаго дня свадьбы, какъ нашъ педагогъ обѣтованнаго понедѣльника. Богъ знаетъ отъ чего, онъ попеременно ощущалъ въ себѣ, то трепетную радость, то грусть томительную и снѣдающую. Бывало, онъ по крайней мѣрѣ спитъ спокойно, теперь же и послѣдняя отрада бѣжала отъ него, хотя онъ такъ жаждалъ ея, потому что въ краткія минуты сна къ нему, Богъ вѣсть откуда, ниспускалось какое-то прелестное видѣніе, столь схожее съ чѣмъ-то знакомымъ и милымъ ему. Короче, то была долгая, испытательная недѣля. Но какъ не только недѣли, но и самые годы, самые десятки лѣтъ быстро проходятъ въ предѣлахъ жизни, сколь, по видимому, ни медленно казалось теченіе ихъ, то наконецъ насталъ день и часъ, когда надобно было отправиться къ графу. Между тѣмъ, въ продолженіе недѣли, педагогъ нашъ, желая сократить безконечность ея и вмѣстѣ съ тѣмъ достойно оправдать довѣріе графа, посвятилъ нѣсколько часовъ составленію для дочери его особыхъ записокъ, приспособленныхъ изложеніемъ къ ея понятіямъ. По первому свиданію, по чертамъ физіогноміи заключивъ уже, что дѣвушка должна обладать острыми способностями ума, онъ рѣшился дать запискамъ своимъ высшее развитіе науки, чуждаясь впрочемъ всѣхъ отвлеченныхъ и педантическихъ формъ. Къ субботѣ была уже готова, каллиграфически переписана и даже щегольски переплетена тетрадка, заключавшая въ себѣ первую лекцію, или взглядъ на Исторію вообще и на отечествен-

ную въ особенности, взглядъ вѣрный и глубокій, но вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени упрощенный, что лекція гораздо болѣе походила на обыкновенную пріятную бесѣду умнаго человѣка, нежели на ученое вступленіе къ историческому курсу, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Мѣстами проявлялось неподдѣльное одушевленіе возвышеннымъ предметомъ, доходившее иногда до поэтическаго увлеченія. Слогъ, не смотря на всевозможную наружную простоту, дышалъ, если можно такъ выразиться, прелестью слова, и педагогъ нашъ былъ вполнѣ доволенъ началомъ новаго труда своего, предпринятаго съ какимъ-то необыкновеннымъ усердіемъ и любовью. Но, повторяемъ, настала минута, когда надобно было отправиться въ домъ графа.

Всегда довольно небрежный, невнимательный къ своему туалету, чудакъ нашъ теперь занялся имъ съ нѣкоторою рачительностью, даже кокетствомъ. Слоновая кость гребня нѣсколько разъ заботливо коснулась его мягкихъ темныхъ волосъ, обыкновенно разсыпавшихся по челу въ натуральномъ безпорядкѣ. Изъ затѣйливой стклянoчки Марса — Марса не воинственнаго, не баснословнаго бога брани, но *Марса*, обладающаго безчисленными благоуханіями для женъ и мужей женоподобныхъ,—пролилась на голову его душистая влага. Галстухъ какъ-то не завязывался съ разу: то узелъ, то концы его не сходились симметрически на груди, въ которой отъ чего-то неровно билось сердце, и наконецъ только двѣ золотыя булавки съ коралловыми головками, соединенныя гомеопатическою, едва замѣтною цѣпочкою, кое-какъ уладили едва ли не главнѣйшую, по мнѣнію *львовъ*, часть мужскаго туалета. Тутъ откуда ни взялся новый черный фракъ, сшитый по послѣдней журнальной картинкѣ

артистическою иглою г. *Оливье*, между тѣмъ, какъ по черному бархату жилета (тогда это было еще въ модѣ) скользнула тоненькая, изящная цѣпь часовъ, не выставляемая на показъ, какъ у мелкихъ чиновниковъ и купчиковъ, но искусно припрятанная и едва, едва обнаруживающаяся, какъ будто не нарочно. На маленькія и бѣлыя, какъ у Наполеона, руки натянуты, не безъ нѣкотораго усилія, палевыя перчатки, также спрыснутыя нѣжно благовонными духами... и... Но мужской туалетъ не такъ многосложенъ, какъ дамскій. Не смотря на всю кокетливость описаннаго наряда, молодой человѣкъ нашъ былъ совершенно готовъ менѣе нежели въ двадцать минутъ, и вотъ онъ, держа въ рукахъ низенькую шляпу, съ полями нѣсколько шире обыкновеннаго, и трость изъ Испанскаго камыша, съ набалдашникомъ, изображавшимъ черепъ человѣческій, подходитъ къ большому зеркалу, около минуты созерцаетъ себя въ волшебномъ стеклѣ, и только въ эту минуту впервые невольно убѣждается, что онъ очень хорошъ собою, прекрасенъ, какъ Аполлонъ, если Аполлонъ былъ дѣйствительно прекрасенъ, согласно существующему о семъ древнемъ богѣ, крайне отдаленному преданію.... Однакожъ, уже половина шестаго: надобно поторопиться, чтобы не заставить дожидаться себя. Это говоритъ не авторъ, это говоритъ самъ себѣ педагогъ нашъ.

И сказавъ себѣ, или подумавъ вышеприведенное, онъ отправляется въ путь неровными шагами — ноги его отъ чего-то дрожатъ, даже колѣнки какъ будто подгибаются, но за всѣмъ тѣмъ онъ никогда не чувствовалъ себя столько здоровымъ, столько исполненнымъ жизни.

Едва успѣлъ онъ сойдти съ лѣстницы, какъ у самой калитки повстрѣчалъ товарища своего, возвращавшагося съ какого-то обѣда въ одномъ изъ лучшихъ домовъ

столицы... какъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ именовалъ домы всѣхъ своихъ знакомыхъ, безъ исключенія.

— Фу, братецъ, какимъ ты франтомъ сегодня! вскричалъ баронессинъ племянникъ. Я назвалъ бы тебя совершеннымъ львомъ, если бы ты былъ меньше женоподобенъ, т. е., не былъ такимъ красавцемъ... Любопытно знать, однакожъ, куда это ты такъ разрядился?

Педагогъ смѣшался и не вдругъ отвѣчалъ: «Сегодня мой первый урокъ у графа...»

— А, понимаемъ! Вотъ что значитъ быть приглашеннымъ въ учители хорошенькой дѣвчонки...

Педагогъ нашъ просто растерялся, и незная что сказать, бормоталъ. «Помилуй, другъ мой... приличіе... необходимость озаботиться нѣсколько своимъ туалетомъ. Ты знаешь, что прежде я вовсе не обращалъ вниманія на нарядъ свой... Нельзя же явиться въ домъ графа какъ-нибудь одѣтымъ!

—Разсказывай, пріятель!—Отъ чего же въ первый разъ ты отправился къ графу не болѣе, какъ прилично одѣтымъ, а теперь летишь туда настоящимъ фашенаблемъ? Ни полслова! Знаемъ мы васъ... Въ тихомъ озерѣ черти водятся... Что, видно, приглянулась аристократочка? А славная дѣвчонка: такіе быстрые глазенки; немножко сентиментальна, правда,—впрочемъ въ панданъ тебѣ! Смотри, братъ, однакожъ, не залѣзь не въ свои сани! Эта роза высшаго разряда — она не терпитъ плебейскаго прикосновенія—тотчасъ обнаружитъ всѣ свои шипы. На этотъ счетъ я пропою тебѣ куплетецъ:

Не для меня она цвѣтетъ,
Не для меня она сіяетъ!...

— Какой вздоръ ты городишь! прервалъ въ свою очередь, съ нѣкоторою досадою, педагогъ нашъ. Не

задерживай меня. Остается до шести не болѣе четверти часа. Прощай!

— Постой, одно слово только: черезъ нѣсколько дней ты прочитаешь въ Инвалидѣ: опредѣляется въ службу уволенный изъ *** полка штабсъ-капитанъ ***, въ ***-й полкъ штабсъ-ротмистромъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ ***. А! каково?.. Все моя тетушка... Чудо баба! Дай Богъ ей здоровья! А умереть еще успѣетъ, чтобъ оставить мнѣ тысячь тридцать-сорокъ годоваго.... Фу, чортъ возми, какъ я тогда заживу, и какой памятникъ поставлю тетушкѣ! Что твои пирамиды Египетскія... *съ высоты коихъ*... Какъ бишь выразился Наполеонъ? »

— Послѣ, послѣ! отвѣчалъ педагогъ, оставляя баронессина племянника и пожимая ему руку... Не заставь меня опоздать!

— Ну, Богъ съ тобой! До свиданія! Ужасно, какъ спѣшитъ... А давно ли еще такъ чуждался аристократіи... Видно, понравился воздухъ графскаго кабинета... Мечтатель, поэтъ!..

Но мечтатель и поэтъ не слыхалъ уже штабсъ-ротмистра и адъютанта; легкія дрожки катили его уже по мостовой на..., къ дому графа. Вотъ промелькнулъ передъ нимъ и Лѣтній садъ, откуда повѣяло на него воспоминаніемъ первой встрѣчи съ тою, которую онъ не надѣялся встрѣтить никогда болѣе, но которая теперь ждетъ его... Онъ проведетъ съ нею цѣлыхъ два часа... И сколько такихъ часовъ проведетъ онъ съ нею въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, будетъ сидѣть подлѣ нея такъ близко, что можно дышать благовоніемъ ея дѣвственной груди! И онъ не слышитъ подъ собою земли, или правильнѣе, дрожекъ; ему кажется, что они подвигаются слишкомъ

медленно, между тѣмъ, какъ извощикъ, задобренный лишнимъ рублемъ, силится превратить коня своего въ птицу... Бѣдный педагогъ!

—

VII.

... Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь — и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ.

Пушкинъ.

Наконецъ показался знакомый подъѣздъ. Молодой человѣкъ спрыгиваетъ съ дрожекъ, звонитъ. Вотъ онъ уже на лѣстницѣ. Слуга, въ богатой ливреѣ, провожаетъ его черезъ длинный рядъ комнатъ, и наконецъ оставляетъ у дверей одной изъ нихъ, почтительно произнеся: «Здѣсь.» Педагогъ не безъ трепета берется за бронзовую ручку двери, поворачиваетъ ее, и входитъ въ маленькій кабинетъ, гдѣ уже давно ожидаетъ его дочь графа. Она дѣлаетъ ему самый аристократическій книксенъ, съ милою улыбкою привѣтствуя слѣдующими словами: «Я полагала, что вы не будете уже, или, можетъ быть, вы ошиблись въ часѣ: теперь половина седьмаго...» Педагогъ, покраснѣвъ, извиняется очень неловко, тѣмъ болѣе, что маленькій разговоръ ихъ происходилъ на томъ не модномъ языкѣ, на которомъ пишемъ мы повѣсть нашу.

Нѣсколько секундъ педагогъ нашъ очень неловко искалъ мѣста, куда положить свою Циммермановскую шляпу; нѣсколько секундъ еще прошло въ стягиваніи узкихъ перчатокъ; наконецъ, когда ему удалось то и другое, аристократка, изящнымъ движеніемъ руки, указала своему учителю мѣсто подлѣ небольшаго стола, снабженнаго всѣми учебными принадлежностями, сама заняла стулъ по правую сторону молодаго человѣка и лекція открылась. Историческое безпристрастіе заставляетъ автора сдѣлать признаніе, что начало перваго урока Русской Исторіи было не совсѣмъ удачно. Ни со стороны преподавателя, ни со стороны слушательницы не оказано было въ первыя минуты надлежащаго вниманія къ предмету: оба развлечены были нѣсколько невольнымъ созерцаніемъ другъ друга, и надобно сказать, что со стороны ученицы явно обнаруживалось болѣе любопытства къ исторіографу, нежели къ его повѣствованію. Встрѣча въ Лѣтнемъ саду съ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, и вдругъ, въ то же утро, неожиданное его появленіе въ кабинетѣ отца, въ качествѣ ея учителя, и наконецъ онъ, какъ учитель, сидящій теперь рядомъ съ нею, такъ близко, что дыханіе ихъ смѣшивается въ окружающемъ ихъ воздухѣ, — все наэлектризовало дѣвушку къ какимъ-то впечатлѣніямъ, въ которыхъ не было ничего общаго ни съ Рюрикомъ, ни съ Синавомъ, ни еще менѣе съ Труворомъ. Наружность нашего педагога, или, говоря яснѣе, его необыкновенная красота, возвышенная изяществомъ наряда, до того поразила дѣвушку, незнакомую еще съ движеніями сердца, что она нѣсколько минутъ не могла свести глазъ съ прекраснаго своего учителя, въ свою очередь пожиравшаго взорами драгоцѣнный цвѣтокъ, красовавшійся передъ нимъ во всемъ блескѣ пер-

вой молодости, во всей прелести дѣвственной чистоты и невинности. Большаго труда стоило ему овладѣть собою, и онъ, можетъ быть, долго еще оставался бы подъ обаяніемъ сильнаго чувства, сжимавшаго его сердце, если бы постороннее обстоятельство не вывело его изъ затруднительнаго положенія. Обстоятельство сіе было живое, произвольно движущееся, на двухъ человѣческихъ и даже женскихъ ногахъ. Короче, въ учебную комнату вошла вдругъ пожилая женщина, гувернантка молодой графини и ея меньшихъ сестеръ, та самая плотная и некрасивая дщерь Альбіона, съ которою читатель и педагогъ нашъ уже познакомились нѣсколько въ Лѣтнемъ саду.

Толстая миссъ, а можетъ быть, и мистриссъ, усѣлась на диванѣ, сказала что-то съ извѣтнымъ уже намъ присвистомъ своей питомицѣ, и принялась, по видимому, за чтеніе какой-то книги, украдкой взглядывая поверхъ ея на учителя и ученицу. Педагогъ и аристократка, замѣтя такой родъ наблюденія за ними, поставлены были въ необходимость принять соотвѣтственную каждому роль, и тогда лекція началась какъ слѣдуетъ. Мало по малу, постепенно, входя въ предметъ свой, учитель нашъ успѣлъ наконецъ одушевиться имъ, до такой степени, что впечатлѣнія, не причастныя предисловію его къ Исторіи Русской, не имѣли уже на него никакого вліянія. Ученица также невольно подчинилась предмету, тѣмъ охотнѣе и непринужденнѣе, что собесѣдникъ ея вполнѣ обладалъ даромъ слова. Самыя серьезныя, самыя строгія истины и положенія историческія облекая въ формы легкаго разсказа, онъ сообщалъ имъ пластическія красоты поэзіи. Аристократка впервые услышала такую рѣчь на Русскомъ языкѣ и была изумлена: она не предполагала, что можно такъ хорошо, такъ прі-

ятно для слуха говорить на этомъ *бѣдномъ*, по мнѣнію *салоновъ*, языкѣ; она воображала прежде, что Русскій языкъ пригоденъ только для дворниковъ и кухарокъ... Но теперь, слыша своего новаго учителя, она увидѣла, какъ непростительно и грубо ошибалась. Въ продолженіе двухъ часовъ молодая графиня такъ полюбила сильное, звучное слово Русское, способное ко всѣмъ переливамъ и оттѣнкамъ мысли или чувства, что готова была, пожалуй, никогда не слыхать другаго языка. Если прибавить къ тому, что наставникъ ея имѣлъ самый пріятный, самый стройный органъ голоса, если припомнить, какъ всякой языкъ привлекателенъ въ устахъ того, кто имъ владѣетъ въ совершенствѣ, и кого природа, въ довершеніе даровъ своихъ, надѣлила наружностью, подобною наружности нашего молодаго человѣка, то вы убѣдитесь, что авторъ не преувеличиваетъ, не говоритъ по пристрастію къ родному языку, а если бы и такъ, какой космополитическій Московецъ дерзнетъ упрекнуть его въ томъ?

Въ заключеніе лекціи педагогъ нашъ привелъ кстати нѣсколько стиховъ Пушкина, со времени смерти котораго тогда не сбылось еще роковой годовщины. Юная аристократка жадно слушала геніяльныя строфы великаго поэта, превосходно декламируемыя, и сильный, сладкозвучный ямбъ ихъ ударилъ даже въ слухъ толстой мусъ. Не понимая по Русски, она не могла однакожъ не ощутить прелести самаго механизма стиха и ровнаго паденія рифмъ. Закрывъ свою книгу и разинувъ ротъ, она внимательно слушала стихи Пушкина, и наслаждалась ими, не сознавая причины своего наслажденія. Такъ грубый не поэтъ пастухъ, вдали отъ своего стада, разбредшагося по широкому прилѣсью, прислушивается порою къ отдален-

нымъ перекатамъ грома, и неспособный постигнуть величіе явленія, совершающагося въ природѣ, также безсознательно повѣряетъ слуху мѣрный рокотъ, то усиливающихся, то стихающихъ ударовъ грома, также невѣдомо себѣ наслаждается музыкою неба.

Но вотъ, къ взаимному сожалѣнію учителя и ученицы, лекція кончилась; два часа мелькнули, какъ двѣ минуты, какъ два мгновенія чистой, благородной радости. Уходя, молодой человѣкъ нашъ вручилъ своей аристократкѣ извѣстную уже намъ тетрадочку, красиво переписанную и изящно переплетенную. «Здѣсь, графиня», сказалъ онъ, «найдете вы краткое повтореніе того, что я имѣлъ честь передать вамъ на словахъ. Если васъ не затруднитъ внимательное прочтеніе этой тетрадочки, я желалъ бы, чтобы вы въ слѣдующій урокъ разсказали мнѣ что нибудь изъ нея по своему?»

Аристократка безмолвною улыбкою и выразительнымъ взглядомъ отвѣчала, что желаніе его будетъ исполнено, и исполнено съ удовольствіемъ. Молодой человѣкъ почтительно поклонился ей, также поклонился толстой миссъ, кивнувшей ему головою въ огромномъ чепцѣ, и удалился не сказавъ болѣе ни слова, но бросивъ наученицу свою одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, въ которыхъ заключается много глагола.

—

VIII.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ,
Идетъ межъ креселъ по ногамъ;
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланялся. . . . . .

ПУШКИНЪ.

Племянникъ баронессы не солгалъ. Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, возвѣщено было въ Инвалидѣ объ опредѣленіи его вновь въ военную службу, съ состояніемъ по кавалеріи и назначеніемъ въ адьютанты къ генералу ***, имѣвшему пребываніе въ Петербургѣ. Послѣднее обстоятельство составляло цѣль ходатайства баронессы, желавшей удержать племянника у себя на глазахъ, не говоря уже объ удовольствіи видѣть на немъ блестящій аксельбантъ. Едва только портной и гостинодворецъ, торгующій военными вещами, успѣли облечь новопожалованнаго адьютанта въ костюмъ и доспѣхи его новаго званія, онъ первымъ долгомъ поставилъ показаться въ Александринскомъ театрѣ, гдѣ переформированіе его, будучи совершенно неожиданнымъ, произвело большой эффектъ между постоянными членами партера. Что ни говорите, какъ ни мудрствуйте, а шпоры, сабля, усы, вообще красивый военный нарядъ, всегда будутъ имѣть свою неотъемлемую прелесть и преимущество! Куда фрачникамъ тягаться съ военными! Защитники отечества, мужественные сыны Марса, они имѣютъ защитницъ, если менѣе ихъ мужественныхъ,

за то болѣе упорныхъ и прихотливыхъ. Прекрасный полъ

За шпоры, саблю и усы
Готовъ отдать свои красы.

Какъ бы то ни было, партерные пріятели баронессина племянника были въ восторгѣ отъ его перерожденія или переряженія. Примѣтно было даже нѣкоторое движеніе въ бенуарахъ, гдѣ дамскіе лорнеты и зрительныя трубки, между прочимъ, направлялись, будто мимоходомъ, и на красиваго адьютанта. Но кто болѣе всего и усерднѣе всѣхъ восхищался имъ — то былъ самъ онъ: онъ вертѣлся и юлилъ въ первомъ ряду креселъ, словно только что произведенный прапорщикъ, эполеты котораго дышатъ еще всею свѣжестію обновки. Особенно, когда на подмостки сцены являлась красивая артистка, новый адьютантъ всѣми силами и способами старался обратить на себя ея вниманіе. Неизвѣстно однакожъ сколько онъ успѣлъ въ томъ, хотя ему и показалось, что миловидная актриса наградила его искательство благосклонною улыбкою, походившею впрочемъ болѣе на насмѣшливую гримасу. Тѣмъ не менѣе она была поводомъ къ самому полновѣсному аплодисману, предпринятому въ честь артистки восторженнымъ ея поклонникомъ. Такъ бываетъ и въ другихъ случаяхъ жизни, гдѣ близорукость и ослѣпленіе тщеславія, или самолюбія, заставляютъ иногда хлопать собственной своей неудачѣ.

Въ описываемое время Александринскій театръ почти въ каждое представленіе бывалъ полнехонекъ. Отличная игра нѣкоторыхъ артистовъ, въ томъ числѣ несравненнаго Дюра, и еще болѣе артистокъ, славившихся граціозною красотою, Асен-

ковой, Степановой, въ цвѣтѣ лѣтъ и таланта похищенныхъ безвременной смертію, наконецъ многія легкія пьесы, имѣвшія большой успѣхъ, шумѣли въ городѣ, въ публикѣ, и привлекали иногда въ Александринскій театръ самыхъ взыскательныхъ, самыхъ строгихъ судей искуства, принадлежавшихъ къ лучшему обществу столицы. Въ тотъ вечеръ, когда племянникъ баронессы впервые предсталъ знакомому партеру въ адъютантскомъ мундирѣ, давали избранныя, по крайней мѣрѣ, любимѣйшія публикою пьесы, и театръ былъ полонъ, какъ будто въ бенефисъ Таліони. Нигдѣ, отъ поднебеснаго райка до дольнихъ бенуаровъ, не было пустаго мѣста; только одна ложа, въ первомъ ярусѣ, оставалась не занятою еще при началѣ представленія. Она приходилась прямо противъ одного изъ крайнихъ креселъ партера. Тутъ сидѣлъ давнишній знакомецъ нашъ, молодой человѣкъ, и въ то время, какъ взоры всѣхъ зрителей обращены были на сцену, онъ, вовсе не занимаясь сценою, безпрестанно взглядывалъ по направленію къ пустой ложѣ, какъ будто ожидая увидѣть тамъ появленіе кого-то. И дѣйствительно, въ концѣ водевиля, открывшаго спектакль, дверь ложи вдругъ отворилась. Сперва вошли въ нее дѣвушка лѣтъ пятнадцати и юноша годомъ или двумя постарѣе, а минуту спустя пожилой человѣкъ, высокаго роста. Между тѣмъ, какъ юноша и пожилой человѣкъ, занявъ мѣста свои въ ложѣ, обратились исключительно къ сценѣ, дѣвушка, вооружась большою двойною трубкою, стала разсматривать ложи и кресла; казалось, она кого-то отыскивала глазами. Впрочемъ только опытный и проницательный взглядъ успѣлъ бы уловить искусныя движенія ея: она такъ маскировала свои разысканія, съ такою затѣйливою небрежностью направляла свою трубку въ разныя

стороны, что обыкновенный наблюдатель приписалъ бы неутомимую рекогносцировку ея не болѣе, какъ простому любопытству дѣвушки, едва вышедшей изъ дѣтскаго возраста. — Долго еще двойной лорнетъ ея блуждалъ по всѣмъ ярусамъ ложъ, по всѣмъ рядамъ креселъ, какъ наконецъ вдругъ, съ какимъ-то судорожнымъ, отрывистымъ движеніемъ руки, остановился на одномъ изъ креселъ, именно томъ самомъ, которое приходилось прямо противъ ея ложи. Какой-то громадный толстякъ, подлѣ помѣстившійся, заслонялъ отъ нея кресло, занятое, какъ намъ уже извѣстно, *молодымъ человѣкомъ*. Онъ сидѣлъ скромно, почти неподвижно, облокотившись лѣвою рукою на край сосѣдняго бенуара. — Онъ не былъ вооруженъ ни лорнетомъ ни трубкой, но зоркій взглядъ его, въ свою очередь, прилежно направленъ былъ въ ту ложу, изъ которой такъ долго отыскивали его и наконецъ отыскали. Взоры ихъ встрѣтились и тотчасъ раздѣлились. И дѣвушка ихъ молодой и человѣкъ съ той минуты обратили глаза свои на сцену, и только изрѣдка, украдкою, быстро взглядывали другъ на друга, стараясь не встрѣчаться взорами.

Въ антрактѣ къ молодому человѣку нашему подошелъ его пріятель и товарищъ, новопожалованный адъютантъ.

— Ну, какъ ты находишь сегоднишній спектакль?— спросилъ онъ.

— Я очень благодаренъ тебѣ, что ты сегодня взялъ меня съ собою — превосходныя пьесы!

— Лукавишь, любезнѣйшій! Не пьесы тебя занимаютъ, а вонъ та ложа, что въ началѣ спектакля пуста была. Будто я слѣпъ и не вижу, что это графъ съ сыномъ и дочерью! Ты, братецъ, просто влюбленъ— это по всему замѣтно. Я сумасшедшаго и влюблен-

наго тотчасъ узнаю. У тебя же такіе говорящіе глаза! Вся душа и сердце въ нихъ, какъ въ зеркалѣ... Однакожъ, скоро молодая графиня успѣла вскружить твою философическую голову...

— Тише, другъ мой, могутъ услышать. Охота тебѣ болтать всякой вздоръ во всеуслышаніе!

— Желалъ бы я знать, кто осмѣлится требовать отчета въ моихъ словахъ? — отвѣчалъ адьютантъ, ударивъ слегка одною рукою по саблѣ своей, а другою закручивая усъ. Но поднялся занавѣсъ и прекратилъ разговоръ друзей нашихъ.

Это происходило на канунѣ втораго урока. Наступила пятница. Какъ въ первый разъ, педагогъ нашъ, войдя въ учебную комнату, не засталъ толстой миссъ; какъ и тогда, прекрасная ученица встрѣтила его съ привѣтливостью, совершенно уже непринужденною, и съ улыбкою какого-то будто уже короткаго знакомства.

— Мы вчера были въ Александринскомъ театрѣ, сказала она, прежде нежели учитель успѣлъ занять свое мѣсто.

— Были? — повторилъ педагогъ, притворяясь удивленнымъ.

— И видѣли васъ — прибавила дѣвушка съ простодушіемъ дѣтства, въ которомъ отражалось однакожъ маленькое лукавство.

— Вы такъ тихо, такъ задумчиво сидѣли на своемъ мѣстѣ. Въ антрактѣ, къ вамъ подходилъ какой-то адьютантъ.

— Это племянникъ баронессы * * *.

— Какъ, неужели это былъ онъ? Развѣ онъ опять въ военной службѣ?.. Вотъ никакъ бы не узнала! Я видѣла его нѣсколько разъ у баронессы — она большая папенькина пріятельница. У нея субботы для корот-

кихъ друзей и родственниковъ. Племянникъ ея такой забавный—все напѣваетъ куплеты. Я очень смѣялась прошлый разъ. Вы незнакомы съ баронессой?

— Нѣтъ, не имѣю чести.

— Ахъ, какъ жаль! Мы бываемъ тамъ каждую субботу. Вы пріятель съ адьютантомъ?

— Мы пансіонскіе товарищи.

Появленіе миссъ, на этотъ разъ безъ чепчика, отъ чего ей вовсе не было лучше, потому что у нея были рыжіе волосы, положило конецъ разговору, который безъ того, вѣроятно, продолжился бы еще, и могъ принять другой оборотъ. Педагогъ нашъ немедленно обратился къ Рюрику, Олегу, Святославу и Ольгѣ, и т. д., предполагая заключить второй урокъ Владиміромъ Великимъ.

Первый и первые періоды Русской Исторіи зѣло не занимательны, особенно для дѣвушки, потому учитель молодой графини рѣшился, какъ можно, сократить повѣствованіе свое до временъ единодержавія, ограничась одною лишь характеристикою безконечнаго междоусобія князей и однообразною картиною эпохи порабощенія Татарами. Только главнѣйшія происшествія, имѣвшія значительное вліяніе на судьбу народа, долженствовали войдти въ составъ его чтеній. Словомъ, въ продолженіе первыхъ десяти уроковъ онъ намѣревался довести повѣствованіе свое до Іоанна III, и съ него уже начать болѣе подробное изложеніе событій отечественной Исторіи. Времена Грознаго, Годунова, Самозванцевъ, междоцарствія, наконецъ настоящая исторія Россіи, отъ Петра до нашихъ дней, исполненныя высокой занимательности и поэзіи, должны были занять бо̀льшую часть его преподаванія. Говорить ли, что два часа втораго урока такъ же быстро протекли для учителя и ученицы, какъ и ча-

сы перваго? Повторять ли, что профессорское знаніе предмета и даръ слова прекраснаго учителя, пользовавшагося каждымъ малѣйшимъ случаемъ для сообщенія своему разсказу поэтическихъ красокъ, болѣе и болѣе воспламеняли юное воображеніе прелестной его слушательницы, которое, сказать мимоходомъ, и самою природою настроено было къ легкому воспріятію впечатлѣній?...

Третій, четвертый, пятый, а тамъ и десятый уроки быстро минули, но съ каждымъ новымъ урокомъ учитель и ученица болѣе и болѣе ощущали въ себѣ нетерпѣнія въ ожиданіи дней и часовъ преподаванія, съ каждымъ новымъ урокомъ они сближались между собою посредствомъ тѣхъ маленькихъ разговоровъ, которые обыкновенно предшествовали лекціи и которые трудно было бы передать здѣсь. Иногда педагогъ нашъ заставалъ уже въ учебной комнатѣ толстую миссъ, или мистриссъ, — авторъ никогда не могъ узнать этого достовѣрно, — но бо́льшею частію она являлась туда уже по приходѣ его, нерѣдко уходила на нѣсколько минутъ, и потому они всегда имѣли случай обмѣняться нѣсколькими словами. Да и въ присутствіи гувернантки, почти ни слова не понимавшей по Русски, ничто не препятствовало имъ порою разнообразить учебную бесѣду какимъ нибудь предметомъ, совершенно не причастнымъ Русской Исторіи. Однакожъ все это не мѣшало успѣхамъ молодой графини въ Исторіи. Напротивъ, учебная часть отлично подвигалась впередъ, и педагогъ нашъ съ неутомимостію и пламеннымъ усердіемъ исполнялъ свою милую обязанность — никогда наука не казалась ему столь прелестною, никогда прежде не была такъ любима имъ! Каждый урокъ полтора часа постоянно посвящаемо было изустному изложенію предмета;

въ остальные полчаса онъ выслушивалъ краткій отчетъ ученицы за прошлую лекцію, и въ заключеніе, какъ въ первый разъ, обыкновенно вручалъ ей небольшую тетрадку, заключавшую въ себѣ перечень разсказанныхъ имъ событій.

Въ такомъ положеніи дѣлъ протекли Октябрь, Ноябрь и Декабрь 18**. Педагогъ нашъ по прежнему оставался жить съ племянникомъ баронессы. Ему было некогда искать квартиры — притомъ осень и зима каждаго удерживаютъ отъ подобнаго исканья, а главное, ему все равно было — гдѣ ни жить, какъ обыкновенно бываетъ съ людьми, живущими въ области созерцанія, въ мірѣ внутренномъ, душевномъ или сердечномъ. Племянникъ баронессы искренно радъ былъ, что его пансіонскій товарищъ не вспоминалъ о своемъ переѣздѣ на отдѣльную квартиру, и друзья наши довольно пріятно поживали себѣ подъ одною кровлею, проводя часы досуга въ откровенной и довѣрчивой бесѣдѣ... Но поспѣшимъ къ развязкѣ драмы, такъ тихо и незамѣтно разыгрываемой передъ нами; вѣроятно, дальнѣйшій ходъ ея приметъ бо́льшее движеніе и встрѣтится на пути своемъ съ нѣкоторыми событіями.....

—

IX.

Въ разлукѣ долгой съ дорогою,
Какъ сердце полно въ насъ тоскою,
Какъ медленно часы идутъ,
И мыслишь: вѣрно, отстаютъ....

* * *

Зима 18 ** была во всемъ разгарѣ. Столица шумѣла и суетилась на балахъ, въ маскерадахъ, на катаньяхъ,

пикникахъ, раутахъ, и гдѣ она не шумѣла, не суетилась! Все предавалось безпечной радости, веселью, съ пустотою въ сердцѣ, чувствуя только тяжесть въ желудкѣ и усталость въ ногахъ, какъ въ двухъ главныхъ пружинахъ свѣтской дѣятельности. Еще за недѣлю до праздниковъ Р. Х. прекращены были всѣ уроки въ домѣ графа, и малютки, сестры молодой графини (мы не говорили до сихъ поръ, что старая графиня умерла за долго до начала нашей повѣсти), свободныя, ни чѣмъ не занятыя, рѣзвясь, мѣшали ея уединенію.... Уединенію пятнадцатилѣтней дѣвочки?.. Да, съ нѣкотораго времени, всегда впрочемъ склонная къ задумчивости, она полюбила одиночество, и большую часть дня проводила въ своемъ уютномъ будуарѣ, гдѣ все благоухало присутствіемъ его прелестной обитательницы. Но что дѣлала она въ своемъ уединеніи? чѣмъ сокращала медленно текущіе часы своего добровольнаго затворничества? Часто толстая мистриссъ, или миссъ — мы все сбиваемся на этомъ пунктѣ—заставала ее полулежавшею на маленькомъ диванѣ, съ мелкоисписанной тетрадкою въ рукахъ. Миленькая, все протверживала уроки Русской Исторіи! Или память была у нея дурная, или что другое было причиною такого необыкновеннаго прилежанія? Извѣстно достовѣрно только то, что она почти не выпускала завѣтной тетрадки изъ рукъ своихъ, почти не сводила съ нея глазъ, грустно прислонившись головкою къ мягкой спинкѣ дивана. Что жъ такого грустнаго было въ тетрадкѣ или тетрадкахъ, потому что ихъ у нея было уже много? Конечно, ослѣпленіе Василька Ростиславича, свирѣпство *дерзостныхъ ордынцевъ*, и другіе жалостные предметы древней Русской Исторіи, весьма трогательны, но по давности времени, кажется, не слѣдовало бы слишкомъ

сокрушаться печальными *преданьями старины глубокой*... Не тутъ-то было: и въ часы ночи аристократка наша не разставалась съ своими любимицами-тетрадками, исписанными рукою молодаго ея учителя. Ложась въ свою дѣвственную, ароматическую постелю, она бережно прятала подъ подушку завѣтные листы, а просыпалась—первое движеніе ея было удостовѣриться: цѣлы ли они?.... Кто жъ похитилъ бы ихъ?—Отецъ, занятый дѣлами государственными и придворною жизнью, не имѣлъ досуга слишкомъ заниматься дочерью, и не успѣлъ замѣтить, что съ нѣкотораго времени она стала что-то задумчива, блѣднѣе обыкновеннаго, порою даже печальна, печальна до того, что на лицѣ ея изображалось страданіе. Что сдѣлалось съ бѣдненькою?

А педагогъ нашъ?

Вотъ уже минули праздники Р. Х. Вотъ уже прошло и 6-е Января, а онъ все еще не получалъ обѣщаннаго приглашенія къ возобновленію уроковъ, прекращенныхъ временно, какъ сказано выше, по случаю праздниковъ. Для чего жъ бы ему и желать приглашенія? Давно ли еще чуждался онъ всякаго соприкосновенія съ аристократіею... Но что ему за дѣло до аристократіи, бюрократіи, демократіи и всякой кратіи, до различій, изобрѣтенныхъ родомъ человѣческимъ, для того, чтобы одни и тѣ же люди, созданные по образу и подобію Божію, не походили другъ на друга! Въ своей ученицѣ онъ видѣлъ не аристократку, а просто прелестную дѣвушку, что, конечно, гораздо больше имѣетъ цѣны. Тѣмъ не менѣе, ему именно должно было видѣть въ ней не что другое, какъ аристократку, дочь вельможи, графа. Нельзя изъ личной корысти презирать законы общественной классификаціи, порожденной не-

запамятною давностью міра и потребностями гражданственности... Разсуждайте, какъ угодно! Нашъ философъ, и не думая разсуждать, находилъ только, что его аристократочка — чудесная вещь, и что со времени прекращенія уроковъ ему такъ грустно, тяжко, какъ никогда еще не бывало, даже въ самые первые дни утраты родителей, и потомъ нѣжно любимой сестры. — Увы! портретъ ея уже не привлекалъ, по прежнему, его задумчивыхъ взоровъ: другой образъ, существовавшій не въ мертвыхъ очертаніяхъ полотна, властвовалъ въ его сердцѣ, вселился въ его душу, какъ нѣкое божество, передъ которымъ благоговѣла она, которое наполняло ее неизъяснимымъ блаженствомъ, или какъ нѣкій демонъ искушенія, что порою дразнитъ насъ прелестью и невозможностью обладанія извѣстнымъ предметомъ.

Вотъ минула и цѣлая недѣля послѣ праздниковъ, прошли нетерпѣливо ожиданные понедѣльникъ и пятница, а призывной вѣсти къ урокамъ изъ дома графа нѣтъ, какъ нѣтъ! Напрасно молодой учитель посѣщалъ ежедневно театры, въ продолженіе одного вечера перебывавъ и въ Александринскомъ, и въ Михайловскомъ, и въ Большомъ, гдѣ порхала Сильфида-Таліони; напрасно, безъ устали, цѣлый часъ лорнировалъ онъ бенуары и бель-этажи: тамъ нигдѣ не видно было прелестной головки съ темнорусыми волосами, широко опущенными къ вискамъ; тамъ не находилъ онъ дѣвушки съ долгимъ, глубокимъ взглядомъ, осѣненнымъ густыми рѣсницами. Питомецъ тихихъ трудовъ и уединенія, врагъ свѣтскихъ затѣй и удовольствій, онъ вдругъ, почти самъ не вѣдая какъ, попалъ на одинъ изъ роскошныхъ баловъ Дворянскаго Собранія, но и эта отчаянная мѣра была безуспѣшной; и тамъ не встрѣтилъ онъ молодой графини! И очень естес-

твенно: она не вызѣжала еще въ большія собранія, еще не являлась оффиціяльно въ свѣтѣ.

Изобрѣтая всевозможныя средства увидѣть ее, молодой человѣкъ, едвали не готовъ былъ рѣшиться на самое послѣднее изъ нихъ, средство всѣхъ нищихъ и влюбленныхъ, бродящихъ подъ окнами, гдѣ они надѣются получить благостыню или увидѣть свою возлюбленную— но, къ счастью, ему вдругъ пришелъ на память разговоръ съ нею въ началѣ втораго урока. Она сказала тогда, что каждую субботу бываетъ съ отцемъ у баронессы * * *, и нашъ педагогъ въ мигъ почувствовалъ непреодолимое желаніе познакомиться съ теткою своего пріятеля — случай былъ такой удобный: стоило только намекнуть пріятелю. Вздумано—сдѣлано. Издалека, стороною, какъ будто къ слову, чудо какъ искусно и хитро, скромникъ нашъ завелъ съ адьютантомъ рѣчь о желаніи своемъ познакомиться съ баронессою. Адьютантъ былъ въ восторгѣ, удивляясь, какъ до сихъ поръ ему не приходило въ голову ввести въ домъ ея своего пансіонскаго товарища!

— Какъ же, братецъ, именно! Она сама нѣсколько разъ пеняла мнѣ, что я никогда не привезу тебя съ собою! Да, у меня это влетало въ одно ухо, а вылетало въ другое... по обыкновенію... я терпѣть не могу застоя въ головѣ однихъ и тѣхъ же мыслей! Да, и то сказать: зная твою дикость и нелюбовь къ обществу, я полагалъ, что мое приглашеніе даромъ потратится, какъ порохъ при стрѣльбѣ въ цѣль безъ всякой цѣли... Очень, очень радъ! Сегодня же поѣдемъ... У нея безъ церемоній... бо́льшею частью, все родные, да самые короткіе знакомые... Ѣдемъ, непремѣнно ѣдемъ сегодня!

«Пожалуй!» съ поддѣльнымъ равнодушіемъ отвѣ-

чалъ нашъ хитрецъ, и взглянувъ на часы, тихо вздохнулъ, потому что еще было только два по полудни, а вечера баронессы начинались обыкновенно не ранѣе восьми. Потомъ онъ подумалъ: если *ее* не будетъ тамъ?... Можетъ быть, *она* больна?... Да, всего вѣрнѣе, что она больна! — повторилъ онъ про себя, схватившись за свою мысль: какая другая причина могла бы такъ долго останавливать продолженіе нашихъ уроковъ?... И опять сомнѣніе, выражаемое слѣдующими словами: или отецъ, можетъ быть, недоволенъ моимъ преподаваніемъ, и воспользовался случаемъ временнаго прекращенія уроковъ, чтобы прекратить ихъ вовсе... Но, кажется, нельзя усерднѣе учить, какъ я учу молодую графиню, и мои тетрадки... Или старику, какъ въ первое свиданіе наше, опять взбрело на умъ, что моя молодость и наружность...

Тутъ педагогъ невольно взглянулся въ зеркало, и правдивое, безъ словъ, но такъ выразительно сказало ему, что онъ очень, очень хорошъ собою. Скромникъ, на тотъ разъ очень довольный почему-то такимъ ласкательствомъ животворящаго стекла, невольно улыбнулся, и какъ въ его бесѣдѣ съ самимъ собою, варіированной на тысячу ладовъ, и только въ главныхъ основаніяхъ здѣсь приведенной, протекло не мало времени, то онъ и увидѣлъ, что приближалось время заняться туалетомъ... Не надѣть ли синій фракъ, съ отливомъ цвѣта Аделаиды, или оливковый съ бархатнымъ воротникомъ? Нѣтъ! лучше мой любимый черный... Но всегда въ одномъ и томъ же... А вотъ примѣрю всѣ три и увижу въ которомъ лучше?

И это онъ, тотъ самый затворникъ, что за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ довольствовался поно-

шеннымъ длиннополымъ сюртукомъ и истертымъ фракомъ!

—

X.

То былъ ихъ первый разговоръ
На единѣ, въ углу гостиной...
Не слышалъ слухъ, не видѣлъ взоръ,
Какъ пролетѣлъ вдругъ вечеръ длинной.

* * *

— Какъ хорошъ собою твой пріятель! — говорила баронесса племяннику своему. Красавецъ, какихъ не много я видывала! И сколько благородства, безыскуственной изящности во всѣхъ пріемахъ, вкуса въ простотѣ одежды!.. Очень, очень благодарна тебѣ, что ты привезъ его сегодня съ собою, и пожалуста — привози всегда: онъ сдѣлаетъ интересными мои вечера... Прелесть какъ хорошъ! Я просто не могу довольно налюбоваться имъ! И притомъ умница, ученый... Боюсь я, чтобы милая малютка, дочь графа, не слишкомъ увлеклась своимъ прекраснымъ учителемъ... Бывали не разъ примѣры... Бѣдняжка захворала было, простудилась на утреннемъ катаньи... Сегодня однакожъ они обѣщали быть у меня. Жду ихъ съ минуты на минуту... Половина девятаго!

Между тѣмъ, пока болтала такимъ образомъ словоохотливая баронесса, имѣвшая давнюю наклонность къ красивымъ молодымъ людямъ, такъ, что носились слухи, будто кромѣ адьютанта были у нея еще заштатные племянники и крестные сыновья, пользовавшіеся пособіемъ не меньше перваго, оффиціальнаго

племянника, педагогъ нашъ безмолвно сидѣлъ у одного изъ оконъ великолѣпнаго баронессина кабинета. Давно отвыкшему отъ свѣтскихъ собраній, отъ условій модныхъ гостиныхъ, гдѣ иногда являлся онъ въ первое время послѣ выпуска своего изъ университета, ему было чуждо и дико среди общества франтовъ и франтихъ. Онъ однакожъ не могъ не замѣтить въ числѣ послѣднихъ нѣсколькихъ миловидныхъ дамъ и пригоженькихъ дѣвушекъ, съ своей стороны поглядывавшихъ на него очень благосклонно. За то два-три военные мундира, два-три дипломатическіе фрака, вертѣвшіеся около свѣтскихъ бабочекъ со всею ловкостью салонныхъ мотыльковъ, казалось, немножко косились на новаго члена ихъ общества, и положеніе его было бы затруднительно, если бы адъютантъ, видя одиночество своего пріятеля, не поспѣшилъ занять его, въ качествѣ хозяина. Черезъ минуту подошла къ нимъ баронесса. Тутъ произошелъ одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, наполняемыхъ, такъ называемыми, общими мѣстами, передача котораго рѣшительно безполезна и для современниковъ и для потомства, а потому авторъ скажетъ только, что герой его, машинально ведя разговоръ, безпрестанно обращалъ взоръ свой къ дверямъ, откуда должны были войдти столь желанные, столь нетерпѣливо ожиданные имъ гости. Но вотъ уже девять часовъ! Сердце бѣднаго учителя начинаетъ терять надежду; въ чертахъ лица его высказывается грусть и томленіе напраснаго ожиданія... Вдругъ подъ окномъ, по хрупкому снѣгу, скрыпнули колеса тяжелаго экипажа, и черезъ нѣсколько минутъ мучительнаго сомнѣнія, показавшихся бѣдняку цѣлымъ часомъ, вошелъ графъ * * * съ дочерью. Она была очень блѣдна, нѣсколько похудѣ-

ла даже, но все также прелестна, по крайней мѣрѣ, для нашего мечтателя.

— Неожиданная, но тѣмъ болѣе пріятная встрѣча, сказалъ графъ, увидѣвъ учителя своей дочери и подходя прямо къ нему. Педагогъ сдѣлалъ два шага на встрѣчу его сіятельству и почтительно поклонился. Графъ подалъ ему руку.

— Ваша ученица похворала немножко, — продолжалъ онъ, но теперь, какъ видите, благодаря Бога, совершенно здорова, и вы вѣрно будете такъ добры, что возобновите ваши посѣщенія съ будущей недѣли?

Педагогъ еще разъ поклонился.

— Я пересматривалъ ваши тетрадки и преисполненъ вамъ признательности. Нельзя отчетливѣе и дѣльнѣе преподавать Исторію! И какъ искусно согласили вы предметъ съ требованіями пола, не говоря уже о прекрасномъ изложеніи...

Молодой человѣкъ поклонился въ третій разъ.

Графъ собирался еще сказать какое-то привѣтствіе учителю своей дочери, но не успѣлъ, потому что въ ту самую минуту баронесса подала ему карту — графъ очень любилъ вистъ. Оставляя педагога, и спѣша сѣсть за зеленый столъ, его сіятельство сказалъ ему:

— Навѣщайте меня иногда и не по одной обязанности вашей; послѣ уроковъ дарите меня часомъ-другимъ. Мнѣ будетъ пріятно побесѣдовать съ вами въ свободное время.

Педагогъ поклонился въ четвертый разъ, не считая необходимымъ тратить слова въ отвѣтъ на фразы едвали искреннія, если только фразы бываютъ когда либо искренни.

Черезъ минуту графъ козырялъ уже съ туза, короля, дамы, и такъ далѣе: ему съ первой сдачи привалил опять онёровъ. Подумаешь, какъ иному валитъ съ самаго

дня рожденія, пока смерть, отъ которой никакъ не оттасуешься, не свалитъ самого счастливца!

Между тѣмъ, въ слѣдъ за графомъ, явились новые гости. Въ числѣ ихъ былъ кавалерійскій полковникъ, высокій и тонкій, среднихъ лѣтъ, то есть, лѣтъ тридцати семи или восьми, съ безстрастной, но впрочемъ не непріятной физіогноміей, увѣшанный знаками отличія, блиставшими на шеѣ и груди. Баронесса встрѣтила его съ особенною вѣжливостью и предупредительностью, но онъ тотчасъ обратился къ дочери графа, и оставилъ ее тогда только, когда и ему хозяйка вручила призывъ къ висту — бубновую четверку, если авторъ не ошибается. Знаменитый сей вистъ составился на двухъ столахъ, отъ чего въ кабинетѣ баронессы сдѣлалось нѣсколько тѣсно. Гости, подобно играющимъ, раздѣлились на двѣ партіи: тѣ изъ мужчинъ, которые были постарѣе и посолиднѣе, подсѣли къ зеленымъ столамъ, а молодежь и прекрасный полъ перекочевали въ сосѣднюю комнату, въ одну изъ тѣхъ щегольски убранныхъ, очаровательныхъ гостиныхъ, въ которыхъ все есть, кромѣ истины и искренности. Баронесса, какъ ловкая и обязательная хозяйка, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, порхала изъ одной комнаты въ другую, бросая на пути кому улыбающійся взглядъ, кому привѣтливое слово, кому мимоходомъ пожимая руку. Такъ, проходя мимо нашего педагога, который все еще оставался подлѣ своего окна, она остановилась и въ полголоса сказала ему: «Вамъ не будетъ ли пріятнѣе въ той комнатѣ? Тамъ молодыя дамы, а здѣсь все почти прошедшее поколѣніе. Какъ жаль, что племянникъ мой принужденъ играть для составленія партіи, а то онъ васъ мигомъ познакомилъ бы со всѣми! Надобно быть нѣсколько смѣлѣе; адресуйтесь прямо къ дамамъ; онѣ

будутъ къ вамъ снисходительнѣе мужчинъ — прибавила кокетливая старуха съ мнимо-лукавою улыбкою и стараясь сдѣлать глазки. Начните съ вашей ученицы — вы вѣрно съ нею уже коротко знакомы!» Молодой человѣкъ поблагодарилъ баронессу за совѣтъ и тотчасъ привелъ его въ исполненіе, отправившись въ гостиную и подойдя къ молодой графинѣ, которая въ то время разговаривала съ какимъ-то Петербургскимъ джентельменомъ въ узкихъ перчаткахъ и съ такими короткими рукавами, что фракъ его сильно походилъ на Тришкинъ кафтанъ. Вѣроятно, аристократкѣ нашей не очень нравилась бесѣда съ обрѣзаннымъ франтомъ, потому что она, увидя подходящаго къ ней учителя ея, улыбнулась франту одною изъ тѣхъ улыбокъ, которыя очень выразительно говорятъ: «прощайте, вы мнѣ надоѣли!» Понялъ ли франтъ улыбку, или съ своей стороны также желалъ обратиться къ другой особѣ? — Вопросъ довольно затруднительный, на который можемъ отвѣчать только фактомъ, а фактъ заключался въ томъ, что джентельменъ немедленно оставилъ аристократку нашу, и дѣйствительно обратился къ двумъ дѣвушкамъ, прохаживавшимся рука въ руку по комнатѣ.

— Какъ давно мы не видались — сказала аристократка педагогу.

— Вы были больны, графиня?

— Не столько больна въ самомъ дѣлѣ, сколько вообразилось папенькѣ. Меня замучили строгой діетой и лекарствами. Простудная лихорадка—не болѣе.

— Однакожъ, вы похудѣли, графиня.

— Вы находите?... Но что жъ вы не сядете? прибавила она, указывая на стулъ рядомъ съ нею.

Молодой человѣкъ повиновался, и съ полминуты прошло въ молчаніи.

— Какъ я рада, что кончились праздники. Я съ нетерпѣніемъ ожидала возобновленія вашихъ лекцій...

Молодой человѣкъ почувствовалъ, что его бросило въ жаръ.

— Я раздѣлялъ ваше нетерпѣніе—прошепталъ онъ.

У аристократки, въ ея очередь, розы выступили на щечкахъ.

Опять минутная пауза молчанія. Молодые люди находились въ нѣкоторомъ затрудненіи; еще впервые бесѣдовали они внѣ классной комнаты; тамъ они были болѣе смѣлы другъ съ другомъ, а настоящее положеніе было для нихъ еще ново, и они по необходимости сначала должны были ограничиться сухимъ прозаизмомъ и обветшалою мѣною словъ.

— Какъ провели вы праздники?» спросила аристократка.

— По обыкновенію, большею частію дома — отвѣчалъ педагогъ.

— Вы не любите общества?

— Это зависитъ оттого, кого встрѣчаю въ немъ.

И сказавъ, онъ осмѣлился прямо взглянуть на свою собесѣдницу—и увидѣлъ взоръ кроткій, нѣжный.

— Помните ли первую встрѣчу нашу? произнесла дѣвушка тихо, медленно, какъ будто желая придать каждому слову глубокій смыслъ.

— Первую встрѣчу?... повторилъ педагогъ, дѣлая видъ нѣкотораго удивленія.

Дѣвушка гордо взглянула на него. Мысль, что онъ забылъ, могъ забыть эту встрѣчу, оскорбила ее.

— Да, *первую* — сказала она, ударяя на слово всею силою своего серебристаго голоса....

— Первую—не въ кабинетѣ папеньки, а.... въ Лѣтнемъ саду... прибавила она.

— Ахъ! точно... Я не смѣлъ думать, графиня, что

вы удостоили тогда замѣтить меня.... узнали меня потомъ!

— О, я узнала васъ съ перваго взгляда, хотя и удивилась присутствію вашему въ кабинетѣ папеньки, и еще болѣе, когда услышала, что вы избраны моимъ учителемъ....

— Да, это случилось такъ неожиданно, такъ скоро послѣ встрѣчи нашей въ саду... Я также узналъ васъ съ перваго взгляда.... узналъ бы черезъ нѣсколько лѣтъ, если бы мы и не встрѣтились больше... Когда вы удалились изъ сада, я думалъ, что видѣлъ васъ въ первый и въ послѣдній разъ.....

— Какъ? Вы тогда думали обо мнѣ?»

Молодой человѣкъ, вмѣсто отвѣта, выразительно взглянулъ на аристократку — даже, можетъ быть, слишкомъ выразительно, потому что она не могла вынести его проникающаго взора и опустила глаза; потомъ, медленно поднимая ихъ съ колеблющейся груди, съ неизъяснимымъ чувствомъ, исполненнымъ радости, грусти и какой-то недовѣрчивости, остановила на своемъ учителѣ, и долго, долго смотрѣла на него, а онъ смотрѣлъ на нее, и оба молчали, потому что рѣчь сло́ва была бы тутъ неумѣстна и безполезна.

Молодые люди наши сидѣли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ членовъ общества, также горячо занятыхъ между собою различною бесѣдою; никто не мѣшалъ имъ, ни чей любопытный взоръ не слѣдилъ за ними. Фантастическій полусвѣтъ, слабо разливавшійся по комнатѣ изъ-подъ матоваго стекла дорогихъ лампъ, облекая всѣ предметы роскошной гостиной въ таинственный полумракъ, едва замѣтною тѣнью упадалъ на прекрасныя лица молодой графини и ея учителя. Нѣжное благовоніе, тонкою струею

дыма разносившееся по комнатѣ изъ затѣйливыхъ курильницъ, сообщало чувствамъ неизъяснимую прелесть и сладостное томленіе.

— Ахъ! какъ хорошо здѣсь сегодня! сказала аристократка... Посмотрите: всѣ раздѣлились на группы, всѣ такъ пріятно бесѣдуютъ между собою!

— Я никому не завидую — отвѣчалъ педагогъ.

И опять замолчали, опять взглянули другъ на друга. И такъ въ продолженіе цѣлаго вечера мѣнялись они, то нѣсколькими словами, то гораздо болѣе мѣнялись рѣчью глазъ. Если читатель юноша, авторъ осмѣлится посовѣтовать ему, въ случаяхъ, имѣющихъ сходство съ описываемымъ, не надѣяться слишкомъ на свой даръ слова, на силу своего краснорѣчія. Любовники едвали когда нибудь объясняются такъ восторженно и патетически, какъ разсказываютъ о томъ гг. романисты и повѣствователи, забывающіе, что молодые люди, любящіе другъ друга, большею частію разговариваютъ очень просто и иногда о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, потому что для нихъ разговоръ собственно дѣло посторонее, лучше сказать, предлогъ къ другому разговору—глазами или выразительными движеніями лица. Первое, испытательное признаніе въ любви обыкновенно дѣлается безмолвно, одними лишь взорами — вѣрнѣйшимъ проводникомъ къ сердцу, и тотъ, кому очи его возлюбленной не сказали ничего обѣщательнаго, не долженъ рѣшаться на признаніе словесное, если только оно необходимо. Въ наше время всякаго и всяческаго совершенствованія, наравнѣ съ улучшеніями по части пароходства и желѣзныхъ дорогъ, вообще признаніе въ любви, какъ въ романахъ, такъ и въ самой дѣйствительности, считается излишнимъ, а клятвы и обѣты давно уже оставлены за штатомъ, чтобы на случай измѣны не было ни повода

къ взаимнымъ упрекамъ, ни обязательствъ, стѣсняющихъ свободу той и другой стороны. О вѣкъ мудрый, исполненный великихъ разсчетовъ и соображеній! какую блистательную страницу готовишь ты себѣ въ позднѣйшихъ вѣкахъ, когда, быть можетъ, человѣчество, достигнувъ крайней точки просвѣщенія, увидитъ что апоѳеозомъ его должно быть возвращеніе къ первобытной чистотѣ нравовъ патріархальныхъ! Но оставимъ грядущіе вѣка и возвратимся къ той минутѣ, когда молодая графиня и учитель ея безмолвно созерцали другъ друга подъ покровомъ матовыхъ лампъ.

— Скажите, графиня-спросилъ педагогъ, прерывая молчаніе—кто этотъ полковникъ, разговаривавшій съ вами въ то время, когда графъ удостоилъ подойдти ко мнѣ?

Аристократка назвала полковника по имени и прибавила: Очень почтенный человѣкъ! Онъ часто бываетъ у насъ; папенька его очень любитъ; иногда цѣлые вечера проводятъ они вдвоемъ, бесѣдуя или играя въ пикетъ.

— Полковникъ, вѣроятно, женатъ? спросилъ педагогъ.

— Нѣтъ! Но слухъ носится, что скоро намѣренъ жениться.

— Имѣетъ состояніе?

Да, тысячь полтораста годоваго дохода.

Неизвѣстно какой оборотъ принялъ бы дальнѣйшій разговоръ нашихъ собесѣдниковъ, если бы ему не суждено было кончиться послѣднимъ отвѣтомъ аристократки, потому что въ одно время съ нимъ въ кабинетѣ раздалось движеніе стульевъ; пять робберовъ было сыграно и члены виста встали съ мѣстъ сво-

ихъ; нѣкоторые вышли въ гостиную; въ числѣ ихъ былъ графъ, уже съ шляпою въ рукѣ.

— Прощайте! До послѣ завтра! — сказала аристократка, увидя приближающагося къ ней отца.

Черезъ полчаса разъѣхались и другіе гости баронессы. Племянникъ ея, возвращаясь домой, между прочимъ сказалъ своему товарищу: «Не посчастливилось, братецъ, сегодня — проигралъ!»

— И много? — спросилъ педагогъ.

— Сотъ пять.

— Такіе проигрыши должны быть тебѣ чувствительны?

— Нимало! Мнѣ чувствительно только, когда я выигрываю, а проигрышъ платитъ тетка — за тѣмъ она и тетка!

—

XI.

Разныя положительныя свѣдѣнія...

Послѣ свиданія педагога нашего съ ученицей его у баронессы * * * уроки ихъ возобновились и продолжались уже безостановочно до самаго окончанія курса, который съ наступленіемъ весны доведенъ былъ до времени Петра. Въ какой степени подвинулось не-историческое знакомство молодыхъ людей, разсказывать подробно авторъ не считаетъ за необходимость. Достаточно будетъ упомянуть, что въ отношеніяхъ ихъ образовалась наконецъ необыкновенно дружеская взаимная довѣренность. По крайней мѣрѣ пол-

часа каждой лекціи посвящаемо были бесѣдѣ, очень мало касавшейся царевны Софіи, Стрѣльцовъ, Азовскаго похода и т. п. Но, въ свою очередь, бесѣда ихъ никогда не касалась прямо явнаго обнаруженія тайны, очевидно существовавшей въ сердцахъ учителя и ученицы — не было даже намековъ, — и педагогъ нашъ, блаженствуя и страдая внутренно, ни разу не осмѣлился произнесть слова, которое могло бы мѣтить на признаніе въ чувствѣ, наполнявшемъ все бытіе его. И было бы напрасно. Глазамъ нельзя запретить рѣчи, выговаривающей душу, а глаза молвили что-то у бѣднаго учителя и встрѣчали какой-то успокоительный, обѣщательный отвѣтъ во взорахъ милой дѣвушки... Обѣщательный!.. Но что могло обѣщать ему будущее? — Менѣе и хуже нежели ничего. Совершенно справедливо, но справедливо также и то, что есть чувства и страсти, не вдающіеся ни въ какіе разсужденія и вопросы: питать ихъ, безъ надежды, безъ всякой опредѣленной цѣли, для душъ нѣжныхъ и впечатлительныхъ составляетъ невыразимую прелесть, невыразимую сладость страданія.

Часто по окончаніи урока молодые люди вмѣстѣ отправлялись на половину графа, въ его кабинетъ, гдѣ педагогъ нашъ проводилъ по нѣскольку часовъ въ бесѣдѣ съ отцемъ своей ученицы. Иногда они заставали тамъ извѣстнаго уже намъ кавалерійскаго полковника, который разглагольствовалъ о своихъ военныхъ подвигахъ, или, большею частію, безмолвно игралъ съ графомъ порою въ пикетъ, а порою, для разнообразія, и въ шахматы. Тогда наши молодые люди уединялись къ какой нибудь уголъ кабинета и продолжали свою классическую бесѣду о Русской исторіи, но продолжали ее такимъ оригинальнымъ способомъ, что Исторія была тутъ пред-

метомъ совершенно посторонним, или только проводникомъ къ разговору совершенно другаго рода. Нельзя было однакожъ не замѣтить, что при нѣкоторомъ уклоненіи собственно отъ Исторіи молодые люди нѣсколько понижали голосъ, и тѣмъ иногда обращали на себя вниманіе играющихъ, особенно полковника, который въ такихъ случаяхъ, казалось, кого поглядывалъ на красиваго педагога. Вообще онъ не обнаруживалъ къ нему большаго расположенія, да и педагогу, надобно сказать правду, что-то больно не нравилось частое присутствіе полковника у графа. Въ умѣ обоихъ, казалось, гнѣздились какія-то другъ на друга подозрѣнія, невольно подававшія поводъ къ взаимному недоброжелательству. Но что касается до самого графа, то онъ, напротивъ, обнаруживалъ отмѣнное расположеніе къ наставнику своей дочери и очень любилъ его бесѣду, особенно когда не было полковника, съ которымъ очевидно связанъ онъ былъ тѣсною пріязнью. Будучи дѣйствительно, или только прикидываясь поборникомъ наукъ и литературы, разыгрывая роль Мецената, графъ, случалось, цѣлые вечера толковалъ съ учителемъ о предметахъ книжнаго міра. Разумѣется, что вечера эти принадлежали къ числу тѣхъ, въ которыя не имѣлось въ виду партіи виста, Французскаго спектакля, или вообще какого нибудь заманчиваго выѣзда. Какъ бы то ни было, съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ педагога, онъ по видимому пріобрѣталъ болѣе и болѣе довѣренность графа, такъ, что вскорѣ, незамѣтнымъ образомъ, сдѣлался въ семействѣ его необходимымъ, что называется, домашнимъ человѣкомъ, съ которымъ обходятся уже за-просто, безъ церемоній, отъ котораго не скрываютъ уже того, что для другихъ, не столь коротко знакомыхъ, обыкновенно остается за завѣсою. Однакожъ, мы нарушили бы исто-

рическую истину, если бы умолчали, что при всемъ расположеніе графа къ нашему педагогу, первый иногда, съ намѣреніемъ или невольно, по привычкѣ, давалъ чувствовать послѣднему великое разстояніе, поставленное между ними рожденіемъ и значеніемъ общественнымъ. Осуждать ли графа, и еще менѣе педагога, за то, что онъ, подавляя свою гордую человѣческую природу, терпѣливо сносилъ покровительственный видъ и покровительственныя рѣчи вельможи, даже льстилъ ему порою?—Какъ? Даже льстилъ? Да, но то былъ единственный случай, извиняющій лесть, другими словами—извиняющій подлость. Онъ видѣлъ въ немъ отца дѣвушки, почему-то цѣнимой имъ выше всего въ мірѣ, и опасеніе неосторожнымъ словомъ повредить себѣ въ расположеніи графа, не угодить ему, и въ слѣдствіе того увидѣть себя вдругъ отчужденнымъ отъ нея, сдѣлало то, чего въ другомъ случаѣ не успѣла бы сдѣлать никакая иная власть въ мірѣ, никакія иныя побужденія.

Между тѣмъ баронессины субботы продолжались неизмѣнно, и въ числѣ постоянныхъ посѣтителей почтенной тетушки любезнаго нашего адъютанта графъ и дочь его занимали первое мѣсто. Слѣдуетъ ли прибавлять за тѣмъ, что педагогъ нашъ былъ неотступнымъ членомъ баронессиныхъ субботъ, послѣ которыхъ воскресенье всегда казалось ему буднишнимъ днемъ? Въ знакомой уже намъ гостиной, прекрасная аристократка, съ каждымъ днемъ созрѣвавшая очаровательнѣйшимъ плодомъ, и бѣдный учитель, уединясь, хотя на минуту, тихо бесѣдовали, обмѣнивались нѣсколькими словами, всегда проливавшими несказанную теплоту въ его любящее и кроткое сердце. Еще чаще, когда имъ нельзя было отдѣляться отъ общества, составлявшаго гостиную баронессы, они перекидывались взглядами, такъ внят-

но, такъ отчетливо, какъ не передаются слова никакими сигналами или телеграфами. Одно только смущало баронессины субботы для нашего молодаго человѣка — присутствіе господина полковника, который, по всему видимому, внимательнымъ окомъ наблюдалъ за дочерью графа и ея наставникомъ, какъ бы имѣя на нее тайные виды, очень тревожившіе нашего педагога. Не нося ни княжескаго, ни графскаго титула, полковникъ принадлежалъ однакожъ къ родовой дворянской фамиліи, имѣлъ, какъ намъ извѣстно, полтараста тысячь годоваго дохода — статья значительная—смотрѣлъ въ генералы, а все это, въ соединеніи съ неоспоримыми личными достоинствами, давало ему право не только претендовать на лучшихъ невѣстъ, но даже выбирать ихъ. Мысль, что выборъ, о всемогущіе боги! можетъ пасть на дочь графа, наполняла сердце молодаго человѣка самою ѣдкою, самою нестерпимою горечью... Но не полковникъ, такъ кто нибудь другой, не все ли равно для бѣднаго педагога? Такъ... Но видѣть, но заранѣе угадывать въ извѣстномъ человѣкѣ обладателя той, которую любимъ—страданіе, понятное только тому, кто самъ находился въ подобномъ положеніи... «Не мнѣ, такъ никому!»—вотъ девизъ его... Касательно племянника баронессы, съ которымъ педагогъ нашъ продолжалъ жить вмѣстѣ, авторъ не можетъ сообщить читателю ничего новаго, кромѣ того, что онъ изъ штабсъ-ротмистровъ былъ произведенъ въ ротмистры за отличіе по службѣ; по прежнему постоянно посѣщалъ Александринскій театръ, когда аффишка возвѣщала между прочимъ имя фаворитки партера; по прежнему былъ вѣтренникомъ, пустословомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ добрымъ, благороднымъ малымъ. Тѣ, вечера, когда по необходимости оставался дома, онъ проводилъ

въ бесѣдѣ съ своимъ товарищемъ, заставляя его слушать водевильные куплеты, которые очень удачно перепѣвалъ съ голоса артистовъ и артистокъ.

Можетъ быть, читатель вспомнитъ здѣсь о первоначальномъ желаніи педагога нашего получить мѣсто учителя Исторіи въ общественномъ заведеніи. Въ такомъ случаѣ считаемъ не излишнимъ упомянуть, что намѣреніе это было совершенно забыто имъ въ настоящее время, и что притомъ онъ оставилъ вовсе и преподаваніе въ частныхъ домахъ, исключая, разумѣется, домъ графа. По какимъ причинамъ произошло то и другое, достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣется: извѣстно только, что съ тѣхъ поръ педагогъ нашъ ограничилъ способы своего скромнаго существованія доходомъ отъ трехъ до четырехъ тысячь рублей, получаемымъ съ небольшой деревни, на берегу живописной ***, деревни, поступившей нѣкогда въ приданое за его матерью. Встрѣтясь однажды у графа съ полковникомъ, педагогъ нашъ узналъ, что полковникъ пріобрѣлъ недавно богатое помѣстье въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ его деревней. Впрочемъ, это обстоятельство нимало не послужило къ дальнѣйшему сближенію двухъ сосѣднихъ, хотя и неравныхъ владѣтелей, можетъ быть, потому, что не имѣли ли они обоюднаго притязанія на нѣкоторое движимое имущество, совершенно другаго рода?

—

XII.

Курсъ конченъ.....

Въ такомъ положеніи дѣлъ нашей немногосложной повѣсти наступилъ исходъ Мая, и какъ обыкновенно въ это время, уже впослѣдніе передъ выѣздомъ на дачи, собралось въ Лѣтнемъ саду, такъ называемое, лучшее общество столицы, по преимуществу же лучшія шляпки и модные наряды, какъ дамскіе, такъ равно и кавалерскіе. Графъ, съ юною дочерью, обратившею на себя общее вниманіе любознательныхъ лорнетовъ, также находился въ числѣ прогуливавшихся по главной аллеѣ сада, обреченнаго модою торжествовать тогда только, когда листья едва опушаютъ вѣтви его столѣтнихъ деревьевъ, и быть совершенно забытымъ, когда въ срединѣ лѣта они даютъ обильную тѣнь и прохладу. Увлеченный общимъ потокомъ, и педагогъ нашъ явился въ садъ, съ прошедшей осени впрочемъ получившій для него особенную привлекательность. И надобно было случаю, точно въ угоду повѣствователю, устроить такъ, что педагогъ и графъ съ дочерью столкнулись именно на той самой площадкѣ, гдѣ впервые встрѣтились наши молодые люди. Проникнутые живымъ воспоминаніемъ, они значительно взглянули другъ на друга и сердца ихъ, вѣроятно, забились неровно. Но оставимъ вѣроятности, чтобы перейдти къ событіямъ, долженствующимъ заключить вскорѣ правдивый разсказъ нашъ.

Вечеромъ того же самаго дня, напомнившаго молодымъ людямъ первую встрѣчу ихъ за восемь мѣсяцовъ передъ тѣмъ, происходилъ послѣдній урокъ педагога

нашего въ домѣ графа, потому что назавтра предполагался переѣздъ его сіятельства на дачу. Окончательная лекція заключалась въ общемъ взглядѣ на всю отечественную Исторію и краткомъ перечнѣ событій новѣйшаго времени. Но педагогъ нашъ говорилъ несвязно, въ изложеніи его не было надлежащей последовательности, голосъ его дрожалъ, какъ слабо натянутая и развившаяся струна; слова его походили болѣе на прерывчатую исповѣдь умирающаго, на стонъ гибнущаго вдали отъ берега пловца, нежели на спокойную, обдуманную рѣчь съ каѳедры учительской. Ученица также казалась взволнованною и слушала разсѣянно. Наконецъ, около восьми часовъ, онъ кое-какъ кончилъ. Рыжеволосая миссъ или мистрисъ—Альбіонъ о томъ вѣдаетъ—еще въ самомъ началѣ урока вышла изъ комнаты и не возвращалась болѣе. Учитель и ученица были одни. Прежде, бывало, по окончаніи лекціи, они обыкновенно посвящали еще нѣсколько минутъ небольшому разговору, конечно, болѣе занимательному для нихъ обоихъ, нежели была занимательна собственно лекція, и потомъ уже разставались, сказавъ другъ другу: До понедѣльника, или – до пятницы! Но увы, теперь ни понедѣльника, ни пятницы уже не существовало для нихъ болѣе. Они не могли выговорить ни слова, ни даже взглянуть другъ на друга. Пробило восемь. Педагогъ всталъ съ своего кресла, взялъ шляпу и хотѣлъ удалиться, но аристократка сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ остался на минуту. Молодой человѣкъ повиновался, и стоя въ почтительномъ положеніи, ожидалъ, что скажетъ ему дочь графа.

Прошло нѣсколько минутъ и оба не прерывали молчанія. Въ глазахъ дѣвушки, казалось, перебѣгали крупныя капли слезъ — въ глазахъ педагога было

темно и мрачно, какъ въ глубокую Октябрскую ночь.

— Прощайте, графиня,—произнесъ наконецъ молодой человѣкъ, тихо и медленно, но съ выраженіемъ самаго трогательнаго чувства.—Исполнивъ обязанность, довѣренную мнѣ волею вашего батюшки, я уношу съ собою воспоминаніе счастливѣйшихъ часовъ жизни моей.... здѣсь проведенныхъ...

— И я никогда не забуду ихъ—едва слышно отвѣчала дѣвушка, перебирая пальцами концы своей косынки.

— Благодарю, графиня, сказалъ педагогъ — но вы скоро забудете ихъ... такъ же скоро, какъ забыли игры дѣтства... Вѣдь и онѣ также нѣкогда пріятно занимали васъ. Всему своя череда... И что помнить вамъ изъ нашихъ учебныхъ бесѣдъ? Женщина не рождена для Исторіи, ни въ книжномъ, ни въ дѣйствительномъ смыслѣ. Васъ ожидаетъ теперь жизнь въ большомъ свѣтѣ, которому вы принадлежите... Его забавы и удовольствія, а тамъ, можетъ быть, очень скоро... и замужство...

— Замужство! —прервала дѣвушка, содрогнувшись и какъ будто говоря сама съ собою.

— Да, замужство—повторилъ учитель... Это такъ обыкновенно: еще годъ, много два... и я буду имѣть честь поздравить васъ...

Дѣвушка взглянула на него съ упрекомъ, и глотая слезы сказала: развѣ я заслужила, чтобы вы такъ говорили со мною?

— А развѣ я могу, смѣю говорить съ вами иначе? Что я?.. бѣдный учитель, наемникъ — не больше, а вы—вы графиня, и статься можетъ, скоро будете княгиней: два герба, двѣ короны украсятъ фамильную карету вашу.

Дѣвушка заплакала и со слезами сказала: не грѣхъ ли вамъ смѣяться надо мною!

— Смѣяться надъ вами? — Осмѣлюсь ли я!.. Нѣтъ, я говорю только правду.

— Ахъ! лучше бы говорили вы, что чувствуете!

— Что чувствую?.. Вы не то сказали, графиня. Вы, вѣрно, хотѣли спросить: чего желаю я вамъ? — Если я не ошибся, позвольте выговорить: я желаю вамъ счастія, желаю искренно... Будьте счастливы, графиня... прощайте!

— О, не уходите! Останьтесь еще на минуту, умоляю васъ! Миссъ уѣхала съ сестрами кататься; батюшки также нѣтъ дома... не спѣшите такъ!..

Педагогъ остался, но онъ не зналъ, что дѣлать, что говорить ему; сердце его было преисполнено ощущеній, душа страданій, при видѣ невинной, предававшейся всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ дѣвушки, которая съ такимъ дѣтскимъ чистосердечіемъ высказывала гораздо болѣе, нежели слѣдовало высказывать, хотя и не болѣе того, что происходило въ ея сердцѣ...

— Я никогда не забуду васъ, говорила она... Не правда ли: мы навсегда останемся друзьями?.. Вы будете посѣщать насъ по прежнему? Батюшка такъ любитъ, такъ уважаетъ васъ... Пріѣзжайте къ намъ на дачу....

— Если графу угодно будетъ почтить меня своимъ приглашеніемъ, я сочту за особенную честь...

— Перестаньте! Что съ вами сегодня? Прежде вы никогда не говорили такими фразами...

Но долженъ ли былъ иначе говорить благородный молодой человѣкъ? Чистая, возвышенная душа его чужда была помысловъ недостойнаго соблазна. Онъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые съ такою холодною разсчетливостью уловляютъ довѣрчивость какой ни-

будь неопытной шестнадцатилѣтней дѣвушки, чтобы воспользоваться первыми движеніями ея сердца, первымъ, и потому всегда сильнымъ чувствомъ его. И въ то же время, очень хорошо понимая, что ничего общаго не можетъ быть между нимъ и дочерью графа, онъ любилъ слѣпо, безотчетно, не питая никакихъ надеждъ. Онъ зналъ, что привязанности къ нему молодой аристократки недостаточно было для права искать болѣе: въ гербѣ его не было никакой короны. Бѣдный дворянинъ, помѣщикъ какихъ нибудь ста душъ, съ незначительнымъ чиномъ, безъ связей, безъ родства, безъ всего, что называется порядочнымъ положеніемъ въ свѣтѣ, онъ зналъ, что ему суждено коротать вѣкъ свой въ тѣни. И онъ считалъ бы себя счастливымъ, если бы то была, по крайней мѣрѣ, тѣнь спокойной, безмятежной жизни, но вдругъ къ безвѣстному жребію его привязался тяжелый камень неисцѣлимаго страданія, страданія тѣмъ мучительнѣйшаго, что онъ видѣлъ несчастную страсть свою раздѣляемою.

— Графиня! сказалъ онъ: можетъ быть, сегодня мы видимся впослѣдніе... Вы позволили мнѣ говорить о своихъ чувствахъ... но мы оба давно знаемъ ихъ... слова для насъ безполезны, безплодны, какъ и самыя чувства наши — мы не назначены другъ для друга... Судьбѣ угодно было, чтобы мы встрѣтились —для чего это ей угодно было, она намъ отвѣтитъ—*тамъ!*.. А здѣсь — здѣсь благоразуміе и разсудокъ говорятъ мнѣ, что мы должны разстаться, и разстаться навсегда, хотя произнося это я чувствую, что отъ сердца моего съ кровью и невыразимою болью отрывается лучшая часть его... Прощайте!... Если когда нибудь вспомните вашего учителя, онъ будетъ и тѣмъ счастливъ: больше онъ никогда и не надѣялся, потому что это было бы безразсудствомъ... Міра не пере-

дѣлаешь... Его заблужденія и предразсудки стали вѣковыми, неопровержимыми истинами. Покоряюсь враждующей ихъ силѣ, и удаляюсь отсюда съ теплою, услаждающею всю горечь моего бѣднаго существованія надеждою, что въ самые счастливые дни блестящей будущности, васъ ожидающей, быть можетъ, найдутся хотя немногія, хотя рѣдкія минуты, когда среди упоенія блеска и успѣховъ въ свѣтѣ мысли ваши невольно обратятся къ тѣмъ тихимъ часамъ, которые столько разъ проводили мы здѣсь вмѣстѣ... и были счастливы, не давая себѣ отчета въ томъ, что ожидало насъ впереди.

Онъ говорилъ, и слезы градомъ катились по щекамъ его, въ тѣ минуты блѣднымъ, какъ послѣдній свѣтъ умирающей на утреннемъ небѣ луны. Невыразимая тоска отпечатлѣвалась во всѣхъ чертахъ его прекраснаго лица, и звуки дрожащаго голоса исполнены были звуковъ отчаянія, какихъ никогда еще не изобрѣтала вдохновенная рука артиста - музыканта.

Онъ умолкъ, и вдругъ въ комнатѣ послышались громкія рыданія; если бы посторонній человѣкъ находился за стѣною ея, онъ могъ бы подумать, что раздаются стоны дочери подлѣ смертнаго одра материнскаго — но то была другая сцена, продолженіе сцены, описываемой нами со всею историческою вѣрностью и подробностью – то рыдала молодая графиня.

Сердце бѣднаго педагога разрывалось на части; онъ стоялъ неподвижно, не рѣшаясь подойдти къ ней ближе, утѣшить ее, унять ея громкіе вопли, которые могли наконецъ привлечь слугъ, или кого нибудь изъ домашнихъ. Сказать ли правду: было даже мгновеніе, когда онъ любовался положеніемъ графини, но *какъ* любовался! — Желательно, чтобы читатель не понялъ этого слишкомъ буквально. Онъ и страдалъ

и блаженствовалъ вмѣстѣ — о, какъ страдалъ! Если бы въ ту минуту ударъ невидимой руки разразился надъ нимъ и мгновенно превратилъ его въ бездушный трупъ, онъ благословилъ бы благодѣтельную руку. Но желаннаго чуда не совершалось, и онъ безмолвно стоялъ въ двухъ шагахъ отъ рыдающей дѣвушки, то проклиная день своего рожденія, то исполненный безумной гордости, которая представляла бѣдную участь его завиднѣе участи всѣхъ счастливцевъ земныхъ. Однакожъ надобно было положить конецъ жестоко-испытательной сценѣ, и онъ, не говоря болѣе ни слова, сдѣлалъ уже шагъ къ дверямъ, хотѣлъ уйдти, потому, что еще минута и онъ не въ состояніи былъ бы долѣе выдерживатъ предписываемаго благоразуміемъ, но графиня, умоляющимъ движеніемъ руки, еще разъ остановила его, отерла платкомъ слезы, подошла къ нему и подала ему свою бархатную, аристократическую руку. Молодой человѣкъ поспѣшно схватилъ ее, прижалъ къ сердцу, потомъ къ устамъ, долго не отрывая ихъ отъ вожделѣнной руки... Въ эту минуту раздался на улицѣ стукъ экипажа, остановившагося у графскаго дома... «Прощайте, прощайте, графиня!» — воскликнулъ молодой человѣкъ, выпуская изъ своей руки руку прелестной дѣвушки...—Прощайте, милый!...—отвѣчала она болѣзненнымъ голосомъ, и называя его просто по имени; прощайте, но не навсегда! Обѣщайте мнѣ, что мы скоро увидимся! — И съ послѣднимъ словомъ, дрожа, какъ-бы отъ страха, она невольно, не помня сама что дѣлаетъ, прислонила головку свою къ груди молодаго человѣка. Онъ не могъ болѣе владѣть собою — крѣпко сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, еще крѣпче поцѣловалъ въ уста, дотолѣ не омраченныя еще ни чьимъ поцѣлуемъ, кромѣ отцовскаго, и быстро вы-

бѣжалъ изъ комнаты, повстрѣчавши на лѣстницѣ рыжеволосую миссъ, которая возвращалась домой съ меньшими сестрами графини.

—

XIII.

И въ видѣ дружеской услуги,
Онъ предложилъ ему заемъ.
Но я не вѣрю дружбѣ, други:
Корысть привыкъ я зрѣть во всемъ.

* * *

Трудно было бы описать, въ какомъ состояніи возвратился къ себѣ педагогъ нашъ. Читатель безъ помощи нашей легко можетъ вообразить себѣ мысли, чувствованія, ощущенія — лучше сказать, бурю, волновавшую его. Обезсиленный потрясеніями, испытанными имъ въ описанныя минуты разставанья съ молодою графинею, блѣдный, изнеможенный, онъ едва могъ добресть домой, и войдя въ комнату свою, прямо бросился на постелю, закрылъ глаза рукою, и такъ, почти неподвижно, пролежалъ до глубокой ночи, до самаго утра. Напрасно заботливый Ѳедотъ приглашалъ его къ чаю, къ ужину — бѣдняга не хотѣлъ ничего, и отрицательнымъ движеніемъ головы отгонялъ прочь стараго слугу, не знавшаго что подумать о такомъ странномъ поведеніи своего господина.

«Что сталось съ бариномъ?» охалъ добрый старикъ. «На бѣду и его благородія, господина адъютанта нѣтъ дома. Вотъ уже двое сутокъ, какъ не воз-

вращались!... Ахти, Господи! Что за болѣсть приключилась?»

Только около полудня слѣдующаго дня несчастливецъ нашъ пришелъ наконецъ въ себя, или, лучше сказать, грубая природа тѣла взяла верхъ надъ губительнымъ состояніемъ души, которое въ противномъ случаѣ могло бы разрѣшиться катастрофою сумасшествія. Нѣсколько часовъ благодѣтельнаго сна подкрѣпили его силы; подъ вечеръ онъ всталъ съ постели, и чувствуя себя, если не успокоеннымъ совершенно, то по крайней мѣрѣ возвратившимся къ разсудку, потребовалъ пищи, къ несказанной радости добраго Ѳедота, который хотѣлъ уже отправиться за докторомъ.

Въ минуты тяжкихъ испытаній жизни блаженъ еще тотъ, кто можетъ подчинить себя какому нибудь положительному занятію, и при помощи его, сколько возможно, забыть, или хотя утишить вопіющую скорбь глубоко разтерзаннаго сердца. Бѣднякъ прибѣгнулъ именно къ этому единственному средству разсѣять снѣдавшую его грусть и тоску. Какъ въ былые дни своего затворничества, въ маленькомъ домикѣ у Смоленскаго кладбища, онъ принялся за давно знакомую намъ толстую тетрадь, заключавшую въ себѣ, если припомнитъ читатель, обширный историческій трудъ, доведенный уже до половины, но совершенно заброшенный со времени начатія уроковъ въ домѣ графа. Было бы неестественно, если бы педагогъ нашъ всѣмъ существомъ своимъ вдругъ отдался этому труду, послѣ событій, совершившихся на канунѣ; однакожъ ему какъ будто стало нѣсколько легче, какъ будто тяжелый камень, давившій его грудь, нѣсколько отдалился отъ нея, и кроткій, покорный жребію своему, онъ тихо начертывалъ новыя

строки на чистыхъ страницахъ тетради, нѣкогда столь любимой имъ.

Ѳедотъ, молча, радуясь, что баринъ его предался по видимому спокойной работѣ, подалъ на столъ двѣ восковыя свѣчи, и хотѣлъ уже закинуть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которыми онъ имѣлъ привычку разсѣявать иногда своего добраго господина, какъ вдругъ въ передней раздался звонокъ.—«Ну вотъ наконецъ и господинъ адьютантъ!» вскричалъ Ѳедотъ, поспѣшая отворить двери.

Но Ѳедотъ не угадалъ: то былъ не нашъ любезный куплетистъ, кутившій гдѣ-то нѣсколько сутокъ, а какой-то лакей въ богатой ливреѣ.

— Письмо и посылка, — провозгласилъ Ѳедотъ, подавая педагогу то и другое, переданное для врученія ему ливрейнымъ лакеемъ. Названное Ѳедотомъ *посылкою* было не что иное, какъ небольшой, но очень изящный ящичекъ, обтянутый зеленымъ сафьяномъ, съ тисненою узорчатою позолотою.

Не догадываясь, отъ кого могли быть эти письмо и ящичекъ, педагогъ поспѣшно сломалъ печать съ перваго и взглянулъ на подпись. Письмо было отъ графа и заключало въ себѣ слѣдующее:

Милостивый государь мой!

«Усердный, вполнѣ добросовѣстный трудъ, съ ка-«кимъ, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ, посвящали «вы многіе часы преподаванію дочери моей отече-«ственной Исторіи, конечно, не можетъ быть вознагра-«жденъ вещественно, но тѣмъ не менѣе я обязанностью «моею считаю, по мѣрѣ силъ своихъ и способовъ, «удостовѣрить васъ въ искреннѣйшей моей признатель-«ности, лаская себя надеждою, что прилагаемую у се-«го бездѣлицу вы примете съ снисходительностью, рав-

«ною тому отличному уваженію, съ коимъ навсегда «имѣю честь быть къ вамъ,

Милостивый государь мой,

покорнымъ слугою

Графъ *** ***.

P. S. «Въ посылаемомъ при семъ ящикѣ изволите «найдти ломбардный билетъ на ваше имя, суммою въ «двѣ тысячи рублей ассигнаціями, золотые часы и зо«лотую табакерку.»

— Милостивый государь *мой!* — повторилъ педагогъ, съ горькою улыбкою свертывая письмо. — Но ваше сіятельство изволите ошибаться, полагая, что можете оказать мнѣ благодѣяніе! Во первыхъ, я не такъ бѣденъ, чтобы могъ нуждаться въ вашемъ великодушномъ пособіи; во вторыхъ, если бы я даже не имѣлъ и насущнаго пропитанія, то и тогда не удалось бы вамъ подать мнѣ кусокъ хлѣба. — И говоря такимъ образомъ самъ съ собою, онъ вынулъ изъ письменнаго стола своего листъ почтовой бумаги, еще разъ прочелъ письмо графа, и написалъ слѣдующій отвѣтъ:

Ваше сіятельство,

Милостивѣйшій государь!

«Не могу выразить успѣшно тѣхъ чувствованій при«знательности, кои внушило мнѣ лестное письмо ваше. «Столь же невыразимо трогаетъ меня избыточная «щедрость вашего сіятельства, какою вамъ угодно бы«ло измѣрить слабый и не достигшій вполнѣ цѣли «своей трудъ мой. Если я дѣйствительно имѣлъ сча«стіе быть нѣсколько полезнымъ дочери вашей, то «увѣренность въ томъ могла бы служить мнѣ до«статочною и лучшею наградою—другой я не желаю, «и по свойственнымъ мнѣ правиламъ принять не мо-

«гу. Однакожъ ваше сіятельство съ своей стороны, «вѣроятно, не захотите быть обязаннымъ мнѣ, хотя и «въ самой бездѣлицѣ, ибо, по справедливости, не бо- «лѣе какъ бездѣлицею долженъ считать я трудъ свой, «доставлявшій мнѣ удовольствіе дѣлить съ дочерью «вашею немногія мои познанія. Потому, усвоивая «себѣ столь великодушно предложенное мнѣ вами воз- «награжденіе, коимъ въ слѣдствіе того имѣю пол- «ное право располагать по личному моему произволу, «я вмѣстѣ съ тѣмъ принимаю смѣлость покорнѣйше «просить ваше сіятельство, какъ члена одного изъ «благотворительныхъ обществъ, принять на себя бла- «госклонное распоряженіе по предмету предоставле- «нія присланнаго мнѣ вами ломбарднаго билета въ «пользу бѣдныхъ. Касательно доставленныхъ вами «золотыхъ часовъ и табакерки, скажу откро- «венно, что мнѣ было бы чрезвычайно лестно сохра- «нить ихъ на память, какъ залогъ милостиваго бла- «горасположенія ко мнѣ вашего сіятельства, если бы «вещи сіи были меньшей цѣнности, и если бы я, по «крайней мѣрѣ, нюхалъ табакъ; имѣть же двое часовъ, «ваше сіятельство сами благоразсудить изволите, об- «стоятельство крайне затруднительное, ибо не зна- «ешь которымъ изъ нихъ вѣрить должно, а пото- «му я счелъ приличнѣйшимъ, не вскрывая ящика, въ «коемъ упомянутые ломбардный билетъ, часы и та- «бакерка находятся, обратить оный къ вашему сіятель- «ству, съ тѣмъ, чтобы двѣ послѣднія вещи, обмѣнявъ «на деньги, равномѣрно предоставить въ пользу бѣд- «ныхъ. Полагаю, что ни я, ни ваше сіятельст- «во лучшаго употребленія изъ тѣхъ вещей и лом- «бардпаго билета сдѣлать не могли бы, и въ тако- «вомъ убѣжденіи я осмѣлился обременить ваше сія- «тельство всепокорнѣйшею моею просьбою, относи-

«тельно вышеизъясненнаго распоряженія сими день-
«гами и вещами.

«Съ чувствованіями глубочайшаго высокопочитанія
«имѣю честь навсегда пребыть,

Вашего Сіятельства,
Милостивѣйшаго государя,
наипокорнѣйшимъ слугой
*** ***.

Можетъ быть, найдутся читатели, которые осудятъ педагога нашего за отвѣтъ его графу, исполненный излишней гордости и рѣзкихъ выраженій, подъ личиною мнимой учтивости и почтительности, но, вѣроятно, найдутся и такіе, которые на его мѣстѣ поступили бы точно также. Какъ быто ни было, онъ вполнѣ былъ доволенъ письмомъ своимъ, и вкладывая его въ конвертъ, говорилъ самъ съ собою: «Недурно! Моя секретарская опытность послужила мнѣ наконецъ въ пользу. Нельзя сочинить письма болѣе оффиціальнаго и канцелярскаго: тутъ есть и *кои* и *оные*, и *ибо* и *вышеизъясненные*! Но надѣюсь, что его сіятельство вполнѣ пойметъ меня и исключитъ изъ списка тѣхъ, которыхъ считаетъ способными покланяться золотому тельцу. Хотѣлъ удивить меня своими двумя тысячами, часами да табакеркою! — Знатные люди воображаютъ, что простой дворянинъ не можетъ питать въ себѣ чувствъ благородной гордости, и радъ принять всякую милостыню—лишь бы подали ее!..

Письмо запечатано, и вмѣстѣ съ ящичкомъ отдано Ѳедотомъ ливрейному лакею, для доставленія по принадлежности.

Оставимъ на время педагога нашего и перенесемся воображеніемъ на дачу графа * * *. Гдѣ была она, за Московскою заставою, по Петергофской дорогѣ или на одномъ изъ живописныхъ островов Петербург-

скихъ — Крестовскомъ, Каменномъ, Елагиномъ — вамъ знать не надлежитъ. Скажемъ только, что дача графа *** была одною изъ самыхъ изящныхъ дачъ, какія только окружаютъ окрестности Петербурга, и что кабинетъ ея, занимаемый графомъ, заключалъ въ себѣ все, что только роскошь, богатство и вкусъ могутъ вмѣстить въ небольшой комнатѣ. — Въ этомъ кабинетѣ, около семи часовъ вечера, дня черезъ три послѣ полученія графомъ вышеприведеннаго письма отъ педагога, его сіятельство изволилъ сидѣть развалившись въ большихъ Вольтеровскихъ креслахъ, между тѣмъ какъ по комнатѣ, полусаженными шагами, медленно и размѣренно, куря трубку изъ длиннаго чубука, расхаживалъ извѣстный намъ полковникъ.

— Чертовская гордость и чертовская дерзость! говорилъ полковникъ густымъ басомъ, пуская изо рта еще болѣе густые клубы табачнаго дыма.

— Да, отвѣчалъ графъ, по обыкновенію протяжно и даже съ нѣкоторою разстановкою — въ первыя минуты по прочтеніи этого письма, я намѣревался отвѣчать молодому человѣку въ такихъ выраженіяхъ, которыя заставили бы его почувствовать всю неумѣстность и неделикатность его поступка; но размысливъ и перечитавъ письмо нѣсколько разъ, я нашелъ, что нельзя придраться ни къ одному слову, и молчаніе должно быть единственнымъ отвѣтомъ въ настоящемъ случаѣ....

— *Презрѣнье мой отвѣтъ на дерзскія слова!* — продекламировалъ изъ Озерова полковникъ, усиливая по возможности басъ своего голоса. Потомъ, пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, прибавилъ: «За всѣмъ тѣмъ, графъ, скажу вамъ съ военною откровенностью, что поступокъ этого молодаго человѣка мнѣ очень

нравится: ему слѣдовало бы только нѣсколько поучтивѣе отклонить ваши подарки, если ужъ онъ не хотѣлъ принять ихъ.

— О, я совершенно согласенъ съ вами, любезнѣйшій полковникъ, что побужденія его были въ высшей степени благородныя; въ наше время рѣдки примѣры безкорыстія.... Вообще надобно сказать, что молодой человѣкъ съ большими достоинствами, и если бы онъ принадлежалъ къ извѣстной фамиліи и имѣлъ сотни двѣ тысячъ годоваго, то былъ бы отличный женихъ, которому не отказала бы ни одна невѣста и за которымъ ухаживали бы отцы и маменьки. Природа соединила въ немъ всѣ дары свои, исключая знатности и богатства: умъ, образованіе, наружность, и наконецъ возвышенную душу.

Полковникъ, слушая такой панегирикъ нашему педагогу, отъ чего-то морщился, подергивалъ усами, дѣлалъ разныя гримасы, и въ заключеніе шибко затянулся изъ своего чубука, раза два кашлянулъ, даже, забывшись, плюнулъ въ уголъ, хотѣлъ что-то сказать, однакожъ не сказалъ ничего.

— Мнѣ кажется, дочь моя, не совсѣмъ равнодушна къ нему, продолжалъ графъ. Признаюсь, я сдѣлалъ большую ошибку, избравши его въ учители... Впрочемъ, я и не выбиралъ его... Случайность, рекомендація баронесы...

— Да, да! Это была непростительная ошибка—подхватилъ полковникъ, ставя трубку въ уголъ... И я полагаю, что эту ошибку можно исправить только самымъ скорымъ замужствомъ...

— Я имѣю въ виду уже нѣсколько предложеній—отвѣчалъ графъ— отъ жениховъ изъ лучшихъ нашихъ фамилій, но все, къ сожалѣнію, бѣдняки, тогда какъ мнѣ непремѣнно должно выдать дочь за богатаго. Въ

настоящее время, я никакъ не могу дать за нею значительнаго приданаго. Дѣла мои въ крайнемъ разстройствѣ. Старшій сынъ мой сдѣлалъ въ Парижѣ огромные долги, и не иначе можетъ выѣхать оттуда, какъ по полученіи отъ меня денегъ, а мнѣ негдѣ взять ихъ безъ особенныхъ усилій и пожертвованій. Отъ управителей моихъ изъ деревень, въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, я получаю, большею частію, только одни неблагопріятныя извѣстія и самыя незначительныя суммы, которыхъ едва достаточно на уплату процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ за заложенныя тамъ имѣнія. Словомъ: хотя для временнаго поправленія дѣлъ, я нахожусь почти въ необходимости продать эту дачу и домъ въ городѣ, и на нѣсколько лѣтъ удалиться въ деревню... если мнѣ не удастся сдѣлать займа...

— А сколько такъ, приблизительно, нужно вамъ, на первый случай? — спросилъ полковникъ.

— О, много!... По крайней мѣрѣ четыреста тысячъ.

— Четыреста тысячъ? повторилъ полковникъ, и задумался, какъ будто дѣлая мысленно какое-то соображеніе и вычисляя по пальцамъ.... «Ну, чтожъ?» сказалъ онъ, окончивъ умственную выкладку: — «не великія еще деньги четыреста тысячъ ассигнаціями... Пожалуй, я ссужу ваше сіятельство... года на два.»

Графъ отъ радости вскочилъ было съ креселъ, но вдругъ опять сѣлъ, и тяжело вздохнувъ, вымолвилъ:

— На два года?... Нѣтъ, я не могу уплатить черезъ два года... При самомъ благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ, лѣтъ черезъ пять, можетъ быть...

— Ну, такъ черезъ пять! равнодушно повторилъ полковникъ: — я и на то согласенъ.

Тутъ графъ уже рѣшительно вскочилъ съ креселъ и бросился обнимать полковника, восклицая, сколько позволяла ему важность его: О любезнѣйшій пол-

ковникъ! какъ вы меня обязываете! Чѣмъ могу возблагодарить васъ? — и тому подобное.

Полковникъ, съ видомъ достоинства выслушавъ изъявленіе признательности графа, отвѣчалъ: «Ваше сіятельство можете обязать меня на всю жизнь, если только я имѣю право на ваше благорасположеніе ко мнѣ.»

— Приказывайте, повелѣвайте мною, полковникъ! Я весь къ вашимъ услугамъ! Развѣ вы не довольно еще увѣрены въ моей къ вамъ дружбѣ, и развѣ между нами должны существовать церемоніи, околичности?—говорилъ графъ, не догадываясь о чемъ тотъ хотѣлъ просить его.

— Не спѣшите, графъ... Дѣло чрезвычайной важности, дѣло о судьбѣ двухъ существъ... конечно, вполнѣ отъ васъ зависящее... но, можетъ быть.... словомъ, я даже нерѣшаюсь вымолвить! Не лучше ли оставить намъ это до другаго раза... А деньги я пришлю вамъ черезъ недѣлю... Въ продолженіе этого времени мы успѣемъ еще переговорить...

Графъ измѣнился нѣсколько въ лицѣ; онъ начиналъ уже догадываться, въ чемъ состояло дѣло, а отсрочка присылки денегъ черезъ недѣлю, въ продолженіе которой полковникъ намѣревался переговорить съ графомъ касательно этого дѣла, поставляла его сіятельство въ совершенную зависимость отъ полковника. Сомнѣніе и неизвѣстность мучили графа, и онъ рѣшился, что называется, однимъ ударомъ разрѣшить ихъ.

— За чѣмъ же до другаго раза? — сказалъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ. — Мы можемъ объясниться теперь.—Въ душѣ графа сохранялась еще слабая надежда, что просьба полковника могла касаться и не того предмета, котораго опасался сіятельный другъ его.

— Если вамъ угодно, графъ — отвѣчалъ полковникъ

также нѣсколько неровнымъ голосомъ—я готовъ объясниться и теперь.

Они подошли другъ къ другу, и полковникъ, едва внятно, произнесъ нѣсколько словъ.

Графъ поблѣднѣлъ, но совершенно владѣя собою, отвѣчалъ: «Большая для меня честь, полковникъ, и съ моей стороны вы можете быть увѣрены въ полномъ согласіи, но гдѣ дѣло идетъ о счастіи цѣлой жизни, тамъ необходимъ вопросъ о нѣкоторой взаимности, и если маловажное неравенство лѣтъ не остановитъ моей дочери, я буду сердечно радъ....

—Какъ ей будетъ угодно!—сказалъ полковникъ, отчасти сухо, отчасти такъ, что и нельзя было вывести положительно послѣдняго заключенія... И онъ взялся за свою шляпу съ бѣлымъ перомъ.... До свиданія, графъ!

— Когда же мы увидимся? спросилъ аристократъ, не смотря въ лице полковнику.

— Это совершенно будетъ зависѣтъ отъ вашего сіятельства и отъ....

—Но ей нѣтъ еще полныхъ шестнадцати лѣтъ, полковникъ. Подождемъ до осени, а между тѣмъ я постепенно буду приготовлять дочь мою къ мысли...

— Подождемъ до осени... значительно повторилъ полковникъ. И послѣ минутнаго молчанія, прибавилъ онъ: По соображеніямъ, которыя теперь только пришли мнѣ въ голову, я на этой недѣлѣ не могу располагать всею обѣщанною суммою... но тысячъ полтораста, я думаю, найдется на лице... До свиданія, графъ!

—Прощайте, полковникъ! ласково отвѣчалъ вельможа, пожимая руку уходящему гостю.

А между тѣмъ какъ эти господа, съ такою дипломатическою тонкостью, торговались объ участи невинной виновницы ихъ сдѣлки, дочь графа, не подозрѣ-

вавшая ничего, возвращалась въ это время съ прогулки около дачи, сопровождаемая старинною знакомкою нашею, миссъ или мистрисъ, и своими меньшими сестрами. Только взоръ равнодушной дщери Альбіона и разсѣянный взоръ отца, слишкомъ занятаго своими финансовыми дѣлами, могли не замѣтить удивительной перемѣны, происшедшей съ юною аристократкою нашею въ продолженіе послѣднихъ дней, то есть съ тѣхъ поръ, какъ она не видала бывшаго своего учителя, можетъ быть, и не надѣясь уже видѣть его болѣе. Безвременное увяданіе коснулось вдругъ бѣдной дѣвушки, еще не успѣвшей расцвѣсть совершенно. Нѣжный алый румянецъ, покрывавшій прежде бархатъ щекъ ея, уступилъ мѣсто болѣзненной блѣдности, выражавшей глубокое страданіе души, и живой цвѣтъ глазъ подернулся какою-то тусклою пеленою....

—

Дни протекали обычною чередою. Лѣто было уже въ половинѣ Іюля. На дачѣ графа не произошло ничего необыкновеннаго. Онъ часто по дѣламъ своимъ уѣзжалъ въ городъ и иногда возвращался оттуда съ полковникомъ. По всему видимому, между ними заключенъ былъ самый тѣсный союзъ, нѣчто похожее на дружбу... какого рода дружбу — это особый вопросъ.

Начиная свыкаться съ своею участью, аристократка мало по малу чувствовала себя спокойнѣе: глубокія впечатлѣнія, произведенныя въ ней послѣднимъ свиданіемъ съ молодымъ учителемъ, казалось, нѣсколько ослабѣли, по крайней мѣрѣ, румянецъ возвратился на ея щеки и въ глазахъ по прежнему загарался блескъ молодости и здоровья. Она не забыла, никогда

не могла бы забыть того, кто первый овладѣлъ ея дѣвственнымъ сердцемъ, кому впервые сказалось оно: но время, цѣлитель всѣхъ болѣзней, взяло свое, и дѣвушка, казалось, грустила менѣе. Быть можетъ, скоро, она и вовсе перестала бы грустить, изрѣдка въ часы вечера и одинокой ночи посвящая мысль свою любимому человѣку, если бы судьбѣ угодно было, чтобы они уже не свидѣлись болѣе.

Разъ вечеромъ, въ исходѣ Іюля, гуляла она одна близъ дачи своей. Углубленная, вѣроятно, въ мечты и воспоминанія, она незамѣтно отошла нѣсколько далѣе обыкновеннаго и перешла предѣлъ ежедневной своей прогулки. Пушистая зелень разнородныхъ деревьевъ, безчисленные цвѣтники непрерывнаго ряда дачъ, наполняли воздухъ отходящаго дня самымъ сильнымъ благоуханіемъ. Приносящіяся отвсюду отзвучія мужскихъ и женскихъ голосовъ сливались съ послѣднею вечернею пѣснью множества птицъ, то свободно порхавшихъ въ густотѣ вѣтвей, то, подобно привычному узнику, ограниченныхъ тѣсными предѣлами клѣтки. Не вдалекѣ слышались плесканіе волнъ сосѣдней рѣчки, дробимыхъ мѣрными ударами весла, и нестройно перерывчатая пѣснь лодочника, забывавшаго подъ звуки ея свой трудъ и усталость. Такова была природа, на половину искуственная, на половину украшенная, какъ все на нашемъ бѣдномъ и холодномъ сѣверѣ, такова была природа, окружавшая аристократку среди ея уединенной прогулки. Переносилась ли мысль ея въ недавніе дни милыхъ уроковъ, или боязливо блуждала въ дняхъ будущаго, авторъ не знаетъ того; онъ знаетъ только, что Петербугское небо начинало уже темнѣть, и на большей части его протянулась широкая полоса приближающейся ночи, а дѣвушкѣ все еще не приходило въ мысли, что пора

возвратиться домой. Она все шла далѣе и далѣе, давно уже миновавъ рядъ пышныхъ дачъ, за которыми изрѣдка мелькали лѣтніе домики, болѣе скромныя дачи бѣдняковъ, по крайней мѣрѣ, людей небогатыхъ. Проходя мимо одного изъ этихъ домиковъ, она услышала звуки гитары, столь заунывные, столь трогательные, что невольно остановилась. Послѣ двухъ, трехъ аккордовъ, взятыхъ нѣсколько сильнѣе, звуки эти вдругъ слились съ пѣніемъ, еще болѣе грустнымъ и меланхолическимъ....

Теките дни мои быстрѣе...
Пора мнѣ въ пристань — отдохнуть.
Быть можетъ, міръ иной свѣтлѣе
Освѣтитъ мой печальный путь...
И въ мірѣ томъ земныя страсти
Не будутъ сердца пепелить,
Не будутъ рвать его на части
И червемъ медленнымъ точить.
Но чтожъ въ той жизни замѣняетъ
Часы счастливые любви?
Иль человѣкъ любви не знаетъ
На лонѣ вѣчныя любви...
Ахъ! если тамъ не возвратится
Земная сладкая любовь,
Я вновь хочу на свѣтъ родиться
Хотя страдать должно бы вновь!

Съ послѣднимъ словомъ пѣсни умолкли звуки гитары и ненарушаемая тишина водворилась вокругъ. Никто, кромѣ нашей аристократки, не слышалъ неизвѣстнаго пѣвца. Не было ни одного прохожаго, даже вечерній вѣтеръ не колыхалъ деревьевъ. Дѣвушкѣ стало страшно и робко, и вмѣстѣ съ тѣмъ она ощущала въ себѣ какое-то сладостное чувство. Ей хотѣлось бы еще разъ слышать грустную пѣснь невидимаго пѣвца, голосъ котораго проникалъ до глубины ея сердца. Она не двигалась съ мѣста; казалось, неодолимая, таинственная сила приковывала ее къ нему.

Вдругъ, знакомый голосъ, медленно и грустно, два раза произнесъ ея имя. Не было никакого сомнѣнія: то былъ голосъ ея учителя. Бѣдненькая затрепетала всѣмъ тѣломъ, и не размышляя, не имѣя ни времени ни охоты размышлять, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и остановилась противъ окна, откуда слышны были гитара и пѣніе. Подлѣ окна сидѣлъ давній знакомецъ нашъ, молодой человѣкъ. Оба вскрикнули, увидѣвъ другъ друга, и черезъ минуту были уже другъ подлѣ друга.

— Графиня! воскликнулъ педагогъ.—Вы ли это? не мечта ли, не призракъ ли? Только что я видѣлъ васъ душою моей!... О, какъ вы похожи на мечту! Но никогда существенность не была лучше мечты!!

— Милый! тихо отвѣчала она, протягивая къ нему руку.

— Милая! осмѣлился произнесть педагогъ, цѣлуя ея руку.

— Развѣ вы здѣсь живете? спросила она.

— Здѣсь отвѣчалъ онъ. Племянникъ баронессы отправился съ генераломъ своимъ въ лагерь подъ Краснымъ Селомъ. Я оставался одинъ и не могъ оставаться одинъ. Я переселился сюда, чтобъ быть ближе къ вамъ, графиня. Съ каждымъ разсвѣтомъ, въ каждую полночь блуждаю я подлѣ дачи вашей, графиня, вижу иногда тѣнь вашу на занавѣскѣ окна, и мнѣ этого довольно чтобъ быть счастливымъ, сколько позволено, сколько назначено мнѣ быть счастливымъ! Но, удалитесь, графиня! Уже поздно, скоро совсѣмъ стемнѣетъ. Я провожу васъ нѣсколько шаговъ.

И они пошли, аристократка опираясь на дрожащую руку молодаго человѣка, онъ тихо пожимая ея руку. Приближаясь къ дачѣ графа, они разстались... разстались послѣ долгаго, пламеннаго поцѣлуя въ уста.

Никто не видѣлъ, никто не слышалъ его. Дурная слава прошла бы про бѣдную дѣвушку, если бы злой языкъ разнесъ вѣсть о тайномъ поцѣлуѣ; свыше, казалось, благословляли его, и не допустили, чтобъ чужой глазъ непрошенымъ дозоромъ своимъ осквернилъ прекраснѣйшую минуту любви — минуту перваго поцѣлуя....

И съ того дня, каждый вечеръ аристократка гуляла одна по тому же направленію, приходила къ тому же домику. Густыя вѣтви сосѣднихъ деревьевъ слышали съ того дня много новыхъ поцѣлуевъ, и никому не разглашали о нихъ; кто-то невидимо, какъ и въ первый разъ, покровительствовалъ тайнымъ свиданіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стерегъ невинность, стерегъ чистоту любви молодыхъ друзей нашихъ.

Но дни въ счастіи протекаютъ быстро. Скоро рука суровой осени обнажила густоту вѣтвей, и повѣяла на всю природу дыханьемъ увяданія. Отъ множества цвѣтовъ, красовавшихся на дачахъ, остались одни пожелтѣлые стебли, и дачи опустѣли, опустѣли до новаго лѣта, какъ природа помертвѣла до новой весны. Давно уже гвардейцы возвратились изъ-подъ Краснаго Села, и педагогъ нашъ по прежнему жилъ съ адьютантомъ, который, въ свою очередь, по прежнему, являлся частенько въ партерѣ Александринскаго театра. Въ продолженіе всего этого времени эксъ-учитель не видался съ графомъ, а со времени переѣзда его въ городъ не видался также и съ дочерью его, нетерпѣливо ожидая возобновленія субботъ баронессиныхъ, прекращенныхъ на время лѣта.

—

XIV.

Свершилось — цѣлью упованья
Не зритъ онъ въ мірѣ ничего ...

Пушкинъ.

Не знаю, отъ чего рука моя дрожитъ, начертывая строки, приближающія меня къ описанію послѣднихъ событій этой повѣсти; отъ чего оставляетъ меня спокойствіе *историка*, и я чувствую нѣкоторое трепетаніе сердца, подобно путнику, завидѣвшему тучу и боящемуся, что гроза застигнетъ его вдали отъ крова и всякаго пріюта?

Настали желанныя субботы баронессы, и молодой человѣкъ нашъ явился на первый призывъ ихъ. Онъ засталъ уже у баронессы графа и дочь его. На этотъ разъ бывшій учитель долгомъ поставилъ самъ подойдти къ его сіятельству съ засвидѣтельствованіемъ своего почтенія. Графъ обошелся съ нимъ очень учтиво, но съ замѣтною холодностью, однакожъ попенялъ молодому человѣку, что онъ не бываетъ у нихъ.—«Вы совсѣмъ забыли насъ» — сказалъ графъ. «Надѣюсь, что скоро доставите намъ удовольствіе своимъ посѣщеніемъ... Посмотрите, ученица ваша стала совершенной невѣстой!»

Вельможа произнесъ послѣднія слова какъ-то особенно и значительно посмотрѣвъ на педагога.

Приглашеніе графа къ висту разлучило ихъ; тогда молодой человѣкъ приблизился къ бывшей своей ученицѣ, разговаривавшей очень пріятельски, какъ будто по родственному, съ какимъ-то довольно виднымъ собою мужчиною, лѣтъ двадцати восьми.

— Рекомендую брата моего — сказала аристократка — онъ только что возвратился изъ Парижа.

Молодые люди поклонились другъ другу.

— Мы, кажется, знакомы уже, *если я не ошибаюсь*? измѣнившимся голосомъ произнесъ педагогъ.

— Да... кажется... повторилъ братъ графини, сильно смутившись и даже поблѣднѣвъ.

Точно по взаимному согласію, они вдругъ отошли къ окну и остановились другъ противъ друга.

— Вы путешествовали? спросилъ педагогъ неровнымъ голосомъ.

— Да... мнѣ нужно было разсѣяніе... я такъ любилъ... Батюшкѣ не угоденъ былъ мой выборъ... Онъ, какъ вамъ извѣстно, воспротивился моему счастію... Я долго, долго страдалъ... но время... Здорова ли... сестрица ваша?

— Она умерла.

— Умерла?... Боже мой! Правду ли вы говорите?

— Я желалъ бы, чтобъ это была шутка.

— Неужели она такъ любила меня, что умерла съ горя?

— Сколько мнѣ извѣстно, она умерла отъ простуды.

— О, я теперь только чувствую, сколько я любилъ ее! сказалъ Русскій Парижанинъ, голосомъ человѣка будто бы сильно разстроганнаго. Вы мнѣ позволите посѣтить ея могилу, прочитать молитву скорби надъ прахомъ ея?

— Это совершенно отъ васъ зависитъ: входъ на кладбище никому не воспрещенъ.

— О, ради Бога оставьте этотъ укорительный тонъ! Вы знаете, что я хотѣлъ, но не могъ располагать собою — я долженъ былъ принесть эту тягостную жертву волѣ родительской... Забудемъ горестное прош-

лое; останемся друзьями, если намъ не суждено было сдѣлаться братьями!

Педагогъ подалъ ему руку, и перемѣнивъ тонъ сказалъ: «Да, намъ, не суждено, хотя мы еще могли бы быть и братьями.»

Молодой аристократъ, казалось, не понялъ его, или не хотѣлъ понять; онъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Вы хотите моей дружбы, продолжалъ педагогъ, хотите примиренія съ прахомъ бѣдной сестры моей, слѣдовательно, я долженъ быть откровененъ съ вами, графъ: таково первое условіе дружбы... Я люблю сестру вашу - произнесъ онъ понизивъ голосъ.

— Любите сестру мою? повторилъ молодой графъ.

— Какъ, вѣрно, вы никогда не любили *моей* сестры, иначе бракъ съ нею могъ бы быть совершенъ и безъ согласія родителей вашихъ. Вы могли умолить ихъ, а если бы не успѣли, то въ этомъ случаѣ не было бы преступленія, избирая изъ двухъ золъ меньшее, преступить ихъ волю. Васъ не унизила бы женитьба на моей сестрѣ, какъ, по мнѣнію свѣта, по его приговору, ложному или истинному, унизилъ бы сестру вашу союзъ со мною: я знаю это, и потому никогда не дерзну искать руки ея, хотя и убѣжденъ въ ея взаимности. Я осмѣлюсь только просить васъ сдѣлать все, что можете, что отъ васъ зависитъ, къ отклоненію графа, если бы онъ вознамѣрился выдать ее замужъ противъ ея воли...

— Душевно готовъ бы исполнить просьбу вашу, но какое вліяніе могу я имѣть на участь сестры, когда собственную свою участь долженъ былъ покорить волѣ отца?

— Въ такомъ случаѣ, и я буду умѣть покориться своей участи, какова бы она ни была! произнесъ педа-

гогъ голосомъ больнаго, которому врачъ рѣшается объявить, что всѣ средства къ спасенію его истощены, и что надобно приготовиться къ послѣднему часу.

— Сожалѣю объ общей нашей участи! — съ притворнымъ чувствомъ отвѣчалъ молодой графъ.

— Довольно! Не будемъ больше говорить о нашихъ участяхъ, равны онѣ или нѣтъ; забудемъ даже о чемъ говорили!

И они, отойдя отъ окна, присоединились къ обществу. Педагогъ подошелъ къ баронессѣ, окруженной какими-то старыми барынями, разсуждавшими о Талейранѣ и Меттернихѣ, а молодой графъ къ какой-то вдовушкѣ среднихъ лѣтъ, но довольно еще миловидной. Въ это время молодая графиня говорила съ какимъ-то камеръ-юнкеромъ, но внимательный наблюдатель легко могъ бы замѣтить, что сердце ея было очень далеко отъ словъ, машинально ею произносимыхъ. Ее гораздо болѣе интересовалъ разговоръ брата съ педагогомъ, и хотя они говорили тихо, но нѣкоторыя слова, долетавшія до ея слуха, возбудили въ ней живѣйшее любопытство, не то любопытство кумушекъ, которое доставляетъ пищу сплетнямъ, но любопытство, тѣсно связанное съ спокойствіемъ сердца. Она нетерпѣливо ожидала окончанія вечера и возвращенія домой, желая узнать отъ брата, что было предметомъ таинственнаго разговора его съ ея бывшимъ учителемъ, и когда и какимъ образомъ они познакомились первоначально.

Неизвѣстно, вполнѣ ли молодой графъ удовлетворилъ любопытству сестры своей, неизвѣстно также передалъ ли онъ подробно отцу объясненіе свое съ педагогомъ, — извѣстно только, что педагогъ, на дру-

гой день, получилъ отъ графа письмо слѣдующаго содержанія:

«Съ чувствомъ истинной скорби узналъ я отъ «сына моего объ отношеніяхъ его къ семейству ва«шему, съ которымъ небу угодно было навсегда «разлучить васъ. Еще до знакомства нашего, когда «вы были отрекомендованы мнѣ баронессою, и когда «баронесса произнесла имя ваше, оно показалось «мнѣ знакомымъ, но тогда я еще не былъ увѣренъ, «что не ошибаюсь, что вы именно братъ дѣвушки, «съ которою нѣсколько лѣтъ тому обрученъ былъ «сынъ мой; я полагалъ васъ однофамильцемъ ему. «По скромности своей, щадя меня, въ продолженіе «всего нашего знакомства, вы были такъ великодуш«ны, что ни однимъ словомъ, ниже намекомъ не об«наружили истины. Нынѣ, узнавъ ея и сокрушаясь «сердцемъ, что я, быть можетъ, былъ невольною при«чиною горькихъ утратъ семейныхъ, вами понесен«ныхъ, спѣшу успокоить себя выраженіемъ передъ «вами искренняго моего соболѣзнованія въ проис«шедшемъ. Неумолимые законы свѣта налагаютъ «иногда на насъ долгъ суровый, но тѣмъ не менѣе «непреклонный. Я счелъ бы себя счастливымъ, «если бы находился въ возможности, въ отношеніи «къ вамъ, чѣмъ либо загладить прошедшее. По край«ней мѣрѣ, позвольте мнѣ питаться увѣренностью, «что, предавъ его полному забвенію, вы будете по «прежнему удостоивать насъ своими посѣщеніями, а «я буду имѣть случай непрестанно доказывать вамъ «то отличное уваженіе, съ коимъ... и *проч.* и *проч.* «и *проч.*»

Это странное письмо повергло молодаго человѣка нашего въ страшное недоумѣніе, и противъ всѣхъ убѣжденій разсудка, подало сердцу его нѣкоторыя

надежды на будущее. Въ самомъ дѣлѣ: чего не было въ этомъ письмѣ—и скорбь, и соболѣзнованіе, въ видѣ нѣкоего раскаянія, и желаніе *загладить* какъ будто признаваемую вину, и *скромность*, совпадающая съ *великодушіемъ*, и убѣдительное приглашеніе жаловать въ домъ, и отличное уваженіе, и всякая ласка и милость! Было надъ чѣмъ задуматься нашему бѣдному педагогу. Не будь только въ этомъ многосмысленномъ и неудобопонятномъ письмѣ словъ: *неумолимые законы общества, долгъ суровый, но тѣмъ не менѣе непреклонный*, дѣйствительно, можно бы было, не безъ нѣкотораго основанія, питать надежду. Но развѣ эти громкія слова не могли относиться собственно къ прошедшему, не касаясь враждующимъ смысломъ своимъ настоящаго, если только все письмо не было однимъ лишь хитросплетеніемъ холодной учтивости, вынужденной приличіемъ и наружностью поддѣльнаго чувства. А можетъ быть, и неподдѣльнаго: можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, графа вдругъ растревожили укоры совѣсти, и онъ, по собственному его выраженію, хотѣлъ этимъ письмомъ *успокоить себя*? — Такъ какъ всегда желаемое кажется намъ вѣрнѣйшимъ, то и педагогъ нашъ, послѣ долгихъ размышленій, вывелъ въ настоящемъ случаѣ самые вожделѣнные результаты, а за тѣмъ неотлагательно поспѣшилъ въ домъ графа засвидѣтельствовать ему все свое уваженіе и преданность, даже признательность.

И онъ не ошибся въ расположеніи къ нему графа. Дѣйствительно, нельзя было лучше, съ бо́льшимъ радушіемъ принять его. Молодой человѣкъ встрѣченъ былъ со всѣмъ вниманіемъ, почти даже съ угодливостью со стороны сіятельнаго хозяина. Графъ собственноручно подалъ ему сигару, за обѣдомъ по-

садилъ подлѣ себя, выбиралъ въ тарелку его лучшіе куски и съ особенною заботливостью желалъ узнать, какое вино предпочтительно любить нашъ педагогъ. Словомъ сказать, онъ свелъ съ ума бѣднаго молодаго человѣка. Но о сестрѣ его, но о прошедшемъ не было помина. Разговоръ за столомъ былъ общій; говорили о разныхъ разностяхъ, то есть, о такихъ предметахъ, о которыхъ вовсе не думаютъ, когда говорятъ, и во вѣки уже не вспоминаютъ, когда перестали говорить.

Съ тѣхъ поръ, два и даже три раза въ недѣлю, педагогъ нашъ, безпрестанно приглашаемый, бывалъ у графа, и все то же вниманіе, тѣ же удивительные знаки необыкновеннаго расположенія. Молодой человѣкъ начиналъ уже вѣрить въ свою звѣзду, которая, какъ извѣстно, доселѣ ему не свѣтила, начиналъ уже надѣяться на возможность того счастія, о которомъ прежде не дерзалъ и мечтать. Только два обстоятельства противорѣчили отчасти смѣлой идеѣ, питаемой имъ съ нѣкотораго времени. Первое заключалось въ постоянномъ присутствіи у графа неотвязнаго полковника; второе въ томъ, что отецъ и братъ молодой графини, казалось, тщательно старались не допускать молодаго человѣка до отдѣльнаго разговора съ нею, ни даже хотя на минуту оставлять ихъ наединѣ, о чемъ, по видимому, прилагалъ заботу свою и господинъ полковникъ. Было еще и третье обстоятельство, глубоко трогавшее бѣднаго экс-учителя — необыкновенное уныніе и мрачная молчаливость бывшей его ученицы. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда ей удавалось избѣгнуть неусыпнаго дозора отца, брата и непрошенаго наблюдателя-полковника, она бросала на *милаго* своего взглядъ долгій, многозначительный, какъ будто хотѣла сообщить

ему нѣчто важное, разсказать что-то извѣстное ей и неизвѣстное ему, что-то тяготившее бѣдную аристократку невыносимою тяжестью: и взглядъ тотъ былъ такой грустный, такой печальный, такой страдающій, что ни описать, ни кистью изобразить его было бы невозможно. Субботы баронессы продолжались обыкновеннымъ своимъ порядкомъ; одно лишь измѣнилось въ нихъ: графъ не бывалъ уже постояннымъ гостемъ баронессы, а если и бывалъ иногда, то съ сыномъ только, и никогда болѣе съ дочерью. Словомъ, молодые люди не имѣли никакой возможности, никакого случая обмѣняться другъ съ другомъ хотя однимъ словомъ, которое могло бы объяснить происходящеє. Писать онъ къ ней не рѣшался.

Не смотря на такое явное удаленіе отъ него аристократки нашей, педагогъ не могъ потушить въ сердцѣ своемъ однажды заронившейся туда искры надежды, которая болѣе и болѣе разгаралась по мѣрѣ умноженія съ каждымъ днемъ расположенія къ нему графа, обратившагося наконецъ, по видимому, въ какую-то родственную привязанность.

Было уже зимнее время. Въ одно морозное утро, педагогъ нашъ получилъ неожиданно письмо отъ графа, съ которымъ видѣлся на канунѣ. Смутная, недовѣрчивая, но сладостная мысль взволновала вдругъ всю кровь молодаго человѣка, когда Ѳедотъ подалъ ему небольшой конвертъ. Дрожащею рукой сломалъ онъ печать и лице его мгновенно покрылось смертною блѣдностью. Онъ едва не упалъ.

Адьютантъ былъ въ той же комнатѣ.

— Что съ тобою? спросилъ онъ съ участіемъ и даже встревоженный, подбѣгая къ своему пансіонскому товарищу.

Не отвѣчая, не въ состояніи будучи отвѣчать, пан-

сіонскій товарищъ подалъ ему письмо, или, лучше сказать, карточку, билетъ, не знаю, право, какъ это называется, вотъ на чемъ обыкновенно печатаютъ приглашеніе на похороны или на свадьбу.

На этотъ разъ, то было свадебное приглашеніе.

Въ извѣстныхъ выраженіяхъ, графъ извѣщалъ о помолвкѣ дочери своей съ полковникомъ... виноватъ съ генераломъ... За нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ былъ произведенъ, и такимъ образомъ Марсъ и Гименей вѣнчали его въ одно время.

—Успокойся, успокойся, другъ мой! говорилъ адъютантъ, впервые заговорившій безъ улыбки, безъ шутки. Положеніе друга тронуло вѣтренника до глубины его доброй души... Развѣ ты такъ любилъ ее?

— Ахъ, не спрашивай, не вспоминай объ ней! —вымолвилъ наконецъ несчастный... Боже мой! я не переживу этого! воскликнулъ онъ и залился слезами.

Старый Ѳедотъ, видя своего добраго барина плачущимъ, и самъ заплакалъ.

— Не будь малодушенъ! говорилъ адъютантъ, съ трудомъ удерживая собственныя слезы. — Будь мужчиной!... Стоитъ ли такъ страдать отъ дѣвчонки!... И можно ли было тебѣ надѣяться?...

— Ахъ! она любила меня!... И еслибъ я былъ меньше честенъ, она могла бъ быть моею... Тогда и отецъ, волею или неволею, спасая честь ея и свою, долженъ бы былъ согласиться на бракъ нашъ!

— Ну, если такъ — вини себя! Самъ братецъ, далъ маху!... А чудесную завоевалъ бы партію! Оплошалъ, братецъ, оплошалъ! Все скрытничалъ... Что бы посовѣтоваться со мною? И баронесса помогла бы намъ— она такъ любитъ тебя...

—Пощади меня, не говори объ этомъ!... Никогда цѣною проступка я не рѣшился бы купить моего сча-

стія: пусть исполнится мое предопредѣленіе — никогда не знать его!

И бѣдный опять залился слезами. И адьютантъ больше не утѣшалъ его, не успокоивалъ, предоставивъ горемыку всей его горести, и надѣясь, что слезы облегчатъ ее.

Въ самомъ дѣлѣ, мало по малу бѣднякъ сталъ приходить въ себя, не плакалъ больше, не произнесъ болѣе ни одного слова ропота на судьбу свою, и по видимому, успокоился.

— Черезъ два дня свадьба—сказалъ онъ. Не въ насмѣшку ли графъ прислалъ мнѣ приглашеніе? Неужели онъ думаетъ, что я буду на этой свадьбѣ? Могу ли я быть?

— Ты долженъ быть, чего бы тебѣ ни стоило... Перемоги себя, явись на свадьбу здоровымъ, веселымъ... Притворись, что для тебя все равно. Не дай имъ смѣяться надъ собою—смѣйся самъ, хотя бы черти плясали въ душѣ твоей! говорилъ адьютантъ.

— Ты правъ! отвѣчалъ бѣдняга. Я буду на свадьбѣ... поздравлю съ веселымъ видомъ отца, брата, ее... и ее!... Да, я буду, непремѣнно буду на свадьбѣ! Хочу видѣть, какъ она пойдетъ къ алтарю!... Хочу слышать, какъ она произнесетъ клятву въ любви... Ее принудили, ей велѣли... Да, кто жъ могъ бы принудить меня, велѣть мнѣ, хотя бы дочь самого Султана избрала меня въ супруги?... Нѣтъ! Безъ участія собственной воли, нельзя быть вѣроломнымъ!...

—

Неизвѣстно по какимъ причинамъ бракосочетаніе дочери графа *** съ генераломъ *** назначено было въ церкви одного изъ самыхъ уединенныхъ приходовъ Петербургскихъ. Вечеромъ, въ назначенный часъ,

собрались тамъ всѣ приглашенные присутствовать при совершеніи священнаго обряда; въ числѣ ихъ были баронесса, племянникъ ея и пансіонскій товарищъ его, злополучный герой нашей повѣсти. Онъ былъ одѣтъ самымъ щегольскимъ образомъ, какъ слѣдуетъ быть на свадьбѣ, въ цвѣтномъ фракѣ, въ цвѣтномъ жилетѣ, и казалось, былъ очень веселъ, точно будто на собственной свадьбѣ. Адьютантъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, потому что зналъ настоящій источникъ мнимаго веселія своего друга, которое и постороннему глазу не могло не показаться нѣсколько подозрительнымъ. Съ заботливостью брата слѣдилъ онъ за всѣми измѣненіями его лица, то блѣднаго, то вдругъ покрывавшагося багровымъ румянцемъ; особенно пугали его глаза молодаго человѣка, смѣявшіеся какъ-то странно, и принужденная улыбка посинѣвшихъ устъ его, очень походившая на болѣзненную судорогу. Между тѣмъ, не смотря на принятыя заранѣе мѣры, толпа любопытныхъ всякаго званія наполнила церковь, и безпрестанно умножаясь, заняла все ограниченное пространство ея, такъ, что скоро стало въ церкви тѣсно и душно... Но вотъ вдругъ толпа раздвинулась и очистила кому-то дорогу: то были женихъ и невѣста. Первый, проходя мимо молодаго человѣка, который, какъ будто чувствуя усталость, стоялъ прислонившись къ одной изъ колоннъ храма, бросилъ на него торжествующій взглядъ. Женихъ и невѣста стали у алтаря... Обрядъ начался... Черезъ полчаса толпа опять разступилась, чтобы вновь дать дорогу четѣ молодыхъ, уже навѣки связанной неразрывными узами.

Медленно, важно выходили молодые изъ храма; генералъ самодовольно озирался вокругъ; юная, дѣвственная еще супруга его казалась печальною и

была блѣдна, какъ ликъ луны передъ разсвѣтомъ. Любопытные зрители подвигались къ нимъ ближе и ближе, чтобы разсмотрѣть лица молодыхъ, и на минуту заслонили имъ путь. Эта мгновенная остановка произошла у той самой колонны, гдѣ стоялъ прислонившись молодой человѣкъ въ цвѣтномъ фракѣ.

— Ахъ! какая красавица и какая еще молоденькая! говорила тихо нѣкая кумушка своей сосѣдкѣ, указывая на новобрачную.

— А молодому, кажется, подъ сорокъ! замѣтила сосѣдка.

— За то генералъ! возразила кумушка — и сколько крестовъ!

Вдругъ, среди говора и движенія толпы, подвигавшейся за молодыми, что-то тяжелое повалилось на полъ, и въ то же время послышалось, какъ будто изъ устъ женщины, громкое восклицаніе: «Ахъ!» Нѣсколько человѣкъ что-то подняли на руки и понесли изъ церкви.

— Что такое? — Что случилось? — Кто это?—спрашивали другъ у друга знакомые и незнакомые.

— Упалъ какой-то господинъ, отвѣчали одни—видно сдѣлалось дурно... Ударъ, апоплексія, умеръ скоропостижно — прибавляли другіе.

— Дурной знакъ! Не быть молодымъ счастливыми! Такъ и повалился къ ногамъ ихъ! говорила кумушка.

— Видно, на роду такъ было написано!... Такой красивый молодецъ... Я все на него смотрѣла, какъ онъ стоялъ у столба... говорила сосѣдка кумушки...

Черезъ нѣсколько минутъ въ церкви никого уже не было. Церковникъ тушилъ послѣднія свѣчи...

ЭПИЛОГЪ.

I.

Прошло около двухъ лѣтъ послѣ описанныхъ нами событій. Многое измѣнилось въ частной судьбѣ многихъ людей, и на всемъ земномъ шарѣ два протекшіе года, безъ сомнѣнія, оставили свои неизбѣжные слѣды, незамѣтно потомъ слившіеся въ общемъ потокѣ времени и происшествій. Въ Петербургѣ также не мало произошло перемѣнъ и новостей. Настроено изрядное число новыхъ домовъ; самыя отдаленныя, самыя глухія улицы столицы вымощены булыжникомъ; явились новые журналы, добросовѣстные и безпристрастные. Словомъ, разныя явленія пронеслись надъ Петербургомъ въ продолженіе двухъ лѣтъ послѣ вышеописанныхъ происшествій. Немногіе, знавшіе событіе, послужившее поводомъ къ нашей повѣсти, платя общую дань времени, давно уже забыли объ немъ и обратили вниманіе свое на новыя событія, въ глазахъ ихъ совершавшіяся. Между тѣмъ послѣдній актъ тихой и безвѣстной драмы, послѣдняя катастрофа ея еще не были разыграны и ждали конца своего внѣ предѣловъ той мѣстности, гдѣ происходили первыя дѣйствія.

Въ началѣ Сентября 18**, по проселочной дорогѣ одной изъ внутреннихъ губерній нашихъ, тянулось нѣсколько тяжелыхъ экипажей, предшествуемыхъ двумѣстною каретою, запряженною четверкою лошадей въ рядъ. Экипажи набиты были частію перинами, подушками, картонами, сундуками, корзинами, и тому подобнымъ, частію дворовыми дѣвушками и лакеями. Въ ка-

ретѣ сидѣла молодая женщина, одѣтая вся въ черномъ. Было около трехъ часовъ по полудни. Дорога шла по срединѣ густаго лѣса, поросшаго по песчаному грунту. Не смотря на осеннее время, солнце палило жарко, и усталые кони, совершившіе, вѣроятно, дальній путь, едва передвигали ноги, а конца лѣса видомъ не видать, слыхомъ не слыхать было. Тѣмъ часомъ, какъ они успѣютъ выбраться изъ безконечнаго лѣса, я разскажу читателю о томъ, что послѣдовало съ дѣйствующими лицами нашей повѣсти послѣ бракосочетанія аристократки съ генераломъ***.

Молодой человѣкъ, упавшій вдругъ въ церкви къ ногамъ новобрачныхъ, безъ чувствъ отнесенъ былъ домой, въ сопровожденіи племянника баронессы. Тотчасъ послали за докторомъ. Бѣдному пущена была кровь; онъ обнаружилъ признаки жизни, но не пришелъ въ себя. Докторъ объявилъ, что у него горячка, и что больной находится въ большой опасности, но несовершенно однакожъ безнадеженъ.

Когда новобрачные возвратились въ домъ графа, онъ увѣдомленъ былъ о происшедшемъ съ бывшимъ учителемъ его дочери. Обстоятельство это, казалось, не мало огорчило его, тѣмъ болѣе, что молодая сильно была встревожена, да и самъ генералъ, не смотря на обыкновенную свою безстрастность, видимо разстроенъ. Остатокъ вечера прошелъ тихо. Наступившая ночь исполнила молодую страхомъ и трепетомъ, какъ древнюю жертву, влекомую на закланіе....

Всѣ возможныя попеченія приложены были о больномъ его товарищемъ, баронессою и наконецъ графомъ, который по нѣскольку разъ въ день присылалъ освѣдомляться о состояніи здоровья бѣднаго педагога. Но не смотря на всѣ средства науки, соединенной въ ли-

цѣ нѣсколькихъ докторовъ, несчастный долго боролся со смертью, и только на девятый день, когда оказался благодѣтельный переломъ болѣзни, врачи объявили его внѣ опасности; совершенное выздоровленіе послѣдовало только въ исходѣ зимы. По совѣту докторовъ, онъ намѣревался вскорѣ отправиться въ деревню свою, чтобы тамъ, въ климатѣ болѣе благорастворенномъ и способствующемъ здоровью, довершить свое исцѣленіе, если только недугъ его былъ изъ числа тѣхъ, которые исцѣляются временемъ и перемѣною мѣста.

На канунѣ отъѣзда педагога нашего изъ Петербурга неожиданно посѣтилъ его графъ. Свиданіе ихъ было чрезвычайно затруднительно съ обѣихъ сторонъ, и въ первыя минуты ограничилось обычными привѣтствіями. Графъ, принимая на себя видъ живѣйшаго соболѣзнованія, спрашивалъ педагога о здоровьи: педагогъ съ холодною учтивостью благодарилъ графа за участіе, и оба замолчали.

— Вы, вѣроятно, обвиняете меня—сказалъ наконецъ графъ, возобновляя разговоръ и обращаясь прямо къ видимой цѣли своего посѣщенія. — Вотъ почему я рѣшился видѣться и объясниться съ вами. Я желалъ бы сложить съ себя незаслуженныя нареканія.

— Напрасно, графъ. Вы не обязаны мнѣ отчетомъ въ своихъ поступкахъ, и слѣдовательно, я не имѣю никакого права обвинять васъ—отвѣчалъ педагогъ, сохраняя тотъ же тонъ холодной учтивости.

— Но вы любили дочь мою?

— Да: не буду скрывать этого....Я и теперь люблю ее, и умру съ тѣмъ же чувствомъ.

— Для чего же вы скрывали его прежде, въ то время, когда можно бы еще предупредить событіе? . . . . За чѣмъ вы не просили у меня руки вашей ученицы?

Молодой человѣкъ горько улыбнулся и отвѣчалъ:

— Графъ! я могъ, Богъ далъ мнѣ силы, перенесть мое несчастіе, мою злую судьбу: но долженъ ли я еще переносить и насмѣшки? Развѣ вы не знали, что я люблю дочь вашу? Нѣтъ, вы очень хорошо знали; знали также, что она любила меня — и выдали ее замужъ, за другаго.... За чѣмъ, говорите вы, я не просилъ руки ея?– За тѣмъ, чтобы не подвергаться безполезно презрительному отказу; за тѣмъ, что я заранѣе увѣренъ былъ въ отказѣ... Я не могъ запретить себѣ любить, но понималъ, что по законамъ свѣта дочь вельможи не можетъ принадлежать мнѣ. Если бы вы имѣли больше великодушія, больше состраданія къ моей участи и къ участи собственнаго вашего дѣтища, если бы законы свѣта вы могли поставить ниже священнѣйшаго изъ всѣхъ законовъ – закона природы: тогда отъ васъ зависѣло бы, чтобы я имѣлъ смѣлость просить руки дочери вашей. Но вы, графъ, вы, напротивъ, ни однимъ поступкомъ, ни однимъ словомъ или намекомъ, никогда не подавали мнѣ надежды. Говорю не съ тѣмъ, чтобы упрекать васъ: на упреки я не имѣю никакого права. Но можете ли и вы, графъ, упрекать меня, что я скрывалъ отъ васъ любовь свою, что я не просилъ руки дочери вашей? И для чего теперь говорить обо всемъ этомъ? Не слишкомъ ли ужъ поздно и безполезно, графъ?

Графъ слушалъ молча и смотря въ полъ.

Что привело его къ педагогу? Ужели одно только ничтожное желаніе оправдать себя, хотя по наружности, въ глазахъ безвѣстнаго молодаго человѣка, или въ самомъ дѣлѣ, онъ, чувствуя нѣкоторые укоры совѣсти, хотѣлъ облегчить ихъ свиданіемъ, объясненіемъ съ педагогомъ? Онъ могъ быть эгоистомъ, могъ платить дань почти общимъ заблужденіямъ и предразсуд-

камъ, но должно ли предполагать въ немъ душу черствую и сердце недоступное никакимъ ощущеніямъ высокой человѣческой природы? По крайней мѣрѣ, онъ не могъ не любить своей дочери, не могъ не видѣть, что она несчастлива въ немиломъ бракѣ. Самая катастрофа въ церкви, при бракосочетаніи, и потомъ болѣзнь молодаго человѣка не возбудили ль въ немъ чувства сожалѣнія къ страдальцу, и не желалъ ли онъ излить передъ нимъ собственнаго своего страданія.

— Вы правы!—сказалъ онъ со вздохомъ. Но утѣшьтесь: никто, кажется, не составилъ себѣ счастія посредствомъ этого брака: ни я, ни дочь моя, ни самъ генералъ. Увѣренность мужа въ нелюбви къ нему жены и въ любви ея къ другому — увѣренность слишкомъ печальная! Одинъ Богъ знаетъ, отъ сердца ли далъ я согласіе на этотъ бракъ!

Педагогъ въ свою очередь молчалъ.

— Удивительное сближеніе обстоятельствъ — продолжалъ вельможа печальнымъ тономъ. Сынъ мой любилъ сестру вашу, и я не позволилъ ему жениться на ней... Вы любили дочь мою, и я отдалъ ее за другаго!... Не вмѣшалась ли тутъ враждующая судьба?

— Графъ, судьба беззащитна: она не возражаетъ людямъ, когда они обвиняютъ ее въ собственныхъ дѣлахъ своихъ.

— Я заслужилъ эти упреки... Но... простите меня!— произнесъ онъ, не смотря на педагога. Прошедшаго не возвратить. По крайней мѣрѣ, разстанемся друзьями... Не сѣтуйте на меня!

— Графъ! я никогда и ни на кого не сѣтую. Я съ терпѣніемъ несу крестъ мой. Если вы искренно сожалѣете меня, этого довольно для того, чтобы я не питалъ къ вамъ непріязненнаго чувства — сказалъ педагогъ, по видимому тронутый словами графа. И что

вы сдѣлали мнѣ? То, что на вашемъ мѣстѣ, вѣроятно, сдѣлали бы тысячи другихъ людей... Будущее неизвѣстно, и можетъ быть, дочь ваша еще будетъ счастлива. Она, вѣроятно, скоро забудетъ меня и покорится новымъ своимъ обязанностямъ супруги.... матери. Я даже имѣю прчину думать, что она и не любила меня истинно; иначе, отъ нея зависѣло не выходить замужъ за генерала, вопреки вашей волѣ....

Графъ потупилъ глаза въ землю, какъ будто волнуемый какимъ-то воспоминаніемъ.

— Вы уѣзжаете завтра? спросилъ онъ спустя нѣсколько.

— Да.

— Не хотите ли вы видѣться съ нею, проститься?.. Я могу доставить вамъ минуту свиданія.

—Благодарю, графъ! — отвѣчалъ молодой человѣкъ неровнымъ голосомъ. Я не долженъ видѣть ее никогда болѣе.... Мнѣ не легче было бы послѣ этого свиданія....

Графъ всталъ съ своего мѣста. Педагогъ также.

— Прощайте! Будьте, если возможно, счастливы! Это мое искреннее желаніе....

— Прощайте, графъ!

И они разстались, пожавши другъ другу руку.

—

Рано, на слѣдующее утро, все уже готово было къ выѣзду педагога изъ Петербурга. Крытыя сани, запряженныя тройкою почтовыхъ лошадей, стояли уже у крыльца. Обыкновенно веселый и говорливый адъютантъ былъ грустенъ, и даже по временамъ плакалъ украдкою, когда приблизилась минута прощанья съ другомъ и пансіонскимъ товарищемъ.

— Ахъ! какъ мнѣ жаль тебя! говорилъ онъ. Какъ горько разставаться съ тобою! Я такъ привыкъ къ тебѣ... такъ люблю тебя! И неужели мы прощаемся навсегда?

— Навсегда, добрый другъ мой, навсегда, если ты невздумаешь, если обстоятельста не позволятъ тебѣ навѣстить меня въ деревнѣ. Съ этой минуты нѣтъ ничего общаго между мною и свѣтомъ—мы взаимно безполезны другъ другу. —Уединеніе, трудъ для самого себя, молитва—вотъ жизнь моя отнынѣ, и я благословлю небо, если оно сократитъ дни ея. Жить безъ всякой цѣли, безъ всякихъ надеждъ — утомительно, скучно!

— Бѣдный! онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ людей! — сказалъ самъ себѣ племянникъ баронессы. Онъ долженъ казаться смѣшнымъ нынѣшнему свѣту, и точно не можетъ быть членомъ его: одинъ изъ нихъ не пойметъ другаго, и на оборотъ! — И потомъ, обратясь къ отъѣзжающему пріятелю, прибавилъ:

— Нѣтъ! ты не такъ поступаешь. Выслушай меня, какъ по крайней мѣрѣ я поступилъ бы на твоемъ мѣстѣ. Для другихъ я прикинулся бы равнодушнымъ къ дочери графа, по прежнему бывалъ бы въ домѣ его, постарался сблизиться съ генераломъ.... И вскорѣ, дѣйствуя по обдуманному плану, вмѣсто лавровъ, украсилъ бы лобъ, или какъ говорятъ піиты, чело его... вотъ этими... (адъютантъ изобразилъ что-то пальцами на собственномъ лбу своемъ). Послѣ этого, повѣрь, страсть твоя немножко остыла бы, и тогда можно бы было поискать другаго предмета, сочетаться съ нимъ законнымъ бракомъ—и быть счастливымъ. Что за нелѣпое великодушіе приносить себя въ жертву за другихъ, когда ихъ самихъ можно сдѣлать жертвами!

Педагогъ ничего не отвѣчалъ.

Черезъ часъ крытыя сани неслись уже за Московскою заставою. Старый Ѳедотъ, въ дорожномъ тулупѣ, сидѣлъ съежившись на облучкѣ саней, между тѣмъ, какъ баринъ его, весь завернувшись въ медвѣжью шубу и нахлобучивъ на глаза теплый картузъ, лежалъ неподвижно, прислонившись къ одной сторонѣ кибитки. Утро было морозное, дорога гладкая, ровная, снѣгъ скрыпѣлъ подъ полозьями быстро несшихся саней, изъ мордъ четвероногихъ клубился густой паръ, полосатыя версты мелькали одна за другою, и звонкій колокольчикъ одинъ лишь нарушалъ безмолвіе пустынной дороги.

—

Педагогъ сдержалъ свое слово. Поселившись въ небольшомъ деревенскомъ домикѣ покойной своей матери, онъ проводилъ жизнь самую уединенную. Бесѣда съ избранными писателями, размышленіе, собственный трудъ на бумагѣ – вотъ все, что занимало его, если только могло занимать вполнѣ, если не служило единственно нѣкоторымъ развлеченіемъ въ горькой существенности и неизмѣнномъ однообразіи степной жизни.

Съ наступленіемъ весны, новый помѣщикъ прежде всего занялся устройствомъ обширнаго сада, примыкавшаго къ дому и доходившаго до самаго берега рѣки, а за тѣмъ, чтобы доставить пищу дѣятельности и сколько возможно отдалить отъ себя горестныя воспоминанія, вошелъ во всѣ подробности быта своихъ крестьянъ и вообще сельскаго хозяйства. Рано по утрамъ, вмѣстѣ съ старымъ Ѳедотомъ, преобразившимся въ деревенскаго старосту, ходилъ онъ въ поле, и почти цѣлый день присутствовалъ тамъ при отправленіи сельскихъ работъ. Всѣ крестьяне искренно полюбили добраго бари-

на, который заботливо освѣдомлялся объ ихъ нуждахъ, и по мѣрѣ средствъ своихъ, помогалъ бѣднѣйшимъ; а молодицы — крестьянки, особенно тѣ изъ нихъ, которыя были попригоже, и можетъ быть, мечтали обратить на себя вниманіе красиваго господина своего, даже заглядывались на него, совсѣмъ впрочемъ не кстати и безполезно; приносили ему изъ лѣса самыя раннія ягоды и грибы, но не слишкомъ-то были довольны, когда онъ благодарилъ ихъ мелкою серебряною монетою: вѣроятно, имъ было бы пріятнѣе, еслибы онъ подарилъ ихъ звонкимъ поцѣлуемъ... И не одни *простыя дочери природы* ухаживали за молодымъ помѣщикомъ. Въ сосѣдствѣ съ его деревнею жилъ какой-то отставной капитанъ перваго ранга, вдовецъ, у котораго было цѣлыхъ пять штукъ взрослыхъ дочерей, отъ двадцати пяти до пятнадцати лѣтъ включительно. Богъ знаетъ за чѣмъ, бродили онѣ иногда по вечерамъ подлѣ сада нашего отшельника, а иногда и подлѣ самыхъ оконъ его дома; черезъ горничныхъ или дворовыхъ мальчишекъ адресовались къ нему съ разными просьбами: то *одолжить листикъ почтовой бумажки или палочку сургучика*, то книжекъ почитать, то прислать садовыхъ цвѣтовъ, и тому подобное. Молодой помѣщикъ съ удовольствіемъ удовлетворялъ ихъ просьбамъ, но тѣмъ дѣло и кончалось, и сельскія красавицы, убѣдясь въ нелюдимости новаго сосѣда, наконецъ прекратили свои засыланья. Не бо́льшій успѣхъ имѣли покушенія самого родителя ихъ, а также и другихъ окрестныхъ помѣщиковъ, завести знакомство съ нашимъ пустынникомъ. Очень вѣжливо, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень рѣшительно, онъ отклонилъ отъ себя эту честь. Единственная встрѣча съ сосѣдями происходила у него въ праздничные дни, въ церкви, у обѣдни, но и здѣсь ограничивалась, большею частью, одними пок-

лопами и незначительною мѣною словъ о здоровьи и погодѣ.

Разумѣется, что такой родъ жизни и такое отчужденіе отъ всякаго сообщества повлекли за собою разные толки и сплетни. Одни—это были самые умѣреннѣйшіе—говорили, что новый помѣщикъ ученый, физикъ, и даже астрономъ, нарочно удалившійся изъ столицы, чтобы въ тишинѣ деревни посвятить себя великому труду къ открытію новой солнечной системы; такое мнѣніе первое было высказано именно ближайшимъ сосѣдомъ нашего молодаго человѣка, отставнымъ капитаномъ перваго ранга. Другіе, менѣе великодушные, увѣряли, что онъ выключенъ изъ службы за дерзость противъ начальства и вообще за недобропорядочные поступки. Наконецъ, третьи—это были самые злѣйшіе уѣздные вѣстовщики—утверждали, что онъ не что иное, какъ шпіонъ, котораго надобно опасаться и убѣгать. Мало обращая вниманія на пересуды праздныхъ языковъ, эксъ-педагогъ нашъ спокойно продолжалъ однажды принятый имъ родъ жизни.... Спокойно?

Но былъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ спокоенъ, то есть, почти счастливъ, въ своемъ тихомъ, ненарушаемомъ уединеніи? Примирился ли онъ съ своею участью, забылъ ли свою аристократку, и воспоминаніе о ней, ослабѣвая съ временемъ, не образовало ли въ сердцѣ его той безмолвной пустоты, которую дѣйствительно можно иногда принять за призракъ спокойствія, холоднаго довольства судьбою?—Одинъ Ѳедотъ только, по крайнему своему разумѣнію, могъ бы отвѣчать на всѣ эти вопросы. Онъ видѣлъ, что бѣдный баринъ его скрываетъ въ душѣ тяжелое горе, подъ наружностью мнимаго спокойствія, и обманывая самъ себя, тщетно хочетъ подавить злую тоску, грызущую его сердце. Внутреннія страданія стали наконецъ обна-

руживаться и въ состояніи здоровья одинокаго помѣщика; онъ началъ жаловаться на боль въ груди, постепенно худѣть и худѣть, или, что называется, медленно чахнуть; однакожъ, не смотря на блѣдность и худобу лица, на впавшіе и помутившіеся глаза, казался еще довольно крѣпокъ. По крайней мѣрѣ, онъ не нарушалъ порядка своей дѣятельности: писалъ, читалъ, распоряжался хозяйствомъ, по прежнему постоянно присутствовалъ на полевыхъ работахъ, а по вечерамъ гулялъ, то въ саду своемъ, то за предѣлами своей деревни, по живописнымъ ея окрестностямъ, или по уѣздной проселочной дорогѣ, пролегавшей верстахъ въ трехъ отъ дома его.

Такъ насталъ Сентябрь 18** года.

II.

Теперь мы можемъ возвратиться къ тяжелому поѣзду, оставленному нами въ густомъ лѣсу и медленно тянувшемуся по песчаной дорогѣ. Читатель припомнитъ, что поѣзду сему предшествовала двумѣстная карета, въ которой находилась молодая дама, одѣтая вся въ черное.

Солнце начинало уже закатываться, а поѣздъ все еще не могъ выбраться изъ лѣса. Наскучивъ такою медленною и однообразною ѣздою, дама велѣла остановиться каретѣ, вышла изъ нея, и довольно быстрымъ шагомъ пошла пѣшкомъ, въ сопровожденіи лакея, который до того поконился на запяткахъ экипажа. Пользуясь отсутствіемъ госпожи, кучера, плотно пообѣдавшіе при послѣднемъ кормѣ лошадей, совершенно опустили возжи и предоставили животнымъ еще лѣнивѣе тащиться по сыпучему и вязкому проселку, такъ, что

вскорѣ порядочное разстояніе отдѣлило молодую госпожу отъ ея экипажей. Продолжая идти съ тою же быстротою, она вскорѣ не безъ удовольствія увидѣла, что лѣсъ наконецъ началъ замѣтно рѣдѣть и вдали пробивается широкая поляна; черезъ нѣсколько минутъ, послышались и недалекіе отголоски работавшихъ въ сосѣднемъ полѣ крестьянъ...

Путница была еще очень, очень молода. Не смотря на траурный нарядъ и важное выраженіе лица, ей нельзя было дать больше восемнадцати лѣтъ: но тѣмъ страннѣе, тѣмъ удивительнѣе было видѣть на ея юномъ, и надобно прибавить, необыкновенно прекрасномъ лицѣ, всѣ признаки печали, продолжительной тоски, или еще вѣрнѣе, нѣкоторой суровости и недовольства жребіемъ. Чрезвычайно интересна была эта молодая женщина, одна, на проселочной дорогѣ, идущая пѣшкомъ. Ея нарядъ, хотя траурный и дорожный, не отличался впрочемъ небрежностью и простотою. На ней былъ черный бархатный капотъ застегнутый маленькими перламутровыми пуговочками, и черная шелковая шляпка, нисколько не закрывавшая лба и обнаруживавшая темные волосы, спущенные къ вискамъ; на шеѣ и плечахъ висѣла длинная золотая цѣпочка, вѣроятно, отъ часовъ или лорнета. Трудно было рѣшить: дѣвушка, замужняя или вдова была эта дама. Судя по траурной одеждѣ и печальному выраженію лица, скорѣе всего можно было предположить послѣднее, хотя въ то же время молодость, цвѣтущая еще красота и свѣжесть, неодолѣваемыя до времени никакими душевными или сердечными бурями, позволяли предполагать и первое, т. е., что юная путешественница была дѣвушка.

Приближались сумерки, когда она вышла наконецъ на совершенно чистую поляну. Вдали, по обѣимъ сто-

ронамъ проселка, работали крестьяне, но на самой дорогѣ путница долго не встрѣчала никого. И кого же встрѣтить въ глубинѣ пустыннаго уѣзда, населеннаго кой-гдѣ одними помѣщиками и крестьянами? Вотъ однакожъ путница берется за лорнетъ, приближаетъ его къ глазамъ своимъ и наводитъ на какой-то отдаленный предметъ. Ей кажется, что на встрѣчу идетъ кто-то; ей уже не кажется это, она увѣрена въ томъ. Черезъ нѣсколько минутъ, они сближаются и находятся другъ отъ друга на такомъ разстояніи, что легко могутъ разсмотрѣть другъ друга. Шедшій на встрѣчу путницѣ былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи или восьми, росту нѣсколько повыше средняго, блѣдный, худощавый, въ длинномъ темно-оливковомъ сюртукѣ, въ низенькой шляпѣ съ широкими полями; въ рукахъ его была толстая суковатая трость, которая, дѣйствительно, казалось служила ему опорой, потому что вся наружность молодаго человѣка изображала слабость и болѣзненность. Подходя къ путницѣ, онъ, по видимому, удивленъ былъ, встрѣтивъ въ безлюдномъ мѣстѣ молодую и прекрасную женщину, которой нарядъ и вообще внѣшность свидѣтельствовали о богатствѣ и происхожденіи не простомъ. Но когда онъ почти поровнялся съ незнакомкою и взглянулъ ей въ лице, его собственное лице, блѣдное и безжизненное, вдругъ вспыхнуло краскою; онъ опустилъ глаза въ землю, нахлобучилъ на лобъ шляпу и хотѣлъ пройдти мимо, но незнакомка вдругъ остановила его слѣдующими словами:

— Извините, милостивый государь! Вы, вѣроятно, здѣшній, и можете сказать мнѣ, какъ далеко отсюда до села *** ?

Молодой человѣкъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, услышавъ голосъ незнакомки.

— До села ***? повторилъ онъ, снимая шляпу и кланяясь путницѣ: имѣнія генерала ***?

— Такъ точно, милостивый государь,—отвѣчала она, въ свою очередь измѣняясь въ лицѣ и всматриваясь въ молодаго человѣка, котораго голосъ показался ей не незнакомымъ.

— Верстъ десять съ небольшимъ—прибавилъ онъ.

— Боже мой! — тихо произнесла незнакомка, какъ будто говоря сама съ собою — я не ошибаюсь — это онъ, это мой бѣдный учитель!.... Боже мой! какъ онъ перемѣнился! Я не узнала его съ перваго взгляда... Какая встрѣча!...

Молодой человѣкъ молчалъ и смотрѣлъ на аристократку холодно и почтительно, но въ мнимо-спокойномъ взорѣ его выражались неизъяснимая горесть и тоска.

Аристократка оглянулась назадъ, и увидѣвъ, что провожавшій ее слуга остановился на довольно значительномъ отъ нея растояніи, не хотѣла удерживать своихъ чувствъ и повторила: О, какая встрѣча!... Милый! еще разъ въ жизни я увидѣла тебя!

— Графиня! значительно произнесъ педагогъ и хотѣлъ сказать еще что-то, но аристократка прервала его.

— Графиня? Вотъ какъ онъ говоритъ со мною!—продолжала она съ упрекомъ... Я два года уже не графиня....

— Извините, ваше превосходительство—я ошибся! отвѣчалъ педагогъ.

— О, не говорите такъ! воскликнула она. Довольно я наказана судьбою моею, и не заслуживаю, чтобы такъ обходились со мною... Благословляю неожиданную встрѣчу нашу! Богъ устроилъ ее.—Она даетъ мнѣ

возможность оправдаться передъ вами. Вы меня выслушаете и не будете судить такъ жестоко! Подайте мнѣ руку вашу, и пойдемте вмѣстѣ.

Педагогъ повиновался. Сильно забилось его сердце, когда аристократка положила руку свою на его руку; судорожная дрожь пробѣжала по тѣлу его, но онъ старался, сколько возможно, овладѣть собою и не поддаться очарованію искусительнаго прикосновенія.

— По комъ вы въ траурѣ? спросилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ взаимнаго молчанія.—Но, можетъ быть, я растравляю нескромнымъ вопросомъ своимъ свѣжую рану: можетъ быть, вы имѣли несчастіе лишиться супруга?

— Да, вы точно касаетесь свѣжей раны—отвѣчала аристократка дрожащимъ голосомъ—нѣсколько мѣсяцевъ тому, я лишилась отца...

— Графъ умеръ! воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Умеръ—повторила аристократка, глотая слезы. Онъ долго былъ болѣнъ и часто вспоминалъ объ васъ, жалѣлъ, что...

Аристократка остановилась и взглянула на своего спутника—«жалѣлъ, что судьба разрознила насъ»—договорила она.

— А генералъ? спросилъ педагогъ, желая отвлечь ее, или правильнѣе, себя, отъ воспоминаній, которыхъ не могло выдержать его сердце.

— Генералъ подалъ въ отставку. Онъ остался въ Петербургѣ для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ, и черезъ мѣсяцъ будетъ сюда. — Ахъ, милый! — продолжала она голосомъ дружбы и довѣренности, и забывая приличія.—Если бы ты зналъ, какъ я несчастлива! Мужъ мой человѣкъ совершенно безъ сердца. Онъ, можетъ быть, и любилъ меня нѣсколько, но любилъ такъ странно, такъ нечеловѣчески, что я была бы счаст-

ливѣе, если бы онъ ненавидѣлъ меня. Его ласки и нѣжности, впрочемъ очень рѣдкія и не искреннія, потому что онъ давно уже разочаровался мною, его ласки и нѣжности противны и невыносимы мнѣ; мнѣ легче, когда онъ мучитъ меня своимъ брюзгливымъ характеромъ и упреками. Батюшка остался долженъ ему около полумилльона, и этотъ долгъ, рѣшившій судьбу мою, подаетъ ему теперь поводъ безпрестанно язвить меня. Онъ не затрудняется говорить мнѣ и повторять почти ежедневно, что *я навязана* ему покойнымъ отцемъ. Одинъ Богъ знаетъ, чего стоило мнѣ и батюшкѣ согласиться на этотъ черный бракъ!

— Однакожъ, вы согласились оба.

— Я ожидала, что ты скажешь это! Но изъ тысячи другихъ женщинъ найдется ли хоть одна, которая иначе поступила бы на моемъ мѣстѣ? На колѣняхъ умолялъ меня отецъ выйдти за генерала. Я долго оставалась непреклонною, говорила, что люблю тебя, и если не могу принадлежать тебѣ, то не хочу принадлежать никому...

— Другая, можетъ быть, умѣла бы остаться твердою и доказать на дѣлѣ слова свои. Въ наше время не заставляютъ дѣвушекъ насильно выходить замужъ. И изъ какого благополучія такъ желалъ графъ этого брака?

— Ахъ! сердцемъ онъ всегда былъ противъ него, но былъ вынужденъ обстоятельствами...

— Короче, онъ продалъ дочь.

— Пощади память бѣднаго моего отца! Не суди его такъ жестоко — онъ уже въ могилѣ...

— Чтожъ? Всѣ мы будемъ въ могилѣ! Онъ таки довольно пожилъ — другимъ суждено менѣе. Онъ, можетъ быть, зналъ много счастливыхъ дней въ жизни — другіе не знали ихъ вовсе...

— Милый! будь справедливъ! И мы знали счастливые часы... Помнишь ли уроки наши, наши встрѣчи и прогулки на дачѣ, незабвенныя минуты, которыя мы проводили вмѣстѣ?... Я не узнаю тебя... Прежде ты былъ такъ добръ, такъ кротокъ, такъ снисходителенъ—у тебя какъ будто окаменѣло сердце...

— Да, оно окаменѣло...

— Въ каждомъ словѣ упрекъ, и упрекъ несправедливый, недостойный тебя, незаслуженный мною... Ты забылъ послѣдній урокъ нашъ, забылъ, что ты тогда сказалъ мнѣ, разставаясь: *Если когда нибудь вспомните, графиня, вашего бѣднаго учителя, онъ будетъ и тѣмъ счастливъ... больше онъ никогда и не надѣялся*!... И я помнила тебя, милый, единственный человѣкъ, котораго любила, котораго всегда любить буду. Въ продолженіе двухъ лѣтъ разлуки нашей, двухъ тяжелыхъ лѣтъ, я ни на минуту не разставалась съ тобою мысленно: ты всегда былъ въ сердцѣ моемъ, въ воображеніи, всегда подлѣ меня — я страдала и любила, страдаю и люблю... Скажи наконецъ: чего ты хочешь отъ меня болѣе? чего можешь еще требовать?... Хочешь ли, чтобъ я принесла въ жертву тебѣ доброе имя, долгъ супруги? хочешь ли, чтобъ я была твоей любовницей?... О, если такая жертва необходима для твоего счастія — я готова презрѣть мнѣніемъ свѣта, уваженіемъ къ самой себѣ... всѣмъ, всѣмъ — лишь бы ты не страдалъ и не упрекалъ меня! И можетъ быть, я не буду слишкомъ виновною передъ недостойнымъ мужемъ, который давно уже пренебрегъ мною и открыто живетъ съ какою-то актрисой — намѣренъ даже привезть ее сюда съ собою....

— Графиня! — сказалъ педагогъ, забывая, что не должно уже такъ величать его спутницы — Графиня!

я выслушалъ васъ — теперь дайте мнѣ вымолвить слово. Я ничего не хочу, ничего не требую. Мнѣ уже немного осталось, и послѣднихъ дней моихъ я не омрачу справедливыми упреками, не унесу съ собою въ могилу раскаянія...

— Что говоришь ты? — вскрикнула аристократка испуганнымъ, встревоженнымъ голосомъ. — Что говоришь ты о могилѣ, о послѣднихъ дняхъ своихъ?... Развѣ ты болѣнъ? Развѣ ты такъ худо чувствуешь себя?

И она взглянула на него, и увидѣла блѣдное, помертвѣвшее лице его, осунувшіяся скулы, впалые, тусклые глаза, даже глубокія морщины — словомъ, всѣ признаки жестокихъ тѣлесныхъ и душевныхъ страданій. Ей стало страшно, и она сама поблѣднѣла какъ трупъ.

— Да, я болѣнъ, смертельно болѣнъ, графиня. У меня чахотка, и я скоро умру — мнѣ не дожить до новаго года. Я ношу смерть въ груди моей съ той минуты... помните ли, графиня... съ той минуты, когда полумертвый упалъ я къ ногамъ вашимъ! Исцѣленіе мое было только временное...

— О, перестань, перестань! Не говори мнѣ о своей смерти!... Нѣтъ! ты не умрешь, ты будешь, ты долженъ житъ!... Живи, живи!... Я буду требовать развода: мужъ мой согласится — онъ долженъ согласиться! Я буду умолять его на колѣняхъ спасти и тебя и меня! Я прибѣгну къ правительству, къ духовной власти — я сдѣлаю все, что можетъ сдѣлать любящая и страдающая женщина. Я исполню долгъ мой, искуплю вину мою передъ тобою, милый, дорогой мой!

— Поздно, поздно намъ, несчастнымъ! Не будемъ обманывать другъ друга ложными обольщеніями, пу-

тыми мечтами... Но я слышу, графиня, экипажи ваши приближаются... Успокойтесь... Прощайте!... Разстанемся...

Съ тѣхъ поръ, они не встрѣчались болѣе. Съ тѣхъ поръ никто, кромѣ Ѳедота, уѣзднаго лекаря и сельскаго священника не видалъ молодаго помѣщика...

III.

Повѣсть моя кончена. Но, нѣкоторымъ образомъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица эпилога, я долженъ разсказать еще слѣдующее.

Зимою того же 18** года частныя обстоятельства мои отозвали меня, на короткое время, изъ Петербурга въ * * * - й уѣздъ * * * - ой губерніи. Это былъ тотъ самый уѣздъ, гдѣ находились имѣнія генерала, супруга аристократки, и бывшаго ея учителя. Племянникъ баронессы, съ которымъ я имѣю честь быть знакомымъ, и почтенная тетушка котораго, говоря мимоходомъ, почти въ одно время съ графомъ переселилась въ Елисейскія, въ слѣдствіе того, что однажды на старости лѣтъ, слишкомъ крѣпко зашнуровалась, племянникъ баронессы, зная, куда я отправляюсь, далъ мнѣ письмо къ своему пансіонскому товарищу, съ убѣдительною просьбою навѣстить его въ уединеніи. Тѣмъ съ бо̀льшимъ удовольствіемъ принялъ я на себя порученіе, что мнѣ очень интересно было лично узнать страннаго молодаго человѣка, умѣвшаго любить такъ, какъ въ наше время, кажется, уже не любятъ, находя подобную любовь слишкомъ сантиментальною, романическою. Мнѣ подробно были извѣстны всѣ отношенія его къ аристократ-

кѣ: все вышеописанное нѣсколько разъ пересказано было мнѣ племянникомъ баронессы, и по пріѣздѣ въ ***, я немедленно отправился въ деревню бывшаго учителя аристократки. Сани мои остановились у крыльца небольшаго и довольно ветхаго господскаго дома. Я вошелъ въ переднюю, вошелъ въ залу, въ гостиную; вездѣ все чисто, прибрано, все на мѣстѣ, но пусто и холодно, какъ въ нежилыхъ покояхъ. Пройдя еще комнаты двѣ, наконецъ, въ самой крайней, увидѣлъ я старика, наружностью похожаго на управителя, и который, казалось, удивился моему посѣщенію. «Кого вамъ надобно?» спросилъ онъ. — Твоего барина, отвѣчалъ я. — «Моего барина?» — повторилъ старикъ. «Не шутить ли изволите, ваше благородіе? Завтра будетъ шесть недѣль, какъ бѣднаго барина моего свезли на погостъ...» И слезы показались на глазахъ старика. Мнѣ также стало грустно: я не могу видѣть слезъ, ни на лицѣ хорошенькой женщины, ни на морщинистомъ лицѣ старика. — Извини же, любезный, что я обезпокоилъ тебя — сказалъ я, вручая ему мелкую ассигнацію. Но онъ не принялъ ее и возвратилъ съ слѣдующими словами: «Благодарствуйте за милость и за доброе слово, но денегъ Ѳедоту не надобно.» — Видя, что мнѣ тутъ нечего дѣлать, я сказалъ доброму старику еще нѣсколько незначительныхъ словъ и удалился. Но я не хотѣлъ разстаться съ этими мѣстами, не посѣтивъ могилы несчастнаго молодаго человѣка, не освѣдомясь объ аристократкѣ. Случай помогъ мнѣ. На возвратномъ пути въ уѣздный городъ, проѣзжая мимо того самаго погоста, о которомъ такъ уныло упомянулъ старый Ѳедотъ, я велѣлъ возницѣ своему остановиться, и отправился на кладбище. Оно находилось на краю деревни, за полуистлѣвшею деревянною оградою; по срединѣ его стояла

ветхая, деревянная же церковь, со всѣхъ сторонъ окруженная могилами, тѣснившимися одна подлѣ другой, почти безъ промежутковъ. Мнѣ не трудно было отыскать въ числѣ ихъ свѣжую могилу, съ крестомъ и надписью, скромно гласившею о томъ, чьему праху хотѣлъ я поклониться. Сердце мое сжалось, душа исполнилась глубокою печалью при воспоминаніи безотрадной участи усопшаго жильца могилы, и я простоялъ надъ нею, въ задумчивости, болѣе часа. Всѣ подробности событія, извѣстнаго читателю, живо возобновились въ моей памяти, и я, можетъ быть, долго еще не оставилъ бы мрачнаго сельскаго кладбища, если бы задумчивость моя не была прервана появленіемъ сѣдаго старика, въ священнической одеждѣ, съ лицемъ умнымъ и почтеннымъ. «Вы не родственникъ ли покойнаго?» — спросилъ онъ, подходя ко мнѣ. — Нѣтъ, отвѣчалъ я — я даже и не былъ знакомъ съ нимъ, но много слышалъ объ немъ, и мнѣ поручено было доставить ему письмо отъ пріятеля, который не зналъ объ его смерти. — «Отъ пріятеля? Не отъ племянника ли баронессы * * *?» — Такъ точно. — «Въ такомъ случаѣ позвольте покорнѣйше просить васъ пожаловать ко мнѣ на минуту. Домъ мой въ двухъ шагахъ отсюда. Покойникъ, за нѣсколько дней до смерти, передалъ мнѣ рукопись, заключающую въ себѣ описаніе его жизни, и обязалъ меня доставить ее племяннику баронессы. Не примете ли вы на себя этого труда? По почтѣ я находилъ неудобнымъ пересылать рукопись.» — Разумѣется, что я согласился, и послѣдовалъ за священникомъ въ домъ его, гдѣ онъ тотчасъ вручилъ мнѣ дневникъ покойнаго, послужившій обильнымъ матеріаломъ къ предложенной повѣсти. Гостепріимство священника удержало меня у него на нѣсколько часовъ. Мы долго бесѣдо-

вали, и я вполнѣ могъ удовлетворить своему любопытству, относительно аристократки и усопшаго любимца ея. «Никогда»—говорилъ священникъ—«въ продолженіе шестидесятилѣтней жизни моей, не привелось мнѣ видѣть человѣка, съ бо́льшимъ терпѣніемъ переносившаго физическія страданія, которыя однакожъ не подавляли въ немъ страданій душевныхъ или сердечныхъ. Несчастный любилъ до послѣдней минуты. Послѣднее слово его, произнесенное въ здѣшнемъ мірѣ — было ея имя. Но ни слова ропота на судьбу, или сожалѣнія о жизни, я не не слышалъ отъ него въ теченіе двухъ недѣль, проведенныхъ мною почти неотлучно у одра его. Онъ мнѣ открылъ всю душу свою: то была душа благороднѣйшая, чистѣйшая, душа, какихъ немного небо посылаетъ на землю, воплощая ихъ въ слабое тѣло человѣка, въ его природу, исполненную горя, грѣха и страстей. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, на рамена которыхъ Провидѣніе невидимо возлагаетъ тяжкій крестъ испытанія, передъ которыми невидимо поставлена полная чаша жизненной горечи, съ словами: «Испей до дна!» Предсмертная исповѣдь его была исповѣдь младенца, кроткая, простая, трогательная, и дерзну сказать—ангеломъ перешелъ онъ въ міръ, обѣщанный праведникамъ... Давно уже слезы были невѣдомы мнѣ — продолжалъ священникъ—но я оплакалъ его безвременную кончину, какъ оплакиваетъ отецъ потерю любимаго сына. Когда жизнь отлетѣла отъ него, когда послѣдняя теплота ея оставила бездушное тѣло и замѣнилась страшнымъ хладомъ смерти, всѣ черты лица его запечатлѣлись въ одну недвижную улыбку смиреннаго страданія, и я благоговѣйно прильнулъ къ оледенѣвшимъ устамъ его. Три дня и три ночи простоялъ онъ въ храмѣ, но тлѣніе ни малѣйше не коснулось его останковъ, и ни-

когда болѣе прекрасное тѣло мертвеца не было предаваемо землѣ...»

— Объ аристократкѣ я узналъ слѣдующее. Жестоко пораженная смертью любимаго человѣка, она имѣла однакожъ силы перенесть свое несчастіе, можетъ быть, потому только, что успѣла свыкнуться съ мыслью о неизбѣжности его. Послѣдняя встрѣча ея съ педагогомъ не оставила ей никакой надежды на возстановленіе его здоровья, и съ каждымъ днемъ она должна была ожидать страшной вѣсти. Мужъ не позволилъ ей присутствовать при уединенномъ погребеніи страдальца, но она нашла возможность тайно отъ него проститься съ драгоцѣнными останками милаго человѣка, и уже нѣсколько разъ пріѣзжала молиться надъ его могилою, избирая для того вечернее время.

Смеркалось, когда священникъ разсказывалъ мнѣ все это. Мы сидѣли у окошка. Блѣдный мѣсяцъ выглядывалъ уже изъ-за сѣрыхъ зимнихъ облаковъ, и раскладывалъ широкія тѣни по кладбищу, покрытому бѣлымъ саваномъ снѣга. Приближалась ночь, а до города отъ погоста оставалось еще верстъ двадцать. Я простился съ священникомъ, поблагодаривъ его за радушіе и пріемъ, и хотѣлъ уже сѣсть въ сани свои, подъѣхавшія къ крыльцу, какъ вдругъ священникъ остановилъ меня словами, выговоренными съ нѣкоторымъ трепетомъ: «Она здѣсь, на кладбищѣ!... Посмотрите!»

Въ самомъ дѣлѣ, надъ могилою несчастнаго рисовалась женская тѣнь. Первымъ движеніемъ моимъ было идти на кладбище. Я хотѣлъ взглянуть на аристократку, вглядѣться въ черты лица ея, которое столько разъ и такъ подробно описывалъ мнѣ племянникъ баронессы: но я обуздалъ свое любопытство, и принесъ его въ жертву другому чувству — нескромнымъ присут-

ствіемъ своимъ я не хотѣлъ нарушить уединенной молитвы женщины надъ прахомъ человѣка, котораго и въ могилѣ она любить не переставала.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

WERT
BOOKBINDING
Cranesville, Pa.
March - April 1989
We're Quality Bound